

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 29.09.2023. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 0/09. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 29.09.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 0/09. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганова, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Дэжин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Bie Chunhong, Ilinykh N.G. Action Metaphors as Fragments of the Language World Landscape of Russia and China</i>	6
<i>Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K. Etymological aspects of hairdressing terminology in Turkish language. The article title</i>	13
<i>Sboev A. N. Address terms in Chinese Internet Communication</i>	23
<i>Kasimov O.H., Biktagirova Z.A., Deputatova N.A. Hydronym 'Nile/ نيل' in Tajik-Persian written monuments: linguistic and cultural analysis</i>	40
<i>Magdeev R.R., Yilmaz E.R. Japanese approach to housing rental: peculiarities of the application of terminological vocabulary</i>	52
<i>Kravtsova A.V., Shmeleva O.D. Specific features of lexical homonymy in Chinese sports and medical media advertising</i>	61

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Alla L. Verchenko. Zhou Enlai, USSR and Comintern (1920-1940s)</i>	77
<i>Iliukhov A. A. Chinese Historiography on the Formation of the Eight Banner System in Qing Empire</i>	90
<i>Isaev A.S. Art films in China: current status, trends and prospects</i>	109
<i>Klementeva T.V. On the Origins of Leishu 類書 ("classified books") Encyclopedic Texts in China</i>	121
<i>Khrenov V.V., Shklyayeva P. A. Promotion of South Korean cosmetics in the 21st century: K-Beauty phenomenon</i>	140
<i>Anofrieva D.S. Outline of the history of the Korean studies in the IOM RAS</i>	158
<i>Cherevko M.V., Somkina N.A. Western Studies of Miao Albums</i>	180
<i>Grishin Ya.Ya. Akhmetkarimov B.G. Soviet-Turkish relations of 1922 (according to the pages of documents)</i>	197
<i>Alikberov E.Sh., Alikberova A.R., Balakin D.A. Development of the US technological infrastructure in the Pacific Ocean as a factor of competition in Sino-American relations in the Asia-Pacific region</i>	210

PHILOSOPHY AND CULTURE

<i>Phan Quốc Anh The Kala in Champa decoration art (Proposing solutions to attract visitors to Vietnam's ancient arts)</i>	218
Information for authors	232
Article formatting sample	237

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Бе Чуньхун, Ильиных Н.Г.* Акциональная метафора как фрагмент русской и китайской языковых картин мира 6
- Галяутдинова Л.М., Кызылкая З.Х.* Этимологические аспекты терминологии в области парикмахерского искусства в турецком языке 13
- Сбоев А.Н.* Обращения в китаеязычной интернет-коммуникации 23
- Касимов О.Х., Биктагирова З.А., Депутатова Н.А.* Гидроним «Нил/ النيل» в таджикско-персидских письменных памятниках: лингвокультурологический анализ. 40
- Хо Тхи Тху Ханг.* Сравнение грамматических особенностей имен существительных русского и вьетнамского языков 52
- Кравцова А.В., Шмелева О.Д.* Видовые особенности лексической омонимии в китайской спортивной и медицинской медиарекламе 61

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Верченко А.Л.* Чжоу Эньлай, СССР и Коминтерн (20-40-е годы XX в.). 77
- Илюхов А. А.* Китайская историография о формировании восьмизнаменной системы империи Цин 90
- Исаев А. С.* Художественное кино в Китае: текущее состояние, тенденции и перспективы. 109
- Клементьева Т.В.* Об истоках формирования энциклопедических текстов лэйшу 類書 («книги с [разбиением] на категории») в Китае 121
- Хренов В.В., Шкляева П.А.* Особенности южнокорейской косметики и её продвижения в XXI в.: феномен K-Beauty 140
- Анофриева Д. С.* Очерк истории корееведения в ИВР РАН 158
- Черевко М.В., Сомкина Н.А.* Западные исследования альбомов мяо 180
- Гришин Я.Я. Ахметкаримов Б.Г.* Советско-турецкие отношения 1922 г. (по страницам документов) 197
- Аликберов Э.Ш., Аликберова А.Р., Балакин Д.А.* Развитие технологической инфраструктуры США в акватории Тихого океана как фактор конкуренции в китайско-американских отношениях в АТР 210

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

- Фан Куоюг Ань* Художественное оформление "Кала" в Чампе (Решения по привлечению посетителей к объектам древнего искусства Вьетнама) 218
- Информация для авторов 232
- Образец оформления статьи 237

**Action Metaphors as Fragments
of the Language World Landscape of Russia and China**

**Акциональная метафора как фрагмент русской
и китайской языковых картин мира**

Бе Чуньхун*,
Ильиных Наталья Геннадьевна
*Шихэцзыский университет,
Китайская народная республика*
350612571@qq.com

Bie Chunhong,
Natalia G. Ilinykh
*Shihezi University,
China*
350612571@qq.com

УДК 81-2 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-6-12](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-6-12)

АННОТАЦИЯ

В русском и китайском языках существуют многочисленные языковые единицы с акциональной метафорой. В статье проведено сопоставительное изучение русских и китайских глаголов и глагольных фразеологизмов, которые метафорически характеризуют деятельность человека. С помощью лингвокультурологического анализа этих языковых единиц указаны переносное значение и образы, содержащиеся во внутренних формах лексик, переданы стереотипные представления о действии, названном прямым значением стержневого компонента. Наше исследование способствует

ABSTRACT

There are many language units with action metaphors in Russian and Chinese. This article conducts a comparative study of Russian and Chinese verbs and verb phrases that metaphorically describe human activities. By analyzing the language and culture of these language units, we have identified the meanings and images in the internal forms of vocabulary, and expressed the stereotypical concepts of behavior known as the direct meaning of core components. Our research contributes to the development of cross-cultural communication theory and can help Chinese students learn Russian by cultivating comparative

* Настоящая статья является результатом поэтапного исследования проекта «基于语言文化视角下的俄语专业学生跨文化交际能力培养» (номер проекта: 2022101501) («Развитие межкультурных коммуникативных способностей студентов по специальности русского языка с точки зрения лингвокультурологии») в рамках гранта Научно-исследовательского проекта по преподаванию иностранных языков в вузах.

развитию теории межкультурной коммуникации и может быть использовано в процессе обучения китайских студентов русскому языку посредством формирования навыков сравнительного анализа двух языков и культур.

Ключевые слова: акциональная метафора, глаголы, глагольные фразеологизмы, лингвокультурологический анализ, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Бе Чуньхун, Ильиных Н.Г. Акциональная метафора как фрагмент русской и китайской языковых картин мира. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 6-12 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-6-12>

Метафора рассматривается как главное средство выражения культурных кодов. В этом ряду рассматривается акциональный код культуры, который понимается как «действие», «деятельность» в этнолингвистике и лингвокультурологии последних десятилетий. В лингвистических работах представлен лингвокультурологический аспект анализа этого кода культуры. Главными средствами репрезентации акционального кода является акциональная метафора. Акциональный код объектируется в языке через акциональную (деятельностную) метафору, к источникам которой принадлежат различные виды деятельности человека.

Родоначальники когнитивного подхода к метафоре Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «метафора распространена не только в языке, но и в мышлении, и действии...» (Lakoff, John-

son 1980, 3). Суть акциональной метафоры — это метафора действия. Следовательно, глаголы, описывающие действие образуются на основе сходства или ассоциативной семантической связи с каким-либо глаголом или предметом. Человек познаёт и объясняет окружающий мир через типизацию разного вида практических деятельностей. Базовый образ акционального кода — это действие. Это подтверждается тем фактом, что в русском и китайском языках в качестве основного объекта метафоризации выступают характеристики действия человека. К универсальным метафорическим моделям можно отнести перенос «человек → человек», «животные → человек».

Keywords: action metaphor, verbs, verb phrases, language and cultural analysis, cross-cultural communication.

For citation: Bie Chunhong, Ilinykh N.G. Action Metaphors as Fragments of the Language World Landscape of Russia and China. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№2). P. 6-12 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-6-12>

son 1980, 3). Суть акциональной метафоры — это метафора действия. Следовательно, глаголы, описывающие действие образуются на основе сходства или ассоциативной семантической связи с каким-либо глаголом или предметом. Человек познаёт и объясняет окружающий мир через типизацию разного вида практических деятельностей. Базовый образ акционального кода — это действие. Это подтверждается тем фактом, что в русском и китайском языках в качестве основного объекта метафоризации выступают характеристики действия человека. К универсальным метафорическим моделям можно отнести перенос «человек → человек», «животные → человек».

В качестве объекта нашего исследования выступают глаголы и глагольные фразеологизмы, с помощью которых метафорически

характеризуется деятельностью и действия человека. Исследования акциональной метафоры двух языков в лингвокультурологическом аспекте позволяет выявить особенности стереотипных представлений русского и китайского народов о действительности, составляет важный фрагмент языковой картины мира обоих народов.

Актуальность исследования обусловлена сопоставительным изучением глаголов и фразеологизмов с точки зрения лингвокультурологии. Мы не встречались с сопоставительным исследованием, в котором анализируется акциональная метафора на материале глаголов и глагольных фразеологизмов.

Русская лексика имеет очень широкую семантику за счет того, что большинство слов является многозначными. Однако в процессе обучения русскому языку китайские преподаватели уделяют большое значение толкованию слов, фразеологизмов и интерпретации языковых единиц, концентрируя внимание только на первичных их значениях и игнорируя при этом культурные коннотации. В результате такого подхода студентам не понятен менталитет русского народа, они способны лишь механически составлять предложения, не учитывая этимологию, словообразовательную структуру и культурную информацию их компонентов. Как следствие, у них отсутствует навык системной организации лингвокультурной информации, извлечения ее из памяти в реальной ситуации общения. Изменению ситуации, с нашей точки зрения, может способствовать сравнительный анализ русских и китайских единиц,

обладающих национально-специфической семантикой, с опорой на реализацию лингвокультурологического подхода. Это необходимо для выявления их роли в организации сопоставляемых картин мира с целью последующего использования результатов наблюдений в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Материалами исследования акциональной метафоры служат глаголы и глагольные фразеологизмы, несущие культурную информацию. Внесем уточнение: деятельность человека во всех языках обозначается глаголами и глагольными фразеологизмами, именно они служат материалом для наших наблюдений (Бе Чуньхун, Грязнова 2019, 22-23).

Сопоставление русских и китайских глаголов и глагольных фразеологизмов показало, что в основе их семантики лежат механизмы метафоризации, они несут образность, получили культурное переосмысление.

Новизна в том, что посредством классификаций различных глаголов и фразеологизмов даются их лингвокультурологический комментарий: объяснить происхождение, этимологию, ассоциацию и даже культурную коннотацию. Методом исследования служит компонентный анализ внутренней формы, и метафорического переносного значения языковых единиц и их культурной коннотации. Рассмотрим нижеследующие глаголы и фразеологизмы, содержащие акциональную метафору:

Русский глагол *лаять* буквально значит громкие и резкие звуки о собаках, лисах или

других животных, метафорически означает «ругать, бранить». Здесь перенос с крика животных на речевую деятельность человека на основе особенности подобного звука.

Глагол **ворковать** — «перен. говорить ласково и тихо» (Шведова 2007, 488). Переливчатые звуки голуби издают во время брачных игр. По представлениям русских, птица голубь обладает нежным характером, символизирует счастье, любовь, миролюбие, ср. Воркует, как голубок. В древности лексема **голубь** служила символом женственности и материнства. Положительное отношение к голубю отражают в русском речевом этикете обращения голубка, голубушка; приголубить в русском языке означает «приласкать» (Прохоров 2007, 130). Глагол ворковать имеет метафорическую внутреннюю форму, актуализирующую семы 'ласково', 'брачные игры', и сопровождается положительной оценкой. В китайской культуре животное голубь 鸽子 [Гэ цзы] символизирует веру и семейную гармонию.

Глагол **плести** первично описывает изготовление чего-либо, переносно означает болтать неправдоподобное. Схожий смысл передает китайский глагол 编 [Бянь], который имеет одно и то же прямое и переносное значение. Оба глагола актуализируют акциональную метафору, по которой созидательная деятельность переносится на речевую, реализуют потенциальную сему 'неправда'. Ср. *плести вздор, плести окоlesiцу, плести языком*.

Глагол **сосать** выражает движение губ и языка, втягивать в рот какую-либо жидкость, переносно означает «вымогать хитростью или

насильно, наживаясь за чей-либо счет». Ср. Придуманная болячка, чтобы деньги сосать из бюджета. (Александра Кучук. *Детская больница для недоношенных: инкубатор гениев или инвалидов?*); Мы никого не собираемся пугать или **сосать** кровь (*Новый регион 2, 2008.10.15*). Китайский глагол 吸 [Си] переводится как сосать. Фразеологизм **сосать кровь** презрительно обозначает «мучить кого-либо, издеваться над кем-либо» (Федоров 2008, 644). Ср. 榨钱 [Чжа цзянь] — сосать деньги, 剥削老百姓 [Бо сюе лао бай син] — сосать народ. Через образ физиологического процесса поглощения жидкости метафорически выражается поведение с отрицательной эмоциональной оценкой.

Фразеологизм **трубить в трубы** и китайский фразеологизм 大吹大擂 [Да чуй да лэй] (буквально переводится как "многие музыкальные инструменты вместе играют"), образно описывают распространение слухов или чрезмерного восхваления успехов человека. Их образы основаны на акциональной метафоре, уподобляющей физическое действие речевому.

Русский фразеологизм **рыть яму** и китайский глагол 挖坑 [Ва Кэн] эквиваленты, имеют одинаковое прямое и переносное значение, в их образах **яма** носит символику неизвестной опасности. Это поведение у русского и китайского народа осуждается.

Русский глагол **обелить** и китайский 洗白 [Си Бай] первично описывают движение сделать что-либо белым, переносно характеризуют доказательство невиновности кого-либо. Образы глаголов содержат акциональную метафору, уподобляющую физический труд

поведению. В сознании русского и китайского народа белый цвет символизирует чистоту, справедливость и невинность.

Пословица *семь раз примерь, один раз отрежь* описывает поведение портного, которому нужно правильно раскроить ткань для шитья одежды нужного размера. И так пословица переносно учит нас обдумать свои действия. Схожее значение передает китайский фразеологизм 三思而后行 [Сань си эр хоу син].

Для выражения тревоги употребляется фразеологизм *кошки на сердце скребут* и китайское устойчивое выражение 心里像猫抓一样 [Син ли сян мао чжуа и ян], который буквально переводится как "на сердце как кошки скребут". Оба они передают душевное состояние человека, образ создан на основе неприятной ассоциации с острыми когтями кошки.

Русская пословица *Старый конь борозды не испортит* звучит оптимистично, имеет смысл опытного коня, который проводит борозду в поле легко. Китайская пословица 骏马面前无沟壑 [Цзюнь ма мянь цянью ву гоу хэ], описывает что, бегущий конь, даже если имеется впереди борозда, он может перейти. Обе пословицы характеризуют поведение человека через действие животного.

Пословица *Два медведя в одной берлоге не уживутся* имеет значение "не может быть двух хозяев в одном доме". Образ медведя в русской культуре имеет символику мужества, богатырской силы. Китайская пословица 一山不容二虎 [И шань бу жун эр ху] переводится как "на одной горе не жить двум тиграм".

Эта пословица метафорически показывает, что два сильных человека, которые равны по силе, в одном месте несовместимы друг с другом. В обеих пословицах метафорически уподобляется действие животных и поведение человека.

Фразеологизм *закрутить гайки* означает «сильно повышать требования, становиться более строгим» (БФСРЯ 2012, 225), произносится с осуждением. Образ содержит акциональную метафору: человеческое общество уподобляется механизму, представители власти, как механики, контролируют его действия, держа в напряжении. В китайском языке также существует 拧紧螺帽 [Нин цзинь ло мао] (закрутить гайки), 上发条 [Шан фа тяо] (часовой завод) со значением «повышать требования, прилагать больше усилий к делу» с положительной оценкой.

Народы Китая и России имеют сходные черты в стереотипном восприятии того или иного действия или деятельности. Изучение акциональных метафор в русском языке помогает устранить недопонимание в процессе языковой трансформации. Выражение речевой деятельности, мыслительной деятельности, психологического состояния, эмоций и различных действий человека через конкретные действия человека или действия животных, которые преобразуются между двумя движениями метафорами, объединяют национальные условия, табу, мифы, легенды, символы, стереотипы и другие внеязыковые факторы, чтобы закрепить культурную информацию в символах культуры действия.

Таким образом, являясь носителем концептуальной метафоры, акциональная метафора воплощает мировосприятие определенной лингвокультурной общности. В определенном смысле они универсальны, поскольку формируются по определенным базовым принципам, одинаковым во всех лингвокультурах. С другой стороны, метафорические стратегии отражают культурные традиции выбора средств осмысления абстрактных категорий, существование которых обусловлено типичными для конкретной языковой общности (Маслова 2012, 87-96). Совпадение обусловлено сходной ассоциативной направленностью образного мышления двух народов, для вербализации окружающей действительности характерна национально-культурная специфика, обусловленная рядом экстралингвистических знаний. Анализ языковых единиц с подобным образом акциональной метафоры помогает выявить характерную языковую картину мира каждого языка, способствует успешной межкультурной коммуникации.

В процессе преподавания русского языка как иностранного мы всегда пренебрегаем лингвистическим и когнитивным анализом лексик, часто фокусируясь только на толковании языковых единиц. Это неизбежно приводит к тому, что учащиеся придают большое значение изучению только языковых знаний, игнорируя при этом культурную коннотацию. Рассмотрение русских слов в лингвокультурологическом аспекте не только укрепляет знание учащимися изучаемого языка и культуры, но и помогает им глубже вникать в культурную информацию, лежащую в основе языка, тем самым повышая способность к научным

исследованиям. Развитие метафорического мышления и способности к сравнительному анализу особенно важны для преподавания русского языка в китайской аудитории.

Список источников

1. *Бе Чуньхун, Грязнова А.Т.* Глагольная лексика, описывающая эмоциональное состояние человека, как средство репрезентации акционального кода культуры (на материале русского и китайского языков). / Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика. Сборник статей / под общей ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. –Казань: Издательство Казанского университета, 2019. С. 22–32.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В.Н. Телия. – М.: АСТ -Пресс книга, 2012. –784 с.
3. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago, 1980
4. *Маслова В. А.* Теория концептуальной метафоры и ее роль в современных лингвистических исследованиях. Лингвистика. Лингвокультурология / В. А. Маслова // Сборник научных трудов. Днепрпетровск: Днепрпетровский национальный университет, 2012. Т. 5. С. 87-96.
5. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2007. – 736 с.

6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 4. – М.: «Азбуковник», 2007. – 952 с.
7. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц /А .И . Фёдоров. – 3-е изд., испр. –М.: Астрель: АСТ, 2008. 878с.

Сведения об авторах

Бе Чуньхун

старший преподаватель, кафедра русского языка Института иностранных языков, Шихэцзыский университет, 832003, Шихэцзы, ул. Бэйсы, № 221, Китай,
E-mail: 350612571@qq.com

Ильиных Наталья Геннадьевна

иностраннный преподаватель, кафедра русского языка Института иностранных языков, Шихэцзыский университет, 832003, Шихэцзы, ул. Бэйсы, № 221, Китай,
E-mail: 820102329@qq.com

Information about the authors

Bie Chunhong

Senior Lecturer, Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Shihezi University, 832003, Shihezi, st. Beisi, No. 221, China,
E-mail:350612571@qq.com

Natalia G. Ilinykh

Foreign Lecturer, Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Shihezi University, 832003, Shihezi, st. Beisi, No. 221, China,
E-mail: 820102329@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Etymological aspects of hairdressing terminology in Turkish language

Этимологические аспекты терминологии в области парикмахерского искусства в турецком языке

Türkçede kuaförlük terminolojisinin etimolojik yönleri

*Галяутдинова Луиза Михайловна,
Кызылкая Зиля Хайдаровна*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
gluiza@mail.ru*

<https://orcid.org/https://0000-0002-1041-1984>

*Luiza M. Galyautdinova,
Zilya Kh. Kizilkaya*

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: gluiza@mail.com

<https://orcid.org/https://0000-0002-1041-1984>

УДК 81 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-13-22](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-13-22)

АННОТАЦИЯ

Терминология в области парикмахерского искусства относится к активно развивающейся части словарного запаса турецкого языка, что обусловлено прогрессивным развитием парикмахерского искусства. Современная терминология в области парикмахерского дела, в основном состоит из слов западного происхождения, также включая в себя большое количество слов с исконно тюркскими корнями. Парикмахерская терминология как система непостоянна, она развивается в соответствии с потребностями времени. В данной статье парикмахерская лексика рассматривается в этимологическом аспекте. В процессе исследова-

ABSTRACT

Hairdressing terminology belongs to an actively developing part of the Turkish language vocabulary, which is due to the progressive development of hairdressing. Modern hairdressing terminology mainly consists of Western origin words, also including a large number of Turkic origin words. Hairdressing terminology as a system is changeable, it develops in accordance with the needs of the time. In this article, hairdressing vocabulary is considered in the etymological aspect. In this research was applied the method of analysis which is used to determine the original form of the word and its further historical development. The material of the study was lexical items related

ния был применен метод анализа, который используется для определения первоначальной формы слова и его дальнейшего исторического развития. Материалом исследования послужили лексические единицы относящиеся к терминологии парикмахерского дела, которые были определены методом контролируемого отбора. В результатах приводится процентное соотношение выявленных этимологических особенностей исследуемой терминологии.

Ключевые слова: этимология, заимствования, парикмахерское дело, парикмахерская терминология, турецкий язык

Для цитирования: Галяутдинова Л.М., Кызылкая З.Х. Этимологические аспекты терминологии в области парикмахерского искусства в турецком языке. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С.13–22 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-13-22>

Özet. Kuaförlük sanatında kullanılan terminoloji, Türk dilinin hızla gelişen sözcük dağarcığına girmektedir. Bunun sebebi sanatın sürekli ilerlemesinden kaynaklıdır. Söz konusu çağdaş terimler ağırlıklı Batı kökenli ve Öz Türkçe kelimelerden oluşmaktadır. Kuaförlük terminolojisi sistem olarak değişken ve zaman gereksinimlerine göre gelişmektedir. Bu makalede ele alınan sözcükler etimoloji açısından incelenmiştir. Araştırma çerçevesinde, kelimenin ilk anlamının belirlenmesi ve onun tarihsel gelişmesinin izlenmesi için analiz yöntemi uygulanmıştır. Denetlemeli seçim yöntemiyle belirlenmiş sözcük birimleri araştırmanın temelini oluşturmuştur. Makalenin sonucunda terimlerin etimolojik bulgularının yüzdesi çıkarılmıştır.

to the terminology of hairdressing, which were determined by the method of controlled selection. In the conclusion it is shown the percentage of the identified etymological features of the researched terminology.

Keywords. Etymology, loanwords, barber, hairdresser, hairdressing terminology, Turkish language.

For citation: Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K. Etymological aspects of hairdressing terminology in Turkish language. The article title. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P.13-22 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-13-22>

Anahtar kelimeler. Etimoloji, ödünçleme, berber/kuaför, kuaförlük terminolojisi, Türkçe.

Atıf için. Galyautdinova L.M., Kizilkaya Z.K. Türkçede Kuaförlük Terminolojisinin Etimolojik Yönleri. The article title *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume (№). P. (In Turkish) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-13-22>

Mesleki kavramının gelişmesi

Bu çalışmada, Türk dilinde 'Kuaförlük/Berberlik' alanında kullanılan terminolojinin etimolojik ve anlamsal özellikleri araştırılmıştır. Kaynak olarak 'Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü', 'Türkçe Sözlük', Kuaför Dergileri incelenmiştir.

Osmanlı'da berberler yalnızca saç kesen ya da tıraş yapan kişiler değil aynı zamanda sünnetçilik, hacamatçılık ve dişçilik gibi işler de yaptıkları bilinen kimselerdir. Dönemin berberleri, Hekim-başı'ndan bir izin-nâme alarak cerrahlık yapabiliirdi. Berberler şişe çekme, sülük koyarak kan alma, alât-ı cerrâhiyye'den olan kerpetenle diş çekme gibi işler yaparlar, cilt hastalıkları için merhem hazırlarlardı. Göz ağrısı ve soğuk algınlığı olanların da çare için berberlere geldikleri olurdu.[1, 194]

Söz konusu görevleri yapan kimselere 'hallak' / 'hallâk' (Ar خلاق 'iyi tıraş eden/ berber') ve 'ser-terâş' (Far سر 'baş, kafa') olarak hitap edilmiştir.[1, 187]

Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğüne göre 'berber' kelimesi İtalyanca *barbiere* (*barba* a.a. — 'sakal') kelimesinden türetilmektedir.[2, 72]

Türk akademisyen Ahmet Akgündüz'e göre, yaklaşık olarak XVI. yy.da 'berber' sözcüğü Osmanlı Türkçesinde saç ve sakal kesimi yapan meslek sahipleri için kullanılmaya başlamıştır. 'Berber' kelimesinin geçtiği ilk resmî belge Yavuz Sultan Selim Kanunnâmesi'dir.[3, 115] Aynı zamanda, on ikinci 'Mühimme Defteri'nin 724 numaralı hükmünde mesleki anlamda 'berber' ifadesi kullanılmıştır: '...iki başçı ve iki berber ve iki nefer aşçı ve iki nefer eskici ve altı nefer

arpacı ihrâc olunmak emridüp buyurdum ki...' [4, 13]

Bayanlar için uzmanlar hakkında söz etmek gerekirse, incelenen kaynaklara göre bayan kuaförlüğü bir zanaat dalı olmadığı için resmi belgelerde rastlanmamaktadır. Fakat, XVI. yy.'nın Divanlarında şairler 'meşşâtlık'tan bahsetmektedir. Meselâ, Nefî Divanı'nın 'Der Medh-i Sultân Ahmed Hân' kasidesinde 'meşşâtlık' aşağıdaki gibi geçer:

'Tab'ım arûs-i ma'niye meşşatalık eder

Endişem âyine kalemim sürmedan verir.' [5, 35]

[Şairliğim mâna gelinine meşşatalık (gelin tuvaletini yapan kadın eder).

Bu esnada benim tefekkürüm, ona ayna, kalemim de sürmedan verir].[6, 102]

Osmanlıca Sözlüğünde 'meşşât' Arapçadan 'مشاط' 'tarak yapan, tarakçı', 'meşşata' 'مشاطة' 'gelini süsleyen, gelin tuvaleti, kadın tuvaleti yapan kadın' anlamına gelmektedir.

"Meşşâta 'gelini süsleyen kadın' anlamıyla Mecmuatü'n-Nezair'de, Varka ve Gülşah'ta, Fuzuli Divanı'nda, Mevlana Sekkaki Divanı'nda ve Tuhfetü'l-Uşşak'ta vardır. Kelime ayrıca, 'Gelin süsleyen, gelin tuvaleti yapan' açıklamasıyla Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat'te, Mehmed Ali Çelebi Divanı'nda ve Cem Sultan'ın Türkçe Divanı'nda yer almıştır. Ayrıca 'meşşâta', 'mâşita' şekliyle Türk Lügati ile Varka ve Gülşah'ta da geçer." [7, 61-62]

XIX. asrın ikinci yarısından itibaren batılılaşma fikri Fransızcadan 'kuaför' (Fr *coiffeur*) sözcüğünün Osmanlı Türkçesine girme nedeni olmuştur. [8, 1657-1667]

Günümüzde Türkiye genelinde saç uzmanları Bayan Kuaförü ve Erkek Kuaförü olarak ayrılmaktadır. Bayan kuaförü salonlarında tesettürlü bayanlara, ayrı oda ve tesettür saç modelleri gibi özel şartlarda hizmet sunulmaktadır. Erkek kuaförleri için kullanılan başka bir sözcük 'Berber'dir. Erkek kuaförleri salonlarında bıyık-sakal bakımı, bayan kuaförleri salonlarında ise kaş tasarımı, manikür/pedikür ve makyaj da yapılmaktadır.

Araştırma sırasında 'Kuaförlük/ Berberlik' alanında 100 kelime ve kelime tamlaması incelenmiştir. Mesleki terimler kuaför dergileri, 'Gelin Damat' dergisi, Türkiye'de bilinen erkek ve bayan kuaförlerin web sayfaları, TDK'nın Türkçe sözlüğü, Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü, Eski Türkçe Sözlük'ten özel olarak seçilmiştir. Etimoloji bakımından kelimelerin bir kısmı Eski Türkçe, diğer kısmı yabancı kökenlidir.

İncelenen alanın terimler yelpazesi oldukça geniş görüldüğü için, bu makaledeki sözcükler Sarf Malzemeleri, Makaslar, Tıraş ve Saç Bakım Ürünleri, Saç Boyaları, Saç Kesim ve Şekilleri, Bıyık ve Sakal Modelleri tematik grupları ile sınırlandırılmıştır.

İncelenen uzmanlık terimleri olarak tekli sözcüklerin dışında ağırlıklı tamlamalar kullanılmaktadır. Aynı zamanda kuaförlükte kullanılan bazı terimler için Türkçe'de özel bir sözcük bulunmamaktadır. Bu tür terimler açıklama yoluyla oluşturulmaktadır.

Bigudi — (Fr *bigoudie*) 'saç sargısı'. [2, 76]

Fön — (Alm *föhn* 'Alpler'de sıcak güney rüzgârı' ~ Lat *favonis* 'sıcak güney rüzgârı'

< *fovere* 'ısıtmak') 'saç kurutma makinesi'. [2, 167]

Firkete — (İt *forchetta* 'sofrada kullanılan çatal' < *forca* 'tarlada kullanılan çatal, bel' ~ Lat *furca*) 'çatal şeklinde saç iğnesi'. [2, 163]

Cımbız — (*cinbistra/cimbistra*) (Yun *tsimbida* < *tsimbo* 'çimdik atmak, (pire) ısırarak, (sinek) sokmak') '1. kerpeten, 2. kıl yolacak alet' 92-93 (< Rtowridl 'Pinzette') 'kıl gibi ince şeyleri tutmak veya çekmek için kullanılan küçük maşa'. Anadolu ağızlarında *cimbit/cimbız*; yemek çatalı, cimbiş, cimbit, cimbiz gibi birtakım biçimler de kullanılır. [9, 70]

Ustura — (Fa *ustura* a.a. ~ OFa *awēstarag* a.a.) 'sakal tıraşı için kullanılan keskin bıçak'. [2, 497]

Briyantın — (Fr *brillantine* < Fr *brillant* parlak, parıldayan < Fr *briller* parlamak ~ İt *brillare*) '1. çok parlak bir tür ipek [esk.], 2. parlatıcı saç veya sakal yağı'. [2, 83]

Jöle — (Fr *gelée* a.a., *geler* 'donmak, dondurmak' ~ Lat *gelare* ~ HAvr **gel-* a.a.) '1. donmuş şey, buz, 2. jelatinli madde'. [2, 231]

Wax — (İng *wax*, Germence yazılı örneği bulunmayan **waxsam* 'balmumu' biçiminden evrilmiştir. [10, 1462]

'Boya' sözcüğüyle oluşturulan tamlamalar:

Boya — (XIV. Kıp *boyağ*) 'yakı, çivit, kına, boya'. [2, 82]

Boya fırçası: Fırça — (Yun *bourtsa* ~ OLat *Bruscia*) 'sert ve dikenli çalılık, fırça'. [2, 160]

Boya Tası: Tas — (Kıp *tas* ~ Ar *tās*) 'yassı ve yuvarlak su kabı'. [2, 468]

Boya Kasesi: Kase — (Fa *kāsa* a.a. ~ Aram *kāsā* a.a. ~ Akad *kāsu*) — bardak, kupa, çanak, büyük ve yassı bardak. [2, 247]

Boya Sehпасı: Sehpa — (Fa/OFa *sih pāy*) ‘üçayak’. [2, 421]

Boya Önlüğü: Önlük — (Öz Tü *öñğ*) ‘ön’+lük yapım eki. [2, 364]

Boya Tarağı: Tarak — (Öz Tü *tarıaq*) ‘tarak’. [11, 537]

‘Saç’ sözcüğüyle oluşturulan tamlamalar:

Saç — (Öz Tü *saç*) ‘saç’. [2, 479]

Saç Bonesi: Bone — (Fr *bonnet* a.a. ~ EFr *bonet* ‘bir tür dokuma’) ‘bir tür başlık’. [2, 80]

Saç Spreyi: Sprey (İng *spray*) ‘zerleştirilmiş sıvı püskürtme, bu işi yapan aygıt’. [2, 441]

Saç Maskesi: Maske — (Yun *maska* ~ İt *masca* ‘1. cadı 2. maske’) ‘maske’. [2, 308]

Saç Fılesı: File — (Fr *filee* a.a. < *fil* iplik, lif ~ Lat *filum* a.a. Filament) ‘her çeşit ağ, ağ şeklinde örme torba’. [2, 161]

Saç Tokası: Toka — (Moğ *tuğukay* ‘kemer tokası, aşık kemiği, ağırlık ölçmek için kullanılan metal parçası’) ‘kemer tokası’. [2, 483]

Saç Bakım Kremi: Saç — yk.bk. **Bakım** — 1. Bakma işi; 2. Bir şeyin iyi gelişmesi, iyi bir durumda kalması için verilen emek. **Krem** — (Fr *creme* ‘1.kaymak; 2. a.a. ~ OLat *crama*) ‘1. cildi yumuşatmak için kullanılan merhem, pomat; 2. açık, bej rengi’. [2, 278]

Saç Bakım Ampülü: Saç — yk.bk. **Bakım** — yk.bk. **Ampül** — (Fr *ampoule* a.a. ‘şişecik, cam tüp, ampul’. [2, 42]

Saç Bakım Serumu: Saç — yk.bk. **Bakım** — yk.bk. **Serum** — (YLat *serum* a.a. ~ Lat *serum* ‘kesilmiş sütün suyu, peyniraltı suyu’ ~ HAvr *ser-akmak, sıvı*) ‘kan sıvısı’. [2, 427]

Saç Toniği: Tonik — (Fr *tonique* ~ OLat *tonicus* a.a. ~ EYun *tonikós τονικός* geren, güç veren < EYun *teínō, ton- τείνω, τον-* germek + *ikos* → ton<sup>) ‘1. diyatonik dizinin ilk notası, 2. güç veren, kuvvet şurubu’. [2, 485]

Saç Köpüğü: Köpük — (ÖzTür *köp-*) ‘şişmek, kabarmak, irileşmek’ + *Ik*. [2, 277]

Saç Maşası — (Fa *māşarz/māşa* a.a.) ‘kısaç, pense’. [2, 309]

Siyahlaştırcı — (Fa *siyāh/siyah* سیاه/سیاهkara << OFa *syāv* a.a. << EFa/Ave *syāva-* a.a. (= Sans *śyāmá श्याम* koyu renk, esmer, siyah) << HAvr **kiē-mo-* koyu renk, esmer. ‘Siyah’+laş+tır+cı yapım ekleri. [2, 436]

‘Şampuan’ sözcüğüyle oluşturulan tamlamalar:

Şampuan — (Fr *shampooing* a.a. ~ İng *shampooing* saç masajı yapma, özel merhemle saç yıkama [esk.] < Hind *śāpo* masaj yapma, ovuşturma) ‘saç yıkamaya mahsus sabun’. [2, 452]

Kepeğe Karşı Şampuan (Kepek karşıtı şampuan): Kepek — (Öz Tü *kebek* ‘saç kepeği’; *kepek* ‘tahıl kepeği’) ‘saç kepeği, tahıl kepeği’, Şampuan – yk.bk.

Tuzsuz Şampuan — **Tuz** 'kokusuz, suda eriyen, yiyecekleri tatlandırmada ve korumada kullanılan billürsu madde' ~ *Az duz.* — *Tkm dūz.* — *Blk tuz.* — *KKlp duz.* — *Kzk tuz.* — *Krg tuz.* — *Tuv dus.* — *Yak tūs.* — *Çuv tāvar.* Eski çağlardan başlayarak kullanılır. Orta Türkçede *tüz* biçimi geçer. Eski Kıpçakçada *tuz* (*ve duz*) olarak kullanılır. Moğolca *dabusun* 'tuz' biçimiyle birleştirilmesi yanlıştır [9, 420] + *suz* yapım eki, Şampuan - yk.bk.

'Makas' sözcüğüyle oluşturulan tamlamalar:

Makas — (*Ar maqāşş* 'koyun kırpma aleti, makas') 'makas'. [2, 302]

Ara makas — 'saçın yoğunluğunun azaltılmasına olanak veren bir makas'. Aynı zamanda 'Ara Makas'a uzmanlar tarafından 'Efile Makası' denilmektedir. *Efile*, *Fr filer* 'çekmek' ~ *Lat filare* 'ip eğirme, örme' demektir. [12] Yukarıda görüldüğü gibi dillerden alıntı kelimelerin bazıları fonetik değişikliklere uğramaktadır. Bunun sebebi Batı dillerden Türkçeye yerleşen kimi sözcüklerin söyleniş telaffuzu zorlaştırmasıdır. Böylece 'Efile' sözcüğündeki 'e' harfi sonradan eklenmiştir.

Bıyık Makası: Bıyık — (Öz Tü *bıdık* a.a.) 'bıyık', [2, 75] **makas**: yk. bk.

'Fırça' sözcüğüyle oluşturulan tamlamalar:

Kaş Fırçası: Kaş — (Öz Tü *qaş*) 'kaş' [2, 248] **fırça** - yk. bk.

Sakal Fırçası: Sakal — (Öz Tü *saqal*) 'sakal' [2, 486], **fırça** - yk. bk.

Ense Fırçası: Ense — 'boynun arkası'. Hasan Eren'in Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğünde

getirdiği açıklamasına göre eski kaynaklarda *eñse* olarak geçer. ~ *Az eñse.* — *Tkm eñse.* — *Nog eñse.* — *KKlp eñse.* — *Kzk eñse.* — *Krg eñse.* — *TatK iñse* 1.omuz'; 2. yer. 'ense. — *Özb ensa.* — *Kumd eñze.* — *Çuv ėnse.* Tatarcadan alınmıştır.

Eski Kıpçakçada *eñse* (> *ense*) olarak geçer. Brockelmann (OGM 107. §) -se ekiyle yapılmış bir türev olarak değerlendirmiş, ancak en kökünü açıklamamıştır. Sevortyan (ÊSTJa1989, 190-191) buna benzer türevlerin normal olarak fiil köklerinden yapıldığını dile getirerek **en-* kökünün **eñ* — 'eğmek' biçimiyle birleştirilebileceğini, **en-* kökünün de *eğ-* biçimine benzediğini bildirmiştir. Ona göre, Türkçede 'arka, sırt' olarak kullanılan *eğın* (< *eñin*) de *eğ-* (~ **eñ-*) kökünden gelir; [9, 136 -137] **fırça** - yk. bk.

Boyun Bandı: Boyun — (Öz Tü *bojun*)- 'boyun' DTS 110.; **bant/band** — (*Fr bande* a.a. ~ *Ger bandam* a.a. < *bindan* 'bağlamak' < *HAvr bhendh* - a.a.) 'bağ, şerit'. [2, 65]

Duş Bonesi: Duş — (*Fr douche* a.a.~ *İt doccia* 'su borusu' < *OLat ductiare* iletmek, nakletmek); [2, 131] **bone**: yk. bk.

Kırpık Kıvrma Makinesi: Kırpık — (ÖzTü *kırpık*) 'göz kapağındaki kıllar' [2, 262]; **kıvrmak** — (ÖzTü *kıvr-*) 'hasislik etmek, kırmak, kırılmak, burmak, buruşturmak' [2, 260]; **makine** — (İt *macchina* a.a. ~ *Lat machina* ~ *EYun mēchanē* 'aygıt, mekanizma, özellikle makaralı kaldırmaç' ~ *HAvr magh-* 'yapma, yarama, yapabilme, gücü olma') 'araç, aygıt'.

Tel Toka: Tel — 'türlü metallere yapılan ince ip, kırıç' ~ *Az tel* — *Nog tel* — *Kmk tel* < *Erm t'el* 'thread, wire'. — *Arapça* (*Suriye*) *tel* 'fil de fer'

Türkçeden alınmıştır. Kürtçe'de de *têl* olarak kullanılır. Arnavutça tel Türkçeden alındığı gibi, Rumca *τέλι* de Türkçeden geçmiştir [9, 400]; **toka** ук.бк.

Tıraş Losyonu: **Tıraş** — (Fa *tarāş* '1. kazıma, yontma, tıraş etme; 2. tıraş edilmiş şey, yonga, talaş') 'Saç veya sakalı kesme işi, yülüme'; [2, 488] **Losyon** — (Fr *lotion* ~ Lat *lotio/lautio* 'banyo suyu' < *lavare, laut-* 'yıkamak'). [2, 297]

Kuaförlük terminolojisi dahil olmak üzere Türkçede, antroponim ve toponim sözcükleri yaygındır. Araştırdığımız terimler çerçevesinde de bu tür sözcüklere rastlanmıştır. Örneğin:

Boya Naylonu: **Naylon** — (1938 Du Pont Corp., Amer. kimya şirketi; marka *Nylon*) 'bir tür plastik madde.' [2, 346]

Jilet — (marka *Gillette* 'tırış bıçağı markası' < öz *King Camp Gillette* Amerikalı sanayici 1855-1932) 'tırış bıçağı.' [2, 230]

Kolonya — (Fr *eau de cologne* 'Köln suyu' Köln kentinde 1709'dan itibaren Johann Maria Farina ve varisleri tarafından üretilen alkollü esans < öz *Cologne* Almanya'da bir kent, Köln) 'alkollü bir esans'. [2, 267]

Bayan kuaför salonlarında verilen hizmetler arasında saç kesimi, saç boyaması, fön çekirme, saç modeli yapma, saç bakımı, perma, gelin başı/tesettürlü gelin başı yapma yer almaktadır. Günlük ya da etkinlikler için yapılan en yaygın saç modelleri 'topuz' çeşitleri, 'at kuyruğu', 'bukle saç', 'örgülü saç' ve sade 'fön çekimi'dir.

Topuz — (ETü) 1. 'ucu top biçiminde eski bir silâh'; 2. 'top biçiminde toplanmış saç' ~ Az topuz < top + -(u)z eki. Arapça *dabbūs* biçimi

Türkçe bir alıntıdır (Ateş : Arat Arm 30). Mısır Arapçasına da *dabbūs* olarak geçmiştir (Littmann: Tschudi Arm 117/102). Bulgarca, Sırpça gibi Balkan dillerinde de kullanılır: Blg *topúz*; Srp *töpuz* (Škaljić: Turc 620). [9, 413]

Bukle — Fransızca *bouclé* 'tokalı, halkalı' sözcüğünden alıntıdır. Fransızca *boucle* 'toka' sözcüğünden türetilmiştir. Bu sözcük Latince *buccula* 'miğferin çene kayışı' sözcüğünden evrilmiştir. Latince *bucca* 'ağız' sözcüğünün küçültme halidir. [2, 85]

At kuyruğu saç modeli olarak diğer dillerdeki İngilizce 'ponytail', Fransızca 'queue de cheval', Almanca 'Pferdeschwanz', Rusça 'konskiy hvost' sözcüklerine eşdeğerdir. Görüldüğü gibi bu tamlamalar atın kuyruğuna benzeterek oluşturulmuştur.

Örgülü Saç: *Ör-* (Öz Tür) 'saç örmek, yün örmek, duvar örmek.' [2, 365]

Saç boyamada 'balyaj', 'röfle', 'ombre' teknikleri kullanılmaktadır. Bu terimlerin hepsi yabancı kökenlidir.

Saç kesim şekillerine verilen adlar

Röfle — Fransızca *reflet* 'yansıma, parıltı' sözcüğünden alıntıdır. Fransızca sözcük İtalyanca *riflettere* '(ışık) yansımak' fiilinden alıntıdır. Bu sözcük Latince *reflectere*, *reflex* - 'geri dönmek, yansımak' fiilinden evrilmiştir. [2, 407]

Balyaj — Fransızca *balayage* 'süpürme' sözcüğünden alıntıdır. Fransızca *balai* 'süpürge' sözcüğünden +age son ekiyle türetilmiştir. [13]

Kesmek — (Öz Tür *kes-*) a.a. 'kesmek.' [2, 256]

Kâkül — Farsça *kâkul* کاکل Moğolların ve bazı Türklerin başın büyük kısmını traş ederek bıraktıkları uzun saç tutamı, perçem ~ Moğ *kökül/kökel* at yelesi, kuş ibiği, uzun saç tutamı. [2, 236]

Küt Saç Kesimi Modelleri: Küt - (Fa *küt* 'sivri' 'kötürüm, yatalak.' [2, 287]

Bob Saç Kesimi: Bob — İng. *to bob* 'kısa kesmek' kelimesinden gelmektedir. [14]

Pixie Saç Kesimi: Pixie (İng *pixie*) 'peri' 'Oxford Advanced Learners Dictionary'in açıklamasında 'pixie', İngiliz folklorundaki sivri kulaklı, olağanüstü güçlere sahip olan dişi bir yaratık olarak geçmektedir. [10, 960]

Erkeklerin, erkek kuaförlerinde yaptırdığı bıyık çeşitlerinin adları arasında benzetme ve antroponimler temelinin oluşturmaktadır. Benzetme olarak **Kalem Bıyık, At Nalı Bıyık, Osmanlı Bıyık, Mors Bıyık, Kovboy Bıyığı** çeşitleri ve benzerleri

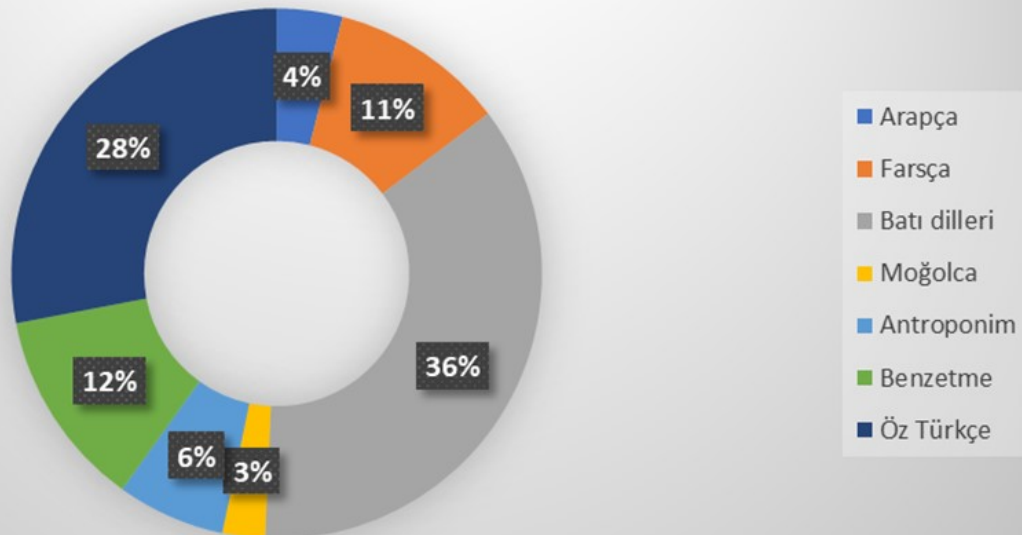
bulunmuştur. Antroponimler olarak ise **Fu Mançu Bıyığı** ve **Dali Bıyığı (Salvador Dali)** belirlenmiştir. Sakal modellerinde **Keçi Sakal, Top Sakal, Osmanlı Sakal** gibi sakalların adları benzetme yoluyla oluşturulmuştur.

Sonuç

Kuaförlük sanatı günden güne gelişmelere uğramaktadır. Dolayısıyla, ortaya yeni aletler, saç kesimleri ve modelleri, boyama şekilleri terimleri çıkmaktadır. Araştırma sırasında görüldü ki, bu tür yeni sözcükler ödünçleme yoluyla oluşturulmuştur. Yeni kelimelerin yanı sıra berberlikte kullanılan, Türkçede fazla değişikliklere uğramamış temel terimler de incelenmiştir.

Araştırmada kullanılan toplam sözcük sayısı 100, bunların 33'ü tekli kelimelerdir, kalan 67'si tamlama ve açıklama yoluyla oluşturulmuş kelimelerdir.

Berberlik Terminolojisinin Oluşum Özellikleri

Kısaltmalar:

< alıcı dilin kurallarına göre türemiş kelime
~ sağdaki dilden alınmış kelime
a.a. – asıl anlam
yy. – yüzyıl
yk.bk. – yukarı bakınız
[esk.] – eski
Ar. – Arapça
Far. – Farsça
İt. – İtalyanca
Fr. – Fransızca
Alm. – Almanca
Lat. – Latince
Yun. – Yunanca
OFa. – Orta Farsça (Pehlevi)

HAvr. – Hintavrupa Anadili
İng. – İngilizce
Kıp. – Kıpçakça
OLat. – Orta Latince
Aram. – Aramice veya Süryanice
ÖzTü. – Öz Türkçe
EFr. – Eski Fransızca
Moğ. – Moğolca
YLat. – Yeni Latince
EYun. – Eski Yunanca
ETür. – Eski Türkçe
Ger. – Germence
Amer. – Amerika

Araştırma çerçevesinde aşağıdaki sonuçlara varılmıştır:

Berberlik alanında kullanılan terimler etimoloji açısından tekli sözcüklerin dışında ağırlıklı tamlamalar kullanılmaktadır. Tamlamaların kimi açıklama yoluyla oluşturulmaktadır.

Berberlik terminolojisine giren 100 kelime araştırılmıştır. Aşağıdaki grafiğe göre sözcüklerin % 36 Batı kökenlidir, % 28 Öz Türkçe, % 10,7 Farsça, % 4 Arapça, % 6,6 antroponim, % 2,6 Moğolca ve % 12,1 benzetme sözcükleridir.

Yani kuaförlük alanındaki terminoloji oluşumunda Batı etkisi, Öz Türkçeden daha ağır olmasının sonucuna varılmıştır. Araştırdığımız sözcükler arasındaki bazı kavramlar için birden fazla açıklama terimi kullanılmaktadır. 'Efile makası' teriminin yanı sıra 'ara makas' sözcüğünün kullanılması bunu kanıtlamaktadır.

Kaynakça

1. Sadık Müfit Bilge. Osmanlı İstanbulu'nda Berber Esnafı (Fetihten 1830'lara İstanbul Esnaf ve Sosyal Hayat Tarihine Bir Katkı). Osmanlı İstanbulu, II : II. Uluslararası Osmanlı İstanbulu Sempozyumu bildirileri. İstanbul, 2014, ss. 187-206. (In Turkish)
2. Nişanyan S. Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü. İstanbul: Adam Yayınları, 2003. 721 s. (In Turkish)
3. Akgündüz A. Osmanlı Kanunnâmeleri ve Hukukî Tahlilleri. İstanbul, 1991; C. III. 736 s. (In Turkish)
4. Binark İ. 12 Numaralı Mühimme Defteri (978-979 / 1570-1572). Özet-Transkripsiyon ve İndeks. Ankara, 1996. 453 s. (In Turkish)
5. Akkuş M. Nefi Dîvânı. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Kütüphaneler ve Yayımlar Genel Müdürlüğü, 2018. 300 s. (In Turkish)
6. Karahan A. Nef'i. İstanbul, 1954. 126 s. (In Turkish)

7. Çiftoğlu Çabuk A. Türk kültüründe gelin süsleme ve süsleme ustaları. Millî Folklor, 2017, Sayı 113, S. 61-62. (In Turkish)
8. Oğuz B. Batılılaşma sürecinde Fransızca'nın Türkçe üzerindeki etkisi. Turkish Studies Social Sciences, Volume 14, Issue 4, Ankara, 2019. S. 1657-1667 (In Turkish)
9. Eren H. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. Ankara, 1999. 512 s. (In Turkish)
10. Oxford Advanced Learners Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000. 1540 p. (In English)
11. Eski Türkçe Sözlük (Drevnetyurkskiy slovar). Leningrad, 1969.- 677 s. (In Russian)
12. Fransızca Sözlük. <https://fransizcasozluk.gen.tr/sozluk.php?word=file> (дата обращения 1.02.2023) (In Turkish)
13. Fransızca Sözlük. <https://big-fr-rus-fr-dict.slovaronline.com/8911-balayage> (дата обращения 1.02.2023) (In Russian)
14. Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com/word/bob> (дата обращения 1.02.2023) (In English)

Сведения об авторах

Галютдинова Луиза Михайловна,

Старший преподаватель

Казанский федеральный университет
РФ, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская,18
gluiza@mail.ru

Кызылкая Зия Хайдаровна

Ассистент

Казанский федеральный университет
РФ, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская,18
zilyakizilkaya@gmail.com

Information about the authors

Luiza M. Galyautdinova

Senior Lecturer, Institute of International
Relations

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya street
gluiza@mail.ru

Zilya Kh. Kizilkaya

Assistant, Institute of International Relations

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya street
zilyakizilkaya@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Address terms in Chinese Internet Communication

Обращения в китаеязычной интернет-коммуникации

Сбоев Александр Николаевич

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
sboevalexander@mail.ru*

<https://orcid.org/0000-0003-3926-3978>

Aleksandr N. Sboev

*Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

*Corresponding author: sboevalexander@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3926-3978>*

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-23-39](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-23-39)

АННОТАЦИЯ

Интернет-обращения являются важной частью интернет-языка, который не только отражает изменения в жизни и представлениях людей в эпоху интернета, но и обогащает систему обращений современного китайского языка. Целью данного исследования выступает изучение и систематизация обращений в китаеязычной интернет-коммуникации с учетом их структурных, словообразовательных, лексических и семантических особенностей. Материалом исследования послужили обращения, отобранные методом сплошной выборки на таких платформах, как Weibo и WeChat. В результате исследования было обнаружено, что особенности интернет-коммуникации влияют на образование обращений, используемых в интернет-среде, наиболее ярко это проявляется в способе их записи. Среди способов образования обращений выделяются способы образования на основе со-

ABSTRACT

Internet address terminology is an important part of the Internet language, which not only reflects the changes in people's lives and ideas in the Internet era, but also enriches the system of addresses of modern Chinese. The purpose of this paper is to study and systematize the address terms in Chinese Internet language, considering their structural, word-formation, lexical and semantic features. The author of this article conducts the study of address terms using the material of posts in Weibo and WeChat. The author determines that the features of Internet communication affect the formation of address terms used in the Internet, and it is manifested most clearly in the way these terms are written. Attention is called to such methods of formation of address forms as: formation on the basis of consonance, the expansion commonly used words' meanings and semantic borrowings from foreign languages.

звучия и расширение значения общеупотребительного слова, помимо этого часть обращений заимствуется из иностранных языков.

Ключевые слова. Обращения, интернет-коммуникация, созвучия, коннотация, термины родства

Для цитирования: Сбоев А.Н. Обращения в китаеязычной интернет-коммуникации. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 23-39 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-23-39>

О термине «обращение»

Впервые термин «обращение» ввел М. В. Ломоносов. В «Кратком руководстве к красноречию» (1759 г.) он понимал обращение в широком смысле, то есть адресованность речи вообще и относил обращение к фигурам, украшающим речь (История русской советской литературы, 40-80-е годы 1983, 213). Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка» писал, что «обращение лица говорящего к слушающему выражается наименованием последнего, поставленным в звательном падеже» (Буслаев 1987, 129). Д. Н. Овсяннико-Куликовский трактовал звательный падеж как «слово-обращение» (Овсяннико-Куликовский 1912, 23).

Академик А. А. Шахматов, исследуя синтаксис русского языка, определил «обращение» как слово или словосочетание, соответствующее названию второго лица, к которому обращена речь говорящего (Шахматов 2001, 261).

Keywords. Address terms, Internet communication, consonances, connotation, kinship terms

For citation: Sboev A. N. Address terms in Chinese Internet Communication. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 23-39 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-23-39>

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой термин «обращение» имеет следующее определение: «Слово или группа слов, которыми называют того, к кому адресована речь» (Ожегов, Шведова 2013, 322).

В современном синтаксисе под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» (Кузьмичева 1964, 17).

Более полное определение термина «обращение» дано Н. Ю. Шведовой: «Обращение — это распространяющий член предложения — имя в форме им. п., возможно — с зависящими от него словоформами, называющий того, к кому адресована речь. Это может быть название лица, неодушевленного

предмета или явления. В роли обращения чаще всего выступает существительное; однако обращением может быть и прилагательное (или причастие)» (Шведова 1980, 163).

Результаты рассмотрения разных точек зрения позволяют сделать вывод, что понимание обращений у разных исследователей во многом совпадает: обращение используется для обозначения объекта речи, а этим объектом, главным образом, является человек.

О термине «обращение» в китайском языке

Что касается самого понятия обращения в китайском языке, то среди китайских ученых существуют разные мнения в определении терминологии, связанной с обращением. Ключевых термина два: 称谓语 чэнвэйюй и 称呼语 чэнхуюй. Чтобы научно определить понятие обращения, необходимо разобраться в отношениях между 称谓语 и 称呼语.

Цао Вэй отмечает, что между понятиями 称谓语 и 称呼语 есть точки соприкосновения, но и есть и четкие отличия. Так, 称谓语 — это названия, используемые для обозначения общественной роли некоего человека, а 称呼语 — названия, используется людьми для обращения друг к другу при личной встрече (Цао Вэй, 2005, 63).

У Шуай отмечает, что «слова, используемые в качестве чэнвэйюй, не обязательно могут использоваться как чэнхуюй, а слова, используемые в качестве чэнхуюй, обычно могут использоваться в качестве чэнвэйюй» (У Шуай 2019, 73). Далее автор приводит в пример слово

教师 (учитель), которое является чэнвэйюй для сотрудника, занимающегося преподаванием, но обычно не используется для обращения, тогда как в качестве чэнхуюй обычно используется слово 老师 (учитель) (У Шуай 2019, 75).

Обратимся к Современному словарю китайского языка и рассмотрим определение указанных терминов.

称呼 — названия, используемое для приветствия друг друга лично или за спиной, чтобы указать на отношения друг с другом или на статус собеседника.

称谓 — названия, которые люди получают по родству или иному отношению друг к другу, а также по статусу, роду занятий и т.д. (Словарь современного китайского языка 2016, 257).

Таким образом, можно заключить, что 称谓 включает в себя 称呼.

Кроме того, Ван Ифань, исследуя чэнвэйюй в интернет-коммуникации, отмечает, что данный термин употребляется в широком и узком смысле. В широком смысле «интернет-обращения» — это слова, которые имеют функцию обозначения людей, используемые пользователями сети при общении в интернете. В узком смысле «интернет-обращения» — это слова, которые пользователи сети используют в интернет-коммуникации для выражения статуса, положения и межличностных отношений людей (Ван Ифань 2022, 3).

В данной работе под обращениями мы понимаем как слова, которыми называют того, к кому адресована речь, так и слова, называющие статус человека, его положение в обществе и т. д.

Об обращениях в интернет-пространстве

Н. И. Формановская замечает, что при выборе и использовании различных этикетных формул необходимо учитывать параметры коммуникации, такие как положение коммуникантов в пространстве и времени (контактное и дистантное общение); отсутствие какого-либо опосредующего аппарата между коммуникантами (обычный разговор, беседа, доклад и опосредованное общение с использованием телефона, радио, телевидение); форма существования (устное и письменное общение); постоянство позиции говорящего и слушающего (монологическое и диалогическое общение); количество участников (межличностное и массовое общение); обстановка общения (официальное и частное общение); характер передаваемого содержания (информативное и фатическое общение (Формановская 1989, 141). Однако перечисленные параметры в интернет-коммуникации претерпевают изменения.

В процессе общения в интернете ярко выражается тенденция к снижению регистра общения и повышению числа негативных обозначений адресата. В отличие от реального общения лицом к лицу, где выбор данных форм обращений связан с особенностями неформального общения и дружеским отношением к адресату, в виртуальной коммуникации параметры речевой ситуации смещаются, позволяя игнорировать существующие нормы общения. Свободный выбор стиля и формы обращения к адресату (без учета типичных параметров коммуникаций, указанных выше Н. И. Формановской) во

многим обусловлен видимым равенством положения адресата и адресанта, а следовательно, и сокращением коммуникативной дистанции между ними, которая определяет снижение уровня официальности и вежливости общения.

В большинстве своем обращения, используемые в китайской интернет-коммуникации — это совокупность разговорных и письменных обращений, облаченных в среду интернет-общения. На просторах интернет-коммуникации могут использоваться как разговорные обращения по типу 哥们 gēmenг 'чувак, братишка', 哥哥 gēge (букв. 'старший брат') 'парень, братан', 妹妹 mèimei (букв. 'младшая сестра') 'сестренка, девушка', 弟弟 dìdì 'братишка' (ироничное, неформальное обращение); так и более формальные, официальные или приближенные к письменной речи по типу 尊敬 zūnjìng и 敬爱 jìng'ài 'уважаемый', 同志 tóngzhì 'товарищ', 亲 qīn 'дорогой, милый' и другие. Стоит отметить, что в интернет-коммуникации отсутствуют жесткие ограничения и четкие рамки употребления обращений, в отличие от общения в живую, где ясна обстановка и окружение, способствующие тщательному подбору слова для обращения к собеседнику.

Отличительной особенностью обращений именно в рамках китайской интернет-коммуникации является стирание рамок и границ, устанавливаемых полом, социальным статусом, возрастом и прочими лингвокультурными особенностями китайского языка. В большом количестве случаев адресант может попросту не знать, например, возраст или социальное положение адресата в силу специфики

интернет-общения. Однако свой отпечаток накладывает также и особенность поведения молодого поколения, которое довольно часто принимает и осваивает новые тренды, течения и прочие особенности глобализации, так или иначе противоречащие устоям и общепринятым традициям.

Как отмечает У Шуай: «В китайском языке, во-первых, 贬己尊他 biǎn jǐ zūn tā 'понижение себя, уважение к другим' характерно для традиционной китайской культуры, и в повседневном общении люди всегда находят способы повысить статус другой стороны. Такая модель обращения показывает, что в представлении человека уровни иерархии также играют значительную роль» (У Шуай 2019, 78), однако, даже несмотря на чрезвычайное стремление китайского общества и молодежи в частности сохранить культурный облик и уважительность, присущие китайцам, на просторах интернет-коммуникации могут возникать случаи проявления неуважения, издевок, насмешек и пр.

Ярким примером такого явления можно считать пример с обращением 哥哥 gēge букв. 'старший брат'. В традиционном понимании данное слово используется для обращения к молодому человеку мужского пола. Однако в связи с модными событиями на сцене китайского шоу-бизнеса, в сфере интернет-общения оно начало использоваться и в адрес представительниц женского пола.

Примером такого использования являются слова 春哥 Chūn gē 'Брат Чунь' и 曾哥 Céng gē 'Брат Цэн' — китайские девушки, спровоцировавшие фурор в социальных сетях и на долгое

время ставшие предметом обсуждения после побед в телевизионных конкурсах.

Девушку по имени Ли Юйчунь (李宇春) начали называть 春哥 Chūn gē 'брат Чунь' в связи с тем, что она обладала низким голосом, прямым характером и неоднозначной похожей на парня внешностью. По одной из версий во время трансляции шоу «Супер женский голос», на строке, прокручивающей приходящие SMS сообщения под экраном телевизора, были интерактивные сообщения от зрителей, в том числе и текстовое сообщение в поддержку Ли Юйчунь, которое гласило: «春哥纯爷们, 铁血真汉子» Chūn gē chúnyé men tièxuè zhēn hànzi 'Брат Чунь — настоящий мужчина, непоколебимая и открытая'. Это сообщение было замечено пользователем сети, который загрузил скриншот на очень популярный интернет-форум cat Flutter. После этого все больше и больше пользователей сети начали в шутку называть Ли Юйчунь как 春哥.

Хотя прозвища 春哥 и 曾哥 могут использоваться как способ выражения близости, в котором содержится восхищение поклонников. Однако, на наш взгляд, это своего рода насмешка над неоднозначным стилем певиц. Большинство пользователей сети, которые используют, казалось бы, уважительную форму "брат", на самом деле делают это ради смеха и развлечения, издевательства и стеба над неоднозначным внешним видом девушек.

Так развилось дополнительное значение слова 哥, и его условная семантика отошла в сторону, и слово не только потеряло семантические особенности использования (в адрес

старшего кровного родственника), но и утратило даже функцию разделения мужского и женского полов. К женщинам стало возможно обращаться с использованием слова 哥. При этом дополнительная коннотация уважения и почтительности почти исчезла, сменившись насмешками и стебом.

Обращение к женщинам "брат" не является новым лингвистическим явлением. В некоторых древних литературных произведениях встречаются соответствующие случаи употребления: в сборнике Фэн Мэнлуна 醒世恒言 Xǐngshì héngyán 'Слово бессмертное, мир пробуждающее' династии Мин девушку 慧儿 Huì ér 'Хуэйэр' называют 慧哥 Huì gē 'Брат Хуэй', также есть служанка по имени 贵哥 Guì gē 'Брат Гуй'; в романе "Сон в красном тереме" бабушка Лю назвала дочь Ван Сифэн 巧哥儿 Qiǎo gēr "Брат Цяо".

Кроме того, в диалектах некоторых регионов провинции Хубэй младшие братья и сестры называют старшую сестру 哥 'брат' (Чжан 2013, 25).

Термины родства как обращения

Далее стоит подробнее остановиться на применении терминов родства в качестве обращений.

Система родственных связей в Китае чрезвычайно обширна, сложна и запутана. Одной из главных причин стал аграрный строй общества, который оказал огромное влияние как на само общество и его строение, так и на язык, во все времена являющийся подверженным воздействию общества. Курилова К. А. в своей диссертации комментирует данное яв-

ление следующим образом: «Сложность родственных обращений в китайском языке тесно связана с формой организации и деятельности общества, племени, семьи и т.д. Ханьская нация прошла через длительный этап феодального развития. Основным занятием населения было сельское хозяйство, а деревня длительное время находилась в стихийном состоянии. В ней из поколения в поколение на определенной территории продолжалась жизнь, плодилось потомство и превращалось в огромные клановые родовые социальные организации. В свою очередь, эти организации были образованы из больших семей, где внутри этих родовых организаций были и кровные связи, и экономические связи (наследство, распределение и т.д.)» (Курилова 1997, 75).

В китайском языке наиболее типичным употреблением в качестве обращения является термин родства в сочетании с фамилией или именем адресата, например брат Дяо, сестра Лю и т. п. Кроме того, термины родства могут использоваться в качестве обращения к незнакомому человеку (Лю 2014, 104). Такая форма обращения возможна только в неофициальном общении, рассмотрим на примерах обращения к мужскому и женскому полу:

1) обращения 大爷 dàyé 'дядя', 大爷 lǎodàyé 'дядя, папаша', адресуются мужчинам старшего и среднего возраста; по отношению к молодым мужчинам наиболее распространенным являются такие формы обращения, как 小伙子 xiǎohuǒzi 'молодой человек', 大哥 dàgē 'братец', 兄弟 xiōngdì 'братья', 小兄弟 xiǎoxiōngdì 'братцы' и т.п.;

2) обращения 大娘 dàniáng и 老大娘 lǎodàniáng ‘мамаша, тетушка’ адресуются женщинам пожилого и среднего возраста; по отношению к молодым женщинам прибегают к таким обращениям, как 大姐 dàjiě ‘старшая сестричка, сестрица’, 小妹妹 xiǎomèimei ‘младшая сестра’ и другие.

Существуют некоторые особенности употребления терминов родства как обращений в интернет-коммуникации (в отличие от их применения в общеупотребительной речи):

1) Использование терминов родства в неродственных отношениях

Ставшую популярной в интернете Ло Юйфэн (罗玉凤) пользователи сети стали называть 凤姐 Fèng jiě ‘сестра Фэн’, а Ши Хэнся (史恒侠) после выхода сингла 《芙蓉说》 (Фужун говорит), а затем и сольного альбома с одноименным названием, стали называть 芙蓉姐姐 Fúróng jiějiě ‘сестра Фужун’, хотя, естественно, они не имеют родственных отношений с пользователями сети. Стоит отметить, что термины родства, используемые для обращения к интернет-знаменитостям при общении в сети, используются только для указания на это лицо и редко используются лично.

2) Нарушение принцип старшинства

Термин родства при использовании для обращения к кому-то или наименовании кого-то употребляется в соответствии с возрастом адресата и адресанта. В интернет-коммуникации выбор терминов родства связан с возрастом, но не полностью соответствует упорядоченным правилам. Как правило, моло-

дых мужчин называют по формуле «имя/фамилия + брат», мужчин среднего возраста — «имя/фамилия + дядя», а молодых женщин — «имя/фамилия + сестра». Но этот принцип строго не соблюдается, и определение возраста неоднозначно. Например, родившегося в 1969 г. певца Чжу Чживэня (朱之文) после выступления на Новогоднем гала-концерте в военной шинели, стали называть 大衣哥 dàiyī gē ‘брат пальто’, корейского исполнителя PSY, родившегося в 1977 г., после популярности песни «Птица», стали называть 鸟叔 niǎo shū ‘дядя птица’, а родившуюся в 1964 г. Гун Айай (龚爱爱) за наличие в собственности сорок одной квартиры прозвали 房姐 fáng jiě ‘сестра квартира’. Видно, что при выборе терминов родства совершенно не учитывается возраст.

3) Нарушение принципа гендерного различия

Примерами могут служить описанные ранее прозвища певиц Ли Юйчунь и Цэн Икэ соответственно 春哥 Chūn gē ‘брат Чунь’ и 曾哥 Céng gē ‘брат Цэн’.

4) Нарушение правила, согласно которому термины родства используются только в отношении людей

Например, предсказывающего результаты матчей Евро-2008 и чемпионата мира по футболу 2010 г. осьминога Пауля в сети называли 章鱼哥 zhāngyú gē ‘брат осьминог’ (Се 2014, 155).

5) Дисбаланс в выборе терминов родства

Например, чаще используется 哥 gē

‘старший брат’, а не 弟 dì ‘младший брат’ в значении «брат». В значении «дядя» обычно используют слово по отцовской линии 叔 shū ‘младший брат отца’, а не по материнской — 舅 jiù ‘брат матери’. Вообще не используется в интернете довольно обиходное обращение 姨 yí ‘тетя’, а девушек и женщин чаще называют 姐 jiě ‘старшая сестра’ или 妹 mèi ‘младшая сестра’.

Семантика обращений

Обращения в китаеязычной интернет-коммуникации семантически могут являться словами с прямым и переносным значением.

В первом случае значение исходит из значения компонентов слова. Примерами таких слов являются: 迷妹 mí mèi ‘помешанная сестричка’, 肥宅 féi zhái ‘толстяк-домосед’ и другие. Слово 迷妹 mí mèi ‘помешанная сестричка’ используется в адрес девушек-фанаток, морфема 迷 mí «помешанная», означает фанатскую одержимость, а 妹 mèi «сестричка», в свою очередь, означает, что это слово используется в адрес девушек, в то время как слово со схожим значением, но для парней звучит как 迷弟 mí dì ‘помешанный братец’.

Слово 肥宅 féi zhái ‘толстяк-домосед’ употребляется в отношении чересчур увлеченных виртуальным миром молодых людей с лишним весом. Морфема 肥 féi ‘толстяк’ указывает на полноту человека, 宅 zhái ‘домосед’ означает, что человек постоянно находится дома, работает на дому и очень редко выходит на улицу.

Помимо этого, обращения могут быть образованы путем расширения значения слова.

С течением времени способы и пути взаимоотношений между людьми меняются и обновляются, что приводит к нехватке подходящих обращений среди уже имеющихся и отсутствию новых, способных дополнить недостаток необходимых слов. По этой причине люди изменяют первоначальное значение уже имеющиеся обращения или используют их в ином ключе, что восполняет недостаток в системе обращений китайского языка. Примерами этого явления выступают слова 宝宝 bǎobǎo ‘малыш, младенец’, 亲 qīn ‘дорогой’, 老司机 lǎo sījī ‘опытный водитель’ и другие.

Изначально слово 宝宝 bǎobǎo ‘малыш, младенец’ употреблялось в отношении младенца или ребенка дошкольного возраста, однако в интернете оно стало означать «я». Практически в любом контексте можно называть самого себя 宝宝, помимо этого, так можно называть другого человека (независимо от пола), чтобы подчеркнуть близость отношений. И хоть изначально это слово в интернете использовалось только по отношению к представителям женского пола, имело оттенок кокетства, сейчас мужчины тоже начали использовать это слово и теперь его может использовать любой человек вне зависимости от пола и возраста, что привело к увеличению количества людей, использующих это слово.

Схожим примером является слово 亲 qīn ‘дорогой’ (слово заимствовано из корейского языка в значении «друг»). Это обращение часто используется специалистами клиентской поддержки при обращении к покупателю в интернет-магазинах. С помощью этого обращения

продавцы располагают к себе покупателей, усиливая их положительные впечатления и тем самым увеличивая количество потенциальных покупок. С течением времени количество ситуаций для использования слова 亲 qīn непрерывно увеличивается, сейчас оно используется не только для установления контакта между продавцом и покупателем, но и между хорошими друзьями для подчеркивания близости отношений. Например, исследование Ли Вэйгуана доказало, что 亲 часто употребляется в отношении хороших друзей (79 опрошенных), а также употребляют продавцы Таобао (65), к незнакомцам или неродственникам (37), членам семьи (7) и любимым (5) (Ли 2015, 30).

Слово 老司机 lǎosījī 'опытный водитель' изначально использовалось для обозначения водителей поездов, автомобилей и прочей техники, префикс 老 lǎo 'опытный' означал многолетний опыт и профессионализм. Но затем слово начали использовать в ином смысле, после того как появилась песня под названием «老司机带带我» 'Забери меня с собой опытный водитель', словосочетание обрело смысл «мастер своего дела». Слово используется в адрес человека, который владеет определенными навыками и умениями. Это слово также используется метафорически, называя пользователей интернета, которые все испытали на себе и многое знают, «интернет-старожил».

Коннотация обращений

Обращения в интернет-коммуникации могут выражать разную коннотацию: положительную, отрицательную и нейтральную.

В сфере китаеязычной интернет-коммуникации существуют неуважительные обращения — группа слов, имеющих отрицательную (или близкую к отрицательной) коннотацию. Такие обращения используются на форумах, блогах и в целом во время неофициального и неформального общения, в подавляющем большинстве случаев среди молодежи. Приведем примеры:

Обращение 菜鸟 cǎiniǎo (досл. 'птенец, молодая птица') 'новичок, чайник' часто используется для обращения к начинающим и/или слабым игрокам, к пользователям-новичкам в интернете и пр. Обращение 菜鸟 обладает оттенком издевки и часто используется, чтобы зацепить или оскорбить адресата. Антонимичным обращением является 老鸟 lǎoniǎo досл. 'старая птица', употребляется в значении 'стреляный воробей, папка, бывалый'. 老鸟 используется для обращения к сильному и опытному игроку или пользователю сети.

Обращение 菜虫 cǎichóng досл. 'слабый червяк, мелкое насекомое', разг. 'нуб' связано с вышеупомянутым 菜鸟. Данные обращения образованы по принципу сравнения с каким-либо слабым и беспомощным существом, чтобы подчеркнуть неумелость и слабость адресата. Слово 菜鸟 дословно означает «мелкая птичка» или «птенец», и означает птичку, которую можно легко поймать и съесть. Слово 菜虫 построено по схожему принципу, имеет значение «мелкое насекомое», то есть тот, кого может поймать и съесть даже маленькая птичка и является обозначением игрока, который слабее даже другого слабого игрока, фактически

является самым слабым игроком.

Вышеописанные слова созданы с соблюдением системы иерархии умений и навыков игроков, ведущей от сильного к слабому. Данный факт показывает, что выбор данных слов в качестве обращений в интернет-пространстве должен быть тщательным и точным.

Еще одним неуважительным обращением выступает слово 小白 xiǎobái 'новичок'. Данное слово обладает более отрицательной коннотацией, так как происходит от слова 白烂 báilàn южнофуцзяньского диалекта, которое означает глупого занудного человека (Интернет-имена (网络名词), <https://baike.baidu.com/item/%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%90%8D%E8%AF%8D/1364613?fr=aladdin>). И хоть слово, послужившее источником, уже практически вышло из употребления и большинство людей не знают происхождения обращения 小白, пользователи на подсознательном уровне ассоциируют и сопоставляют данное слово со значением «идиот».

Наряду с неуважительными обращениями в сфере китайязычной интернет-коммуникации существуют также и обращения, имеющие оттенок уважительности и вежливости. С их помощью обращаются к опытным пользователям на форумах, сильным игрокам и пр. Приведем примеры:

Обращение 大虾 dà xiā (досл. 'большая креветка') 'гуру, эксперт' образовалось в результате созвучия со словом 大侠 dàxiá 'великолепный рыцарь'. Данное слово используется в интернет-играх для обращения к опытным пользователям и экспертам с просьбой, например, о помощи.

Обращение 骨灰级 gǔhuījī досл. 'уровень — пепел' (русский эквивалент «уровень – бог») 'крутой (игрок)' используется для обращения на различных форумах к игроку, который позиционирует себя как знаток, наставник и пр.

Обращение 小仙女 xiǎoxiānnǚ 'фея' используется в отношении красивых, милых, коммуникабельных девушек.

Помимо обращений с ярко выраженной положительной или отрицательной коннотацией, ряд обращений обладает нейтральной коннотацией:

Слово UP 主 UP zhǔ используется для обращения или названия блогера, который загружает видео на платформу Bilibili, где «up» — это аббревиатура от английского upload 'загрузить'.

宝爸 bǎobà 'папа малыша' и 宝妈 bǎomā 'мама малыша' используются для обращения соответственно к отцу и матери.

Классификация обращений в интернет-коммуникации

В зависимости от ситуации общения:

1) Общеупотребительные обращения используются в тех же случаях что и при общении в реальной жизни, то есть при обращении к собеседнику без каких-либо четких знаний о его социальном статусе, возрасте и прочих особенностях и без попыток их подчеркнуть. Примеры общеупотребительных обращений в интернете: 同志 tóngzhì 'товарищ', 先生 xiānsheng 'господин' и пр.

2) Уважительные (деловые) обращения чаще всего используются в переписках в каком-либо деловом стиле (например, при общении покупателя с продавцом и в прочих ситуациях). Примеры уважительных обращений: 亲 qīn 'дорогой', 敬爱的 jìng'ài de 'уважаемый' и пр.

3) «Молодежные» обращения, которые используются молодыми людьми для обращения к молодым людям, то есть для коммуникации людей, примерно равных по социальному статусу и возрасту. К этой группе также относятся неуважительные обращения. Примеры «молодежных» обращений: 哥们 gēmen 'чувак, братишка', 帅哥 shuàigē 'красавчик', 菜鸟 càiniǎo 'новичок, чайник' и др.

По способу создания:

1. Но основе созвучия

а) с другими словами китайского языка;

Такие образования обычно неслучайны и содержат некий подтекст, например, слово 骚年 sāonián (дословно 'беспокойные годы'), созвучно со словом 少年 shàonián 'молодые годы, молодой человек'. Пользователи интернета ради веселья и шутки «молодые годы» называют «беспокойными».

Слово 菊外人 júwàirén (дословно 'незнакомый Цзюй') из-за омонимии используется вместо слова 局外人 júwàirén 'посторонний человек'. 菊外人 появилось в 2018 году, когда участница по имени Ван Цзюй (王菊) принимала участие в шоу талантов «创造101» (Produce 101), где неизменно была близка к вылету, но

спасалась за счет зрительского голосования. Тогда людей, кто голосовал за нее, описывали фразой: «Не знаю, кто такая Ван Цзюй, и шоу это никогда не смотрел, но уже проголосовал за нее». В результате, вместо слова 局外人 júwàirén 'посторонний человек', стали использовать созвучное с ним 菊外人 júwàirén 'незнакомый Цзюй' (Сян 2019, 36).

б) с диалектным произношением;

Из-за значительных фонетических различий между существующими в Китае диалектами вместо слова 社会人 shèhuìrén 'социальный человек' пишут 社废人 shèfèirén, вместо 孩子 háizi 'ребенок' – 孩纸 háizhǐ, вместо 同志 tóngzhì 'товарищ' – 同资 tóngzī, вместо 男人 nánrén 'мужчина' – 男淫 nányín, вместо 朋友 péngyǒu 'друг' – 盆友 pényǒu и т. д.

в) с иностранными словами;

Слово Five созвучно со словом 废物 fèiwù 'отбросы' и используется как оскорбительное обращение к кому-то или название кого-то.

г) с числами;

8+9 bā jiā jǐ созвучно с 八家将 bā jiā jiāng, что на Тайване обозначает восемь духов, а в интернете обозначает молодых людей, которые подстрижены под ежик, одеваются в узкие брюки, носят мокасины или таких молодых людей, который любят строить из себя крутого, лихачат на дорогах, зачастую имеют татуировки (Что значит «8+9=17»? (8+9=17是什么意思?), <https://www.aixiaola.com/liuxingyu/191367.html>).

Местоимения 你 nǐ 'ты' 我 wǒ 'я' могут записываться соответственно числами 0 líng и 5 wǔ.

2. Иностранные заимствования

Слово 爱豆 àidòu является фонетическим заимствованием слова idol 'идол, кумир'. Слово 爱豆 называют актеров, певцов и представителей подобных профессий, которые обладают благосклонностью и вниманием масс. Это ласковое обращение фанатов к их кумирам. В большинстве случаев данное слово не используется в адрес китайских звезд.

Слово 忙内 mángnèi заимствовано от корейского 막내 mangnae, что означает самого младшего в компании или музыкальной группе.

欧尼酱 ōunǐjiàng (от яп. お兄ちゃん o nīchan) используется вместо 哥哥 gēge 'братан'; 欧豆豆 (от яп. おとうと o tōto) вместо 弟弟 dìdì 'братишка' (ироничное неформальное обращение).

3. Словообразование

а) словосложение

迷妹 mí mèi 'фанатка';

白富美 báifù měi 'белокожая, богатая и красивая' (об идеальной девушке);

高富帅 gāofùshuài 'высокий, богатый и красивый' (об идеальном мужчине).

б) аффиксация

– суффиксация: 杠精 gāngjīng 'спорщик' (о человеке, который получает удовольствие от споров, нередко учиненных им самим без причины), 纸袋精 zhǐdài jīng

'собиратель бумажных пакетов' (о человеке, который любит собирать бумажные пакеты или даже специально покупает что-то ради пакета), 晒黑族 shàihēizú 'разоблачители' (о людях, которые узнав о факте несправедливости в обществе, рассказывают об этом в интернете, чтобы предупредить других пользователей сети), 细节控 xìjiékòng 'контрольщик деталей' (о человеке, который любит контролировать детали любого процесса, желающий, чтобы все шло по задуманному им плану).

– префиксация: 小仙女 xiǎoxiānnǚ 'фея' (о красивых, милых, коммуникабельных девушек), 老司机 lǎosījī 'опытный водитель' (о человеке, который владеет определенными навыками и умениями).

в) редупликация

宝宝 bǎobǎo 'малыш';

妞妞 niūniū 'девочка, девчонка'.

г) аббревиация и морфемная контракция

– иероглифическая: 精芬 jīngfēn является сокращением от 精神上的芬兰人 jīngshén shàng de fēnlánrén 'финн в душе' (о людях, которые не любят общаться, как финны, и уделяют большое внимание личному пространству).

– на основе пиньинь: LG вместо 老公 lǎogōng 'муж'.

– на основе иностранного языка: BF является аббревиатурой слова boyfriend 'молодой человек, любимый парень'.

4. Лексическо-семантический способ

а) расширение значения слова: 神兽 shénshòu. Первоначальное значение — мифическое животное, то есть обычно относится к существам со странной внешностью и магическими способностями в древнекитайской мифологии, таким как единорог, феникс, зеленый дракон, белый тигр и т. д. Теперь используется для обозначения собственных детей.

б) переносное значение слова: 巨婴 jùyīng. Первоначальное значение — гигантский младенец, но теперь относится к взрослому человеку, которому не хватает способности мыслить независимо, который ведет себя как ребенок.

Одной из важнейшей особенностью обращений в интернет-коммуникация является форма записи. Они могут быть записаны иероглифами, латиницей, цифрами, а также быть смешанными образованиями. Приведем примеры:

- 1) Иероглифическая запись: 帅哥 shuàigē 'красавчик', 版主 bǎnzhǔ 'модератор', 妹妹 mèimei 'сестренка, девушка (обращение к собеседнице младше по возрасту или положению)'.
2) Запись латинскими буквами (обычно на основе пиньинь): tx вместо 同学 tóngxué 'одноклассник, одноклассник'; mm вместо 妹妹 mèimei 'сестренка, девушка', LZ вместо 楼主 lóuzhǔ 'топикастер, автор темы на форуме', JMS вместо 姐妹们 jiěmèimen 'девушки' (s передает множественное число). Не имеет значения строчными или прописными буквами сделана запись.

3) Цифровая запись: 0 líng вместо 你 nǐ 'ты', 5 wǔ вместо 我 wǒ 'я'.

4) Смешанная запись: 小 P 孩 xiǎo P hái вместо 小屁孩 'ребенок'; L公 вместо 老公 lǎogōng 'муж', AV8D вместо everybody 'все' (8 произносится как bā).

Что касается количественно-слогового состава обращений в китаеязычной интернет-коммуникации, то несмотря на стремление к сокращению времени написания сообщений в интернет-переписке, встречаются обращения, состоящие из трех, четырех и пяти слогов:

- односложные: 姐 jiě 'сестра', 亲 qīn 'дорогой';
- двусложные: 姑凉 gūliàng 'девушка' (вместо 姑娘 gūniáng), в том числе редуцированные обращения 哥哥 gēge 'парень, братан', 宝宝 bǎobǎo 'малыш';
- трехсложные (熊孩子 xióngháizi 'чертенок, озорник', 懒丫头 lǎnyātou 'ленивая девчонка');
- четырехсложные: 老婆大人 lǎopó dàrén 'моя почтенная супруга' (при обращении мужа к жене в семье, где жена занимает главенствующее положение);
- пятисложные: 二龙湖浩哥 Èr lóng hú Hào gē 'брат Хао из Эрлунху' (название актера Чжан Хао).

Заключение

Обращения могут не только определять социальный статус людей, передавать мысли и чувства обоих участников общения, но и отражать и выстраивать социальные отношения

между людьми. В социальном процессе выбор терминов обращения обычно ограничен и находится под влиянием различных социальных факторов, таких как статус, ранг, близость, поводы для общения и т. д. Китаеязычная интернет-коммуникация накладывает свой отпечаток на обращения не только в вопросе уместности использования, но также и в более технических моментах. Например, способ написания обращений подвергается изменению и влиянию со стороны особенностей интернет-коммуникации (обращение может быть записано латиницей, сочетанием латиницы и иероглифов или цифр и пр.). Способы появления новых обращений расширяются. Помимо иноязычных заимствований и стандартных способов словообразования, как словосложение, аффиксация и морфемная контракция, немало обращений создаются за счет созвучия с уже имеющимися словами, а также за счет семантического расширения или переносного значения слова.

Широко используемые в общеупотребительном языке термины родства как обращения в интернет-коммуникации могут употребляться с нарушениями традиционных норм, в том числе отхождения от значимых норм обращения в соответствии с возрастом или гендерного различия.

Таким образом, в силу влияния особенностей интернет-коммуникации формы обращения также претерпели изменения, требующих особого внимания при употреблении участниками коммуникации.

Список источников

1. *История русской советской литературы, 40-80-е годы: учебник для педагогических институтов по специальностям 2101 "Русский язык и литература".* Москва: Просвещение, 1983.
2. *Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка.* Москва: Учпедгиз, 1987.
3. *Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка.* СПб: изд. И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1912.
4. *Шахматов А. А. Синтаксис русского языка.* Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: ок. 80000 слов.* Москва: ООО «А ТЕМП», 2013.
6. *Кузьмичева В. К. Интонация обращения в современном русском литературном языке (на материале диалогической речи), автореф. дисс. ... канд. филол. наук.* Киев, 1964.
7. *Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис.* Москва: Наука, 1980.
8. *Цао Вэй. (曹炜) Названия и обращения в современном китайском языке. (现代汉语中的称谓语和称呼语) Вестник Университета Цзянсу (Серия «Общественные науки»). 2005; Т. 7 (2). С. 62-69. (на кит.яз.)*
9. *У Шуай. Сопоставительное исследование обращений в русском и китайском языках, дисс...кан. филол. наук. ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2019.*
10. *Словарь современного китайского языка.*

- (现代汉语词典), Пекин: Шанъу иньшугуань, 2016; 7 изд. (на кит.яз.)
11. Ван Ифань. (王一凡) *Исследование интернет-обращений*. (网络称谓语研究) дисс... магистра. Северный народный университет, 2022. (на кит.яз.)
 12. Формановская Н.И. *Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении)*. Москва: Знание, 1989.
 13. Чжан Хунъянь. (张鸿艳) *Исследование изменений обращения «Брат» в эпоху интернета*. (网络时代称谓语“哥”的变异研究) дисс...магистра. Шэньянский педагогический университет, 2013. (на кит.яз.)
 14. Курилова К. А. *Обращения в современном китайском языке (к вопросу о речевом этикете китайцев)*, дис... кан. фил. наук. Владивосток, 1997.
 15. Лю Сумэй. Национально-культурная специфика обращений в русском и китайском речевом этикете. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. С. 102-107.
 16. Се Сян. (谢翔) *Исследование родственных обращений в интернет-сленге (网络流行语中亲属称谓的研究)* *Вестник Хэйлуцзянского института образования*. 2014; Т. 33 (10). С. 154-156. (на кит.яз.)
 17. Ли Вэйгуан. (李伟光) *Исследование повседневного использования и отношения к интернет-обращениям*. (网络称呼语的日常使用及态度研究) дисс...магистра. Цзилиньский университет, 2015. (на кит.яз.)
 18. Интернет-имена. (网络名词) *Онлайн-энциклопедия «Байду»*. <https://baike.baidu.com/item/%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%90%8D%E8%AF%8D/1364613?fr=aladdin> (дата обращения 09.01.2023) (на кит.яз.)
 19. Сян Цзиньян, Вэй Мэнлань, Ли Синьжуй. (向金阳, 韦梦岚, 李芯蕊) *Взгляд на модные интернет-слова через культуры обращений. (从称谓文化看网络流行语)* *Вэньсюэ цзяюй*. 2019; № 18. С. 36-37. (на кит.яз.)
 20. Что значит «8+9=17»? (8+9=17是什么意思?) *Люблю посмеяться*. <https://www.aixiaola.com/liuxingyu/191367.html> (дата обращения 25.12.2022) (на кит.яз.)

References

1. *History of Russian Soviet literature, 40-80s: a textbook for pedagogical institutes in the specialties 2101 "Russian language and literature"*. Moscow: Prosveshcheniye, 1983. (In Russ.)
2. Buslaev F.I. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1987. (In Russ.)
3. Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. *Syntax of the Russian language*. St. Petersburg: I.L. Ovsyaniko-Kulikovskaya, 1912. (In Russ.)
4. Shakhmatov A. A. *Syntax of the Russian language*. Moscow: Editorial URSS, 2001. (In Russ.)
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language: approx.*

- 80000 words. Moscow: A TEMP, 2013. (In Russ.)
6. Kuzmicheva V.K. *Intonation of address in the modern Russian literary language (on the material of dialogical speech), abstract of diss. ... cand. philol. sciences. Kyiv, 1964.* (In Russ.)
 7. Shvedova N. Yu. *Russian grammar. T. 2. Syntax.* Moscow: Nauka, 1980. (In Russ.)
 8. Cao Wei. Names and Addresses in Modern Chinese. *Journal of Jiangsu University (Social Sciences Edition).* 2005; Vol. 7 (2). pp. 62-69. (In Chinese)
 9. Wu Shuai. *Comparative study of address terms in Russian and Chinese, diss...cand. philol. sciences.* Bashkir State University, 2019. (In Russ.)
 10. *Modern Chinese Dictionary (7th Edition).* Beijing: The Commercial Press, 2016. (In Chinese)
 11. Wang Yifan. *Research on network address terms.* Master's Thesis. North Minzu University, 2022. (In Chinese)
 12. Formanovskaya N.I. You said: "Hello!" (Speech etiquette in our communication). Moscow: Znaniye, 1989. (In Russ.)
 13. Zhang Hongyan. *The research on the variation of appellation "Ge" (brother) in the Internet age.* Master's Thesis. Shenyang normal university, 2013. (In Chinese)
 14. Kurilova K. A. Address terms in modern Chinese (to the question of speech etiquette of the Chinese), diss... cand. philol. Sciences. Vladivostok, 1997. (In Russ.)
 15. Liu Sumei. National and cultural specifics of address terms in Russian and Chinese speech etiquette. *Bulletin of the Kalmyk institute for humanities of the Russian academy of sciences.* 2014. Pp. 102-107. (In Russ.)
 16. Xie Xiang. Research on the Kinship Terms in Popular Online Language. *Journal of Heilongjiang College of Education.* 2014; Vol. 33 (10). Pp. 154-156. (In Chinese)
 17. Li Weiguang. *A study of daily use and attitude of network address term.* Master's Thesis. Jilin University, 2015. (In Chinese)
 18. Internet noun. *Baidu Encyclopedia.* <https://baike.baidu.com/item/%E7%BD%91%E7%BB%9C%E5%90%8D%E8%AF%8D/1364613?fr=aladdin> (accessed: 09.01.2023) (In Chinese)
 19. Xiang Jinyang, Wei Menglan, Li Xinrui. A Look at Popular Online Language from the Appellation Culture. *Literature education.* 2019; № 18. Pp. 36-37. (In Chinese)
 20. What does 8+9=17 mean? *Love to laugh.* <https://www.aixiaola.com/liuxingyu/191367.html> (accessed: 25.12.2022) (In Chinese)

Информация об авторе

Сбоев Александр Николаевич,

К. филол. н., доцент кафедры китайеведения

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

690922, Приморский край, г. Владивосток,

о. Русский, п. Аякс, 10

sboevalexander@mail.ru

Information about the Author

Sboev Aleksandr

Ph.D in Philological Sciences, Associate Professor of Sinology Department

Far Eastern Federal University

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

sboevalexander@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Hydronym 'Nile/ 'نیل in Tajik-Persian written monuments: linguistic and cultural analysis

Гидроним «Нил/نیل» в таджикско-персидских письменных памятниках: лингвокультурологический анализ

*Касимов Олимджон Хабибович*¹,
*Биктагирова Зубайда Альбертовна*²,
*Депутатова Наталья Анатольевна*²

*Olimjon H. Kasimov*¹,
*Zubayda A. Biktagirova*²,
*Natalya A. Deputatova*²

¹Международный университет иностранных
языков Таджикистана им. Сотим Улугзода,
Таджикистан

¹Tajik international university of foreign languages
named after Sotim Ulughzoda, Dushanbe, Tajikistan

²Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия

²Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Автор, ответственный за переписку:

Corresponding author: zubayda@yandex.ru

zubayda@yandex.ru

<https://orcid.org/>

<https://orcid.org/>

УДК 811.1/2 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-40-51](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-40-51)

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье проводится лингвокультурологический анализ всемирно известного топонима «Нил/نیل» в таджикско-персидских письменных памятниках классического периода. Данный гидроним анализируется на основе определенных культурно-исторических и торгово-экономических отношений, связывающих ираноязычные народы с народами бассейна Нила и Персидского залива.

Источники языковых материалов данной статьи свидетельствуют о широкой популярности

ABSTRACT

This article provides a linguistic and cultural analysis of the world-famous toponym 'Nile' in the Tajik-Persian written monuments of the classical period. This hydronym is analyzed on the basis of certain cultural-historical and trade-economic relations linking the Iranian-speaking peoples with the peoples of the Nile basin and the Persian Gulf.

The sources of the linguistic materials of this article indicate the wide popularity of the hydronym in historical and geographical treatises and philological works created in the vast territory of

и гидронима «Нил/نیل» в историко-географических трактатах и филологических произведениях, созданных на огромной территории распространения таджикского (персидского) языка.

В статье также речь идет о связанных с Нилом географических явлениях и биологических существах, которые описаны учеными и литераторами классического периода развития науки и литературы.

Анализ в данной статье языкового материала, связанного с гидронимом «Нил/نیل», проводится с использованием различных методов исследования языковых фактов и явлений.

Иллюстративный материал настоящей статьи выбран из надежных и оригинальных текстов персидско-таджикской классической литературы, каковыми являются наследие Рудаки и его современников, «Шахнаме» Фирдоуси, поэзия Джалаладина Балхи (Руми), Саади Ширази, Хафиз Ширази, Хакани Ширвани, Низами Ганджави, Абдаррахмана Джамии и многих других персоязычных поэтов, а также толковых и двуязычных словарей X-XX веков таджикско-персидской лексикографической традиции с авторским переводом на русский язык.

Результаты данного исследования могут способствовать взаимному обогащению интеллектуального потенциала различных народов, проживающих в лингвистическом ареале использования анализируемого гидронима, что является актуальным на настоящем сложном этапе развития общественных, культурных, политических и экономических отношений во всем мире.

the spread of the Tajik (Persian) language.

The article also deals with geographical phenomena and biological creatures associated with the Nile, which are described by scientists and writers of the classical period of the development of science and literature.

The analysis of the linguistic material in the article associated with the hydronym "Nile" is carried out using various methods of studying linguistic facts and phenomena.

The illustrative material of this article is selected from reliable and original texts of Persian-Tajik classical literature. They are the legacy of Rudaki and his contemporaries, "Shahnameh" by Firdousi, the poetry of Jalaladdin Balkhi (Rumi), Saadi Shirazi, Hafiz Shirazi, Khaqani Shirvani, Nizami Ganjavi, Abdarrahan Jami and many other Persian-speaking poets, as well as explanatory and bilingual dictionaries of the X-XX centuries of Tajik-Persian lexicographic tradition with the author's translation into Russian.

The results of this study can contribute to the mutual enrichment of the intellectual potential of various peoples living in the linguistic area of the analyzed hydronym, which is relevant at the present difficult stage of the development of social, cultural, political and economic relations around the world.

Keywords. the Tajik (Persian) language, onomastics, hydronym, Nile, fish fauna, "Shahnameh", linguistic and cultural study

For citation: Kasimov O.H., Biktagirova Z.A., Deputatova N.A. Hydronym 'Nile/ 'نیل in Tajik-

Ключевые слова: таджикский (персидский) язык, ономастика, гидроним, Нил/ نيل, ихтиофауна, "Шахнаме", лингвокультурология

Для цитирования: Касимов О.Х., Биктагирова З.А., Депутатова Н.А. Гидроним «Нил/ نيل» в таджикско-персидских письменных памятниках: лингвокультурологический анализ. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 40-51 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-40-51>

Огромное количество лексических единиц наравне с предметами быта, флоры и фауны, небесных тел, драгоценных металлов и камней, парфюмерии, спортсменов и спортивного инвентаря, музыки и музыкальных инструментов, строительных материалов и зданий выражают также названия городов, стран, континентов, озер, рек и морей. Почти во всех научных и художественных произведениях, в лексикографических изданиях, начиная с IX-X вв., упоминаются знаменитые города и страны, реки и моря, такие как Азия, Африка, Европа, Иран, Индия, Китай (Чин), Греция, Византия, Русь, Египет, Йемен, Сирия, Эфиопия, Болгария, Словения, Армения, Осетия, Багдад, Согд, Алеппо, Дербент, города-страны Хорезм, Бохтар, Балх, Мерв, Герат, Бухара, Самарканд, Термез, Чоч (Ташкент), Мазандаран, Сиистан, Кабул, Забул, Кандагар, Шигнан, Хатлон и десятки других географических объектов и древних поселений, которые связаны с теми или иными историческими событиями или персонами.

В этом ряду также особое место занимают гидронимы Хазар, Ганга, Джайхун (Амударья), Сайхун (Сырдарья), Китайское море, Нил и мно-

Persian written monuments: linguistic and cultural analysis. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 40-51 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2023-40-51>

гое другое. Лексико-семантический анализ каждого из этих топонимов позволяют нам лучше и точнее понимать упомянутые произведения, определить структуру и этимологию данных единиц, установить более точные параметры событий и происшествий, связанных с этими топонимами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источником фактологического материала для исследования данной темы послужили персидско-таджикские литературные произведения и лексикографические памятники. В отдельных случаях были использованы материалы лексикографических изданий, посвященных словарному составу «Шахнаме».

Методологическую основу исследования составляют принципы лингвокультурологического анализа лексического материала. Подбор методов исследования обусловлен поставленными в статье задачами. В разработке статьи применены методы дескриптивного, аналитического, ономаσιологического, сравнительно-исторического анализа языкового материала.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В качестве гидронима «Нил/نيل» является одним из наиболее популярных и употребляемых лексических единиц в таджикском (персидском) языке.

Лексическая единица «Нил/نيل» (араб. النيل; англ. Nile) — это название реки в Африке, которая является величайшей рекой мира наравне с Амазонкой в речной системе мира. Данное слово происходит от греческого названия «Νεῖλος» и латинского «Nilus» [Большая Советская энциклопедия 1985].

Происхождение «Nil» связывается и с семитским корнем «nahal» со значением «долина», «речная долина», «река». В статье «Nile River» энциклопедии «Britannica» подчеркивается данная версия происхождения, а также коптское название Нила «Iago», которое в древнем Египте звучало как «Ag» или «Aug» с семантикой «черный, темный» [Britannica Enciclopedia 2016].

Река Нил/نيل протекает на протяжении 6852 километра и на разных участках в зависимости от притоков имеет разные названия, наиболее яркими и рельефными из них являются: Бахр-эль-Джебел (с араб. «горная река»), Белый Нил (с араб. Бахр-эль-Абьяд — «белая река»), Голубой Нил (араб. Бахр-эль-Азрак — «голубая река»), Атбара (араб. Бахр-эль-Асвад — «чёрная река» — правый приток ниже Хартума).

Происхождение «Nil» также связывается с лексической единицей «lil» в языке ливийских племён со значением «вода», которое в дальнейшем преобразовалось в форму «nil».

Гидроним «Нил/نيل» фиксирован и комментирован во многих толковых словарях таджикского (персидского) языка, начиная с IX века. В классических словарях подчеркивается, что это арабизированное название самой длинной реки в мире, которая течет с юга на восток, и чтобы проехать вдоль этой реки, требуется не менее семи месяцев, и «все еще река будет протекать дальше» [Гиёсиддини 1987, 357; Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969, т.1,859]. Согласно знаменитому топонимическому «Словарю стран» («Му'дждам аль-булдан», около 16 000 статей) арабского ученого-филолога и географа Якута аль-Хамави (1179-1229), «половодье начинается в этой реке в жаркое время года., имеет семь заливов... и когда вода достигнет 16 пунктов, открываются все заливы и все земли Египта орошаются ее водой», «в ее водах обитает рыба под названием عاده, это очень нежная рыба, если кто-н. дотронется до нее или возьмет в сеть, появляется дрожь в руках, пока не отпустит рыбу», также подчеркивается, что в этой реке обитает особый вид крокодила, который нигде больше не встречается [Хамави 2005, 83].

Характеристикой этого гидронима занимались также и другие таджикские классические ученые. Ибни Сино (Авиценна) отмечает три важных особенностей реки Нил, которые отличают ее от других рек мира: 1) река Нил является самой протяженной рекой мира, и эта протяженность течения является причиной ее нежности (латофат نيل لطافت); 2) река Нил является самой чистой рекой мира, поскольку протекает между скал и песка в пустыни, а не по грязной и почвенной территории, что становится

причиной загрязнения воды; 3) в отличие от других рек, камни в реке Нил не зеленеют, т.е. не покрываются водорослями. Когда другие реки высыхают, Нил становится полноводным по причине обильных дождей в этом регионе [Деххудо 2006].

Существуют достаточно точные координаты протекания реки с указанием широты и долготы, которые, разумеется, использовались в морской навигации.

Интересное описание реки Нил содержится в книге “Hudud-al-‘alam min-al-mashriq ila-l-maghrib” («Границы мира с востока на запад»), которая написана на таджикском языке в X веке неизвестным автором. В ней говорится о том, что «море Мисргон называется морем Тиннис, оно связано с морем Рум (Византийским), куда впадает и река Нил. Это море становится сладким (пресным) летом, когда Нил полноводная, а зимой соленая, когда в Ниле мало воды» [Худуд-ал-олам 1983, 19], т.е. благодаря водам Нила Средиземное море становится пресным в летний период. Об этом же говорится в «Джахоннома» Мухаммада Бакрона (XIIIв.), только там указывается, что летом вода этого водоема становится соленой [Бакрон 2012, 83,99].

В другом разделе этой книги река Нил упоминается в связи с описанием гор и полезных ископаемых. Одна из гор находится на востоке от Нила (гора Муаззам в начале долины Нуба, в котором содержится серебро и золото), другая гора на западе реки Нил, которая называется Alvahat и также находится в начале долины Нуба, она богата изумрудом. И речь идет

об ослах желто-белого цвета (зебрах?), которые погибают в случае их перемещения в другой климат [Бакрон 2012, 104].

Следует отметить, что в лексикографических памятниках топоним «Нил/نیل» толкуется и как название города, который «находится в Фурате между Багдадом и Куфой, назван по имени канала, который проведен неким Najja ibn Yusuf» [Деххудо 2006]. В этой книге Нил упоминается в связи с городами, находящимися на востоке (Фустот, Дамира, Данқаро) и западе (Фиум, Аъшунайн, Ахмим, Булайно, Сувоп) от реки, каждый из которых имеет ту или иную особенность, описанной в книге [Худуд-ал-олам 2005, 103-104].

На основе стихотворных отрезков классиков таджикско-персидской литературы можно говорить о том, что Нил обладает множеством качеств и образов, созданных на фоне реальных физических, а также мифических особенностей этой величайшей реки мира, текущей по Африканскому континенту:

Река «Нил/نیل», начиная с самых ранних образцов таджикской поэзии, представлена как эталон щедрости, богатства и плодородия. Еще великий Абуабдулло Рудаки, основоположник таджикско-персидской литературы 1150 лет назад описывал щедрость реки следующим образом:

Нили диҳанда туй ба гоҳи атият,

Пили даманда ба гоҳи кинагузорӣ [Деххудо 2006]

«Ты щедрая река Нил в пору дарения
благ,

Ты свирепый слон, когда наступает враг».

Бар саховати ӯ Нилро бахил шумор,

Бар шуҷоати ӯ пилро залил ангор [Деххудо
2006].

«Нил кажется скупым перед его щедро-
стью,

А слон ничтожным перед его смелостью».

Он Миср мамлакат, ки ту дидӣ, хароб шуд,

*В-он Нили макрамат, ки шунидӣ, сароб
шуд* Хоқонӣ. [Деххудо 2006]

«Та страна, что Миср (Египет), увиденная
тобой, разрушена,

Та щедрая река Нил, услышанная тобой,
в мираж превращена»

Чаще всего река Нил символизирует
опасность и смертельную угрозу, что
соответствует ее размахам и крутому нраву:

Ки пешам чӣ шеру чӣ деву чӣ пил,

Биёбони беобу дарёи Нил [Фирдоуси 1991,
т. 3, 164].

«Что предо мною лев, что дъявол, что
слон?

Безводная пустыня или река Нил?»

Зи ҷӯши саворону аз гарди пил,

Замин шуд ба кирдори дарёи Нил
[Фирдоуси 1991, т. 2, 176].

“Из-за обилие всадников и пыли,
поднятой слонами,

Земля стала бурлящей как река Нил”

Многие стихотворные отрезки указывают
на тот факт, что река Нил является
гидрообъектом, позволяющим осуществить
мореходство и морскую навигацию:

Чун киштии пуроташу гардон дар оби Нил,

Берун зад офтоб сар аз гӯшаи ҷаҳон.
Асҷадӣ [Деххудо 2006]

«Как корабль огненный, плавающий по
реке Нил,

Показало своё лицо Солнце с края света»

Стихотворные отрезки указывают на на
такое физическое свойство Нила как бурлящий
поток реки, этим уподоблением попутно
подчеркивая силу и мощь боевых слонов:

Ба Барбарситон буд саду шаст пил,

Шуда ҷумла ҷӯшон чу дарёи Нил
[Фирдоуси 1991, т. 3, 139].

«В Беберситане находилось стадо из 160
слонов,

Которое бурлило и ревело как река Нил»

Фактологический материал свидетель-
ствует о том, что Нил и ее воды отличаются
чистотой и особым качеством. Также часто
подчеркивается яркий голубой бирюзовый
цвет укрощений и утвари с блестящей синевой
реки «Нил/نیل»:

Ниҳоданд маҳд аз бари панҷ пил

Зи пирӯза, рахионтар аз оби Нил
[Фирдоуси 1991, т. 6, 246].

«И установили колыбель на пяти слонах,

Из бирюзы, которая ярче вод Нила»

Созданные литераторами образы
олицетворяют Нил не только как

обиталище страшных тварей, но и редких
и оригинальных существ:

Бар киштии умр така кам кун,

К-ин Нил нишемани наҳанг аст. Анварӣ
[Деххудо 2006]

«Не доверяй особо этому миру,

Он такой же как Нил — обиталище кроко-
дилов»

Очень часто в литературных источниках
с упоминанием «/رود/ rūd — река» или «*دریا*/
дарё/ *darū* — море» «Нил/نیل» описывается как
мощный и страшный губительный поток.
Обычно это происходит при описании борьбы
с драконами (*аждаҳо* *ajdahā*) и такому
уподоблению способствует желтый цвет их
смертоносного яда (желчи):

Шикастам сараш чун сари жандапил,

Фурӯ рехт з-ӯ заър чун рӯди Нил
[Фирдоуси 1991, т. 2, 78].

«И сломал я ему (дракону) хребет как
слону голова,

И вылилась яд (желч) из него как воды
Нила»

Достаточно много метафорических фраг-
ментов связана с использованием гидронима
«Нил/نیل» в таджикско-персидской классичес-
кой литературы. Например, в следующем двусту-
шии доброта и широта души героев и персонажей
уподобляется широте реки «Нил/نیل», которая (от
350м.) местами составляет до 7500 метров.

Ба тан жандапилу ба ҷон Ҷабраил,

Ба каф абри баҳман, ба дил рӯди Нил
[Фирдоуси 1991, т. 7, 52].

«Фигурой как слон свирепый, душой как
Джабраил,

Ладонью (щедростью) как тучи весенные,
а сердцем как река Нил»

Особое внимание привлекает упоминание
огромных волн реки «Нил/نیل», которым
уподобляется землетрясение (в результате
ожесточенных сражений):

Бизад мӯҳра бар кӯҳаи жандапил,

Замин чунб-чунбон чу дарёи Нил
[Фирдоуси 1991, т. 5, 102].

«Ударил булавой по хребту боевого слона
(бойца),

Да так, что земля стала ходить ходуном
как (волны) реки Нил»

В поэтических образах широта реки
«Нил/نیل» стало восприниматься не только как
метафорическое, виртуальное (широта душа,
благородство, щедрость), но и в буквальном
значении этого слова (физическом измерении).
Например, в следующем стихотворном отрезке

размах рук богатыря измеряется размахом или шириной реки «Нил/نیل»:

Чу дасту инонаш ба айвон низор

Набиниву бар зин чун ў як савор.

Дили шери нар дораду зўри нил,

Ду дасташ ба кирдори дарёи Нил
[Фирдоуси 1991, т. 4, 211].

«Не встретишь такой фигуры и мускул,

И на седле такого великолепного всадника.

Сердцем льва он обладает, силой слона,

А размах рук у него как (широта) реки Нил»

В таджикском литературном языке для выражения понятия “река” используется два синонимичных слова: «/رود/» и «/дарё/». В современном персидском языке «/رود/» означает “река”, а «/дарё/» используется для выражения понятия «море». В литературных памятниках таджикского (персидского) языка «Нил» как гидроним выражается обеими единицами:

а) /رود/ rūd – река:

Аз он раҳ, ки дар пойи нил омадаш,

Гузаргаҳ сўйи рӯди Нил омадаш. Низами
[Деххудо 2006]

«Слоновая тропинка, по которой он следовал,

Привела его к переходу к реке Нил»

б) /дарё/ daryā – море:

Ҳамчунон дар фикри он байт

Пилбоне дар лаби дарёи Нил. Саъдии
Шерозӣ [Деххудо 2006]

«Все еще думаю о том бейте (двустиише),

Которое сказал погонщик слонов на берегу реки (моря) Нил»

Об этом говорится не только в художественных произведениях, но и в классических научных трактатах. Одним из них является географический трактат «Джахоннома» Мухаммада Бакрона, который составлен на таджикском языке в XIII веке. В этом трактате анализируемый гидроним упоминается в виде «Нили Миср» в нескольких разделах. В частности, подробно упоминается «дорожная карта» этой великой реки, но более подробная информация предлагается в отношении ее ихтиофауны. Наряду с электрической рыбой «*раъода/ раъод*» «*رعد/رعد*» описываются еще и «крокодил» «*nahang/timsoh* / *تمساح* крокодил», который имеет «четыре руки и ноги, длинную голову и тело с огромными зубами, с помощью которых он захватывает жертву и уводит под воду со смертельным исходом, но на суше не представляет особой опасности для других животных» [Бакрон 2012,19].

Кроме этих двух животных речь идет и о животном «*сақанкур/سقاڭور*» saqanqur «сцинк аптечный» (ядовитая ящерица) [Персидско-русский словарь, 1983, 49], на персидском «*ریگماهی/ریگماهی* / *песчаная река*», который используется при создании различных сильных

лекарств, и как усилитель мужской потенции, и «больше ни в каком водоеме не наблюдается, кроме как в Ниле Египта» [Бакрон 2012, 100]. Данное слово встречается в некоторых стихотворных фрагментах, и почти все время в контексте лекарства против импотенции:

*Наварус аз раҳнишинон шукр кай гӯяд
бадон-к*

*Доми иннин аз сақанқури музаввир
сохтанд. Хоқонӣ [Деххудо 2006].*

«Невеста почему должна благодарить сидящих на обочине людей,

Когда импотенту построили ловушку из фальшивого саканкура»

В этом трактате предлагаются также интересные сведения о некоем животном под названием «аспи обӣ» (морской конь), мотивом номинации которого стало не внешнее сходство, а сходство издаваемого голоса. Это животное угрожало кораблям и морякам, которые отпугивали его запахом уксуса [Бакрон 2012,101].

Довольно интересным с точки зрения использования омонимичных единиц являются отдельные поэтические фрагменты. Заслуживает особого внимания в этом смысле следующее двустишие Носира Хусрава, в котором *нил* может быть интерпретирован как в значении «река», так и в значении «синяя краска, индиго»:

То нарафтӣ ба ҳач, наӣ ҳочӣ,

*Гарчӣ кардӣ салб кабуд ба нил (Нил)
[Деххудо 2006].*

«Пока не был в хадже, ты не хаджи,
Хотя покрасил в синее свою одежду».

Или же:

«Пока не был в хадже, ты не хаджи,

Хотя ты окунул свою одежду в синие воды Нила».

Иными словами, «хотя ты очень близко подошел к хаджу, побывал на берегу реки или омылся в водах Нила, но этого недостаточно, чтобы ты объявлял себя хаджи». Таким образом, очень часто литераторы производят игру слов, одним словом выражая и реку, и краску (индиго), усиливая этот прием эффектом упоминания других близких по местонахождению топонимов, например, Африку или Миср (Египет). Этому явлению способствовал и тот факт, что в старописьменной таджикской (персидской) графике арабского происхождения отсутствует прописная (заглавная) буква, и в отличие от современной кириллицы имена собственные тоже пишутся строчной буквой.

На этой основе образовалось немало словосочетаний, например, *ҷома ба нил фурӯ бурдан* «окрасить одежду; окунуть одежду в раствор индиго», которое также используется в переносном значении как фразеологический оборот с семантикой «одевать траурную одежду», мотивом которого служит «синий/темный цвет окрашенной одежды»:

Ё бикаш бар чеҳра нили ошиқӣ,

Ё фурӯ бар ҷомаи тақво ба Нил (нил).

Ҳофизи Шерозӣ [Деххудо 2006]..

“Или намазывай лицо темной (траурной)
краской влюбленности,

Или погружай одежду благочестивости
в Нил (или в индиго)”

Достаточно часто от этого гидронима
встречаются производные единицы с помощью
суффиксов имен прилагательных *-гун* и *-фом*,
которые также могут быть трактованы
в зависимости от контекста: *нилгун/нилфом* —
1) цвета индиго, темно-синего цвета;
2) водяного цвета, цвета воды Нил:

Дар ӯ шашсутун хаймаи нилгун,

Зи симаш ҳама меху аз зар сутун. Асадӣ
[Деххудо 2006].

“И в нем шестигранный цвета Нила
(индиго) шатер,

Из серебра все гвозди, а золотые колонны
украшают взор”.

Чу дарёст ин гунбади нилгун,

Замин чун ҷазира миён андарун. Асадӣ
[Деххудо 2006].

«Как река цвета Нила (или цвета индиго)
этот свод,

А Земля посередине выглядит как остров»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, гидроним «Нил» и его
омонимы имеют особое место в лексической
системе таджикского языка. Посредством этой

лексической единицы создано большое количе-
ство метафор и образов в таджикской классиче-
ской литературе, а словари и географические
трактаты содержат огромное количество линг-
вокультурного материала, связанного с гидро-
нимом Нил и его экстралингвистических фак-
торов влияния на лексический корпус таджик-
ско-персидского литературного языка.

Анализ гидронима Нил указывает на мно-
жество культурно-исторических отношений
ираноязычных народов с народами, жившими
по руслу этой реки и имевшие торговые и дру-
гие связи с соседями по Персидскому заливу.

Список литературы

1. *Большая советская энциклопедия.* М.: СО-
ВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 1985. Боль-
шая советская энциклопедия онлайн,
<https://bse.slovaronline.com> (дата обраще-
ния 07.02.2023)
2. *Britannica Enciclopedia.* 2016. [https://
www.britannica.com](https://www.britannica.com) (accessed: 07.02.2021)
(на англ.яз.)
3. Гиёсиддини Мухаммад. *Гиёс-ул-лугом.*
Душанбе: АДИБ, 1987-1989. (на
тадж.яз.)
4. *Фарҳанги Рашидӣ.* Тегеран. В 2-х томах.
[https://ravshanfikr.tj/lu-atnoma-o.raw?
task=download&fid=321](https://ravshanfikr.tj/lu-atnoma-o.raw?task=download&fid=321) (дата обращения
07.02.2023) (на перс. яз.)
5. *Фарҳанги забони тоҷикӣ (Словарь та-
джикского языка).* (С Хв. до нач. XXв.). В 2-
х томах. М.: СОВЕТСКАЯ ЭНИКЛОПЕДИЯ,
1969. (на тадж. яз.)

6. Хамави Ёкут ибни Абдуллох. *Муъҷам-ул-булдон. Бейрут, 2005* (на араб. яз.)
7. Деххудо Алиакбар. *Луғатномаи Деҳхудо*. Тегеран: ИНТИШОРОТИ ДОНИШГОҶИ ТЕХРОН, 2006. (на перс. яз.)
8. Бакрон Мухаммад. *Джахоннома (XIIIв.)*. Худжанд, 2012. (на тадж. яз.)
9. *Худуд-ал-олам (Границы мира)*. Душанбе: ЗНАНИЕ, 1983. (на тадж. яз.)
10. Фирдоуси А. *Шахнаме*. Т. 1-9. Душанбе: АДИБ, 1987-1991 (на тадж. яз.)
11. Персидско-русский словарь. М., РУССКИЙ ЯЗЫК, 1983
8. Bakron Muhammad. *The Book of the Universe (XIII century)*. Khujand, 2012
9. *Universe Borders*. Dushanbe, 1983 (in Tajik)
10. Firdowsi A. *Shahnameh*. Vol. 1-9. Dushanbe: ADIB, 1987-1991 (in Tajik)
11. *Persian-Russian Dictionary*. Moscow: RUSSKIJ YAZYK, 1983 (in Russ.)

References

1. *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: SOVETSKAYA ENCIKLOPEDIYA, 1985. <https://bse.slovaronline.com> (accessed: 07.02.2021) (in Russian)
2. *Britannica Enciclopedia*. 2016. <https://www.britannica.com> (accessed: 07.02.2021)
3. Giyasiddin Muhammad. *Dictionary of Giyas*. Dushanbe: ADIB, 1987-1989. (in Tajik)
4. *Dictionary of Rashidi*. Tehran. In 2 volumes. <https://ravshanfikr.tj/lu-atnoma-o.raw?task=download&fid=321> (accessed: 07.02.2021) (in Persian)
5. *Dictionary of the Tajik language*. (From the 10th century upto the beginning of the XX century). In 2 volumes. Moscow: SOVETSKAYA ENCIKLOPEDIYA 1969. (in Tajik)
6. Hamawi Yakut ibn Abdullah. *Miracle-ul-buldun*. Beirut, 2005 (in Arabic)
7. Dekhudo Aliakbar. *Dekhudo Dictionary*. Tehran: INTISHOROTI DONISHGOHI TEHRON, 2006. (in Persian)

Сведения об авторах

Касимов Олимджон Хабибович,

Д. филол. н., проф., зав. каф. методики обучения

Таджикский международный университет иностранных языков имени Сотима Улугзаде

734019, Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6.

olimjonk@yandex.ru

Биктагирова Зубайда Альбертовна,

К. филол. н., доц. каф. востоковедения, африканистики и исламоведения

Казанский федеральный университет

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18

zubayda@yandex.ru

Депутатова Наталья Анатольевна,

К. филол. н., доц. каф. европейских языков и культур

Казанский федеральный университет

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18

natalizachka@mail.ru

Information about the authors

Olimjon H. Kasimov

PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Teaching Methods

Tajik international university of foreign languages named after Sotim Ulughzoda
17/6, Muhammadiev street, Dushanbe, Tajikistan, 734019

olimjonk@yandex.ru

Zubayda A. Biktagirova

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Oriental, African and Islamic Studies, Institute of International Relations,

Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya street, Kazan, 420008,
Russian Federation

zubayda@yandex.ru

Natalya A. Deputatova

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of European Languages and Cultures

Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya street, Kazan, 420008,
Russian Federation

natalizachka@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

*Одобрена после рецензирования:
16.07.2023*

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Comparison of grammatical features of Russian and Vietnamese nouns

Сравнение грамматических особенностей имен существительных русского и вьетнамского языков

Хо Тхи Тху Ханг

*Высшая школа международных отношений
и востоковедения, институт международных
отношений*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Thuyhang2207ulis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7254-2218>

Ho Thi Thu Hang

*Institute of International Relations
Kazan (Volga Region) Federal University*

Thuyhang2207ulis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7254-2218>

УДК 5.9.8 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-52-60](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-52-60)

АННОТАЦИЯ

Выбор темы исследования и ее актуальность обусловлены тем, что с каждым годом количество изучающих русский язык во Вьетнаме, а также количество изучающих вьетнамский язык в России значительно возрастают, но методы преподавания и материалы ограничены. Одной из самых трудных частей в изучении этих языков является изучение грамматических особенностей имен существительных. Цель данной работы — сравнить грамматические особенности имен существительных русского и вьетнамского языков. Результаты, выводы, а также материал настоящего исследо-

ABSTRACT

The selection of the research topic and its relevance are due to the fact that every year the number of students of the Russian language in Vietnam, as well as the number of students of the Vietnamese language in Russia, is increasing significantly, but teaching methods and materials are limited. One of the most difficult parts in learning these languages is learning the grammatical features of nouns. The purpose of this work is to compare the grammatical features of the nouns of the Russian and Vietnamese languages. Results, conclusions, as well as the material of this study They can be used as teaching materials for teaching and

вания могут быть использованы как учебные материалы для преподавания и обучения вьетнамскому и русскому языкам как иностранным... В работе используются следующие методы: собирательный, сопоставительный анализ и описательный метод.

Ключевые слова: имена существительные, лексико-грамматические разряды, грамматические категории, роды, числа, падежи

Для цитирования: Хо Тхи Тху Ханг. Сравнение грамматических особенностей имен существительных русского и вьетнамского языков. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 52-60 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-52-60>

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-013) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

В настоящее время русский язык является одним из самых распространенных языков в мире. Кроме Российской Федерации, во многих странах, таких как: Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и др., местные жители говорят на русском языке, как на втором языке. Кроме того, имеется немало число учащихся, которые учат русский язык как иностранный язык. Почему так много людей хотят изучить русский язык? Это потому, что русский язык представляет собой красивый, нежный язык. Он считается языком любви и романтизма. Известное стихотво-

learning Vietnamese and Russian as a foreign language. The following methods are used in the work: collective, comparative analysis and descriptive method.

Keywords: nouns, lexical and grammatical categories, grammatical categories, genera, numbers, cases.

For citation: Ho Thi Thu Hang. Comparison of grammatical features of Russian and Vietnamese nouns. *Modern oriental studies*. 2023; 5(3). Pp. 52-60. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-52-60>

рение «Я Вас любил» Пушкина является примером этого.

«Я вас любил так искренно, так нежно; Как дай вам Бог любимой быть другим» — такие романтические слова стихотворения могут быть всегда в нашем сердце. Однако, для многих не секрет, что русский язык — один из самых сложных иностранных языков для изучения из-за своих необъяснимых правил, грамматической уникальности и многослойности. Не только грамматика, но и произношение также

затрудняют учащихся. В русском языке есть много характеристик, которых нет во вьетнамском языке. Это представляет собой одну из причин, делающей русский язык уникальным и интересным в глазах иностранных учащихся в целом, а также вьетнамских студентов в частности.

Данная работа анализирует грамматические характеристики имен существительных в русском и вьетнамском языках.

«Имена существительные обозначают предметность и выражают это значение в формах рода, числа и падежа, выступают чаще всего в функции подлежащего или дополнения, способны также выполнять роль определения и обстоятельство-ства, употребляются в составе именного сказуемого» (Шанский 1987, 93).

«Выделяется три лексико-грамматических разряда в русском языке: разряд нарицательных и собственных существительных, разряд конкретных существительных, которым противостоят существительные отвлеченные, собирательные и вещественные, и разряд существительных одушевленных и неодушевленных» (Габдулхаков 2008, 120).

В семантическом отношении имена существительные во вьетнамском языке похожи на существительные в других языках. «Имя существительное – это большая группа слов, обозначающая предмет, явление или лицо и имеющая много функций». (Диеп Куан Бан 2014, 11).

Существительное может сочетаться с разными частями речи при строении словосочетаний или предложений.

«Существительные делятся на разные группы, соответствующие с различными критериями. Можно перечислить некоторые популярные группы существительных, такие как:

- Собственные и нарицательные существительные
- Собирательные и несобирательные существительные
- Существительные конкретные и неконкретные (отвлечённые, и вещественные)
- Существительные, обозначающие условные единицы измерения
- Исчисляемые и неисчисляемые существительные» (Диеп Куан Бан 2014, 11).

«Имена существительные в русском языке имеют грамматические категории рода, числа и падежа» (Шабулдаева 2019, 9).

Все имена существительные относятся к одному из трех родов:

- мужской род — *конь, нос, папа, стол, телефон;*
- женский род — *земля, бумага, дочь, соль, книга;*
- средний род — *кольцо, имя, село, море, молоко.*

Мы определяем род слова через его окончание. Например, к мужскому роду относятся слова с нулевым окончанием (учебник, язык...), к женскому роду относятся существительные с окончанием -а, -я (тетя, машина...), к среднему роду относятся существительные с окончанием

-о, -е (яблоко, море...). Если в конце слова стоит мягкий знак, оно относится либо к мужскому роду, либо к женскому роду. В этом случае иностранцы должны использовать словарь для определения рода слова. Например, слова «дождь» и «соль» имеют окончание «ь». Однако, слово «дождь» относится к мужскому роду, а «соль» - женскому роду. Кроме того, бывают исключения с окончаниями «а», «я». Слова «папа, дядя, дедушка...» относятся к мужскому роду, а не женскому. Слова «имя, время...» принадлежат к группе среднего рода, а не женского. Учащиеся должны запомнить исключения во избежание ошибок при использовании русского языка.

Существительные во вьетнамском языке не имеют категории рода. Вьетнамцы не делят существительные на три группы: мужского, женского, среднего рода, как в русском языке. Таким образом, можно сказать, что термин «средний род» совсем не существует во вьетнамском языке. Однако, когда речь идет о человеке, надо обратить внимание на пол человека, чтобы правильно обращаться к нему. В этих случаях имеются различные способы для обозначения пола, как:

- употребление разных слов для лиц мужского и женского пола, например: *ông* «дедушка», *bà* «бабушка», *chú* «дядя», *dì* «тетя» и т. п.;
- употребление перед или после существительного слова, указывающего пол.

После существительных обычно используются слова *đàn ông* «мужчина», *đàn bà*

«женщина», *trai* «мальчик», *gái* «девочка», например: *bạn trai* «друг», *bạn gái* «подруга» и т. д. Перед существительными для обозначения пола можно ставить слова *nam* «мужчина, мальчик, юноша», *nữ* «женщина, девушка», *anh* «старший брат», *chị* «старшая сестра» и некоторые другие слова, например: *nam ca sĩ* «певец», *nữ ca sĩ* «певица» т. д.

Для различения пола животных употребляются слова *đực*, *trống* «самец», *cái*, *nái*, *mái* «самка», которые ставятся после существительного. Примеры:

Con cừu **đực** «Баран» — Con cừu **cái** «Овца»

Con gà **trống** «петух» — Con gà **mái** «курица»

Для грамматики вьетнамского языка разделение существительных на одушевленные и неодушевленные очень важно. Существительные во вьетнамском языке часто сочетаются с элементами **cái** и **con**. Они всегда стоят перед существительными. Слово **Con** употребляется для животных, людей, в общем для живых существ. Например: **con** người «человек», **con** hổ «тигр», **con** ong «пчела»; а слово **Cái** употребляется для предметов, например, *cái* gương «зеркало», *cái* vali «чемодан», *cái* gối «подушка». От этого у нас есть общая форма для правильного использования существительных во вьетнамском языке:

Con+ Одушевленные существительные

Cái + Неодушевленные существительные.

У двух этих слов есть некоторые функции. О первой функции как сказано выше они различают одушевленные от неодушевленных существительных. А вторая функция — они помогают конкретизировать значения существительных позади их. Например: само слово **nhà** имеет несколько значений: дома, дом, и жена (муж).

Em đang ở **nhà** «Я сейчас **дома**»

Đây là **nhà** của mình «Это мой **дом**»

Nhà tôi đang ở dưới bếp «мой **муж/жена** на кухне сейчас».

Если мы не ставим это слово в конкретном контексте, трудно определить какое значение из трех значений имеет это слово. Однако когда мы сочетаем слово **cái** с существительным — **cái nhà**, это словосочетание обязательно обозначает только — дом.

Категория числа в русском языке

«Категория числа образует одну оппозицию: единственное число — множественное число» (Шабулдаева 2019, 24). Основным средством выражения числа является окончание. Учащиеся должны запомнить правило для изменения числа имен существительных. Например, окончание «а» меняется на окончание «ы» или «и» (машина — машины, книга книги...), окончание «о» — на окончание «а» (окно — окна, озеро — озера). Существует группа слов, которая имеет исключения при изменении числа. Например, дом — дома, паспорт — паспорта, яблоко — яблоки, цветок — цветы...

Вьетнамские существительные не изменяются по числам, однако имеются служебные

слова, которые употребляются специально для обозначения множественного числа существительных. Такими словами являются *các, những, nhiều, vô số...* Например: *bông hoa* (цветок) — ***những bông hoa*** (цветы); во вьетнамском языке *bông hoa* (цветок) — это существительное единственного числа, и если вьетнамцы хотят употребить его во множественном числе, они добавляют служебное слово ***những***, само существительное не изменяется. Напротив, в русском языке слова изменяются (цветок — цветы, лист — листья, берег — берега и др.). Поэтому обучающимся постоянно необходимо иметь в виду правило изменения формы единственного числа на множественное число, а также запомнить много исключений.

Конкретные существительные обычно изменяются по числам: здание — здания, тетрадь — тетради. «Многие существительные имеют форму только одного числа.

Только в форме единственного числа употребляются:

- 1) собирательные существительные: листва, крестьянство, мошкарка, беднота, белье;
- 2) абстрактные существительные: беготня, слепота, синева, слава, горе;
- 3) вещественные существительные: капуста, мед, чай, рожь, железо, молоко, баранина;
- 4) многие собственные имена: Беларусь, Азия, Туркменистан, Гомель, Китай, Шанхай.

Только в форме множественного числа употребляются:

- 1) собирательные: припасы, деньги, недра;
- 2) абстрактные: выборы, переговоры, жмурки, каникулы;
- 3) вещественные: сливки, отруби, чернила, консервы, щи;
- 4) собственные имена: Калининвичи, Анды, Рыбы (созвездие)» (Шабулдаева 2019, 21).

Как в русском языке у существительных вьетнамского языка имеется группа слов, которые обозначают или единичный предмет (всегда единственное число) или совокупность однородных предметов (всегда множественное число). Число существительных в этих случаях часто определяется лексическими значениями. Например: слово *trời* «небо», небо только одно, поэтому это слово всегда употребляется в единственном числе; напротив, слово *bố mẹ* «родители» или *ông bà* «прародители» — всегда во множественном. (оба слова «*bố mẹ*, *ông bà*» во вьетнамском языке принадлежат собирательным существительным, а собирательные существительные в этом языке всегда обозначают множественное число).

Категория падежа

Имена существительные изменяются по падежам. «В современной русской грамматике выделяется 6 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный» (Шабулдаева 2019, 27).

Именительный падеж противопоставлен всем остальным. Он выражает самостоятельное, грамматически независимое положение существительного в речи, то есть нулевое отно-

шение, и называется прямым. Остальные падежи называются косвенными. Они обозначают грамматически зависимое положение имени существительного, выражают разнообразные синтаксические отношения к другим словам. Именительный падеж в основном используется для выражения субъекта, а формы косвенных падежей выражают объектные, обстоятельственные и определительные значения» (Шабулдаева 2019, 28).

Окончания и предлоги представляют собой средства выражения падежных значений имен существительных в русском языке. Окончание — главное средство выражения падежных значений.

Имена существительные во вьетнамском языке не изменяются по падежам. Как написано выше, в русском языке имеются 6 падежей, и каждый падеж выражает множество значений. Кроме того, у каждого падежа имеются формы единственного и множественного числа. Например: такие формы слова «книга», как: книги, книг, книге, книгам, книгу, книгой, книгами, книгах переводятся на вьетнамский язык как «*sách*», и это слово во вьетнамском языке никогда не меняет свою форму при строении предложений.

Однако, когда мы переводим значения падежей в предложениях с русского на вьетнамский, мы можем добавлять подходящие предлоги по смыслу к существительным. К примеру:

— *Đây là những bài kiểm tra của lớp tiếng Việt* (Это контрольные работы для группы вьетнамского языка).

Это один пример для родительного падежа. Во вьетнамском языке предлог *của* стоит до существительного для обозначения значения принадлежности.

– *Tôi tặng cho cô ấy một ngàn bông hồng*
(Я подарил ей тысячу роз).

Это пример для дательного падежа. Слово *cho* находится до адресата, по отношению к которому выполняются действия.

– *Tôi ăn cơm bằng đũa* (Я ем рис палочками).

Это пример для творительного падежа. Слово *bằng* находится до существительного, для обозначения значения предмета, с помощью которого выполняются действия.

– *Tôi thường nghĩ về những kỷ ức buồn đã qua*
(Я часто думаю о грустных воспоминаниях прошлого).

Bố mẹ tôi đang sống ở trong một ngôi nhà nhỏ nhưng ấm cúng (Мои родители живут в маленьком, но уютном доме).

Это примеры для предложного падежа. Слово *về* находится до существительного, для обозначения объектного значения, при глаголах имеющих значение мысли, речи, а предлог *ở* используется с существительными, имеющими значение места.

Именительный и винительный падежи обычно переводятся на вьетнамский без предлогов.

Моя мама кушает (Mẹ tôi đang ăn cơm),

я недавно купила дом (Tôi mới mua nhà).

Родительный, дательный, творительный и предложный падежи не всегда переводятся на вьетнамский с предлогом, стоящим до существительного. Например:

– родительный падеж: она боится темноты (cô ấy sợ bóng tối),

– дай мне стакан молока, пожалуйста! (xin hãy đưa cho tôi cốc sữa),

– дательный падеж: маме грустно (mẹ buồn),

– творительный падеж: я не люблю заниматься спортом (tôi không thích chơi thể thao),

– Я не в хорошем настроении (Tôi không có tâm trạng tốt).

В переведенных предложениях выше не используются предлоги.

Трудностями для иностранцев при изучении русского языка являются правильное использование каждого падежа в определенном контексте. Студенты из различных стран, не говорящие на русском языке, как на родном языке, а также вьетнамские студенты в частности, сталкиваются со многими трудностями при выборе падежей. Они всегда задают такие вопросы, как: почему здесь мы используем этот падеж? Какое значение он выражает? Кроме того, правила склонения не легко запомнить, это требует от учащихся много времени практических занятий.

Можно сказать, что вьетнамский язык сильно отличается от русского языка. Точнее,

имена существительные во вьетнамском языке не обладают категорией рода, не изменяются по числам и по падежам, как в русском языке. Имена существительные в русском языке имеют грамматические категории рода, числа и падежа. Все имена существительные относятся к одному из трех родов: мужскому, женскому, среднему роду. Категория числа образует одну оппозицию: единственное число — множественное число. Основным средством выражения числа является окончание. В современной русской грамматике выделяется 6 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный.

Результаты, выводы, а также материал настоящего исследования могут быть использованы как учебные материалы для преподавания и обучения. Исследование может помочь учащимся понять ошибки и трудности, с которыми они часто сталкиваются при изучении характеристик имен существительных в русском и вьетнамском языках.

Список литературы

1. Шанский Н. М. Современный русский язык. Учеб. для студентов педагогических институтов. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
2. Габдулхаков В. Ф. Русский язык в межкультурном общении, в лингвистической теории и методике преподавания: учебно-методическое пособие для студентов педагогических вузов, учителей школ, слушателей курсов ИПК / В. Ф. Габдулхаков, Л. В. Мирошниченко, С. В. Фаттахова, Н. Д. Колевтинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 399 с.
3. Диеп Куан Бан. (Diệp Quang Ban) Пособие по грамматике вьетнамского языка (Giáo trình Ngữ pháp tiếng Việt). 2014. С. 11-15 (на вьет. яз).
4. Шабулдаева Н. И. Современный русский язык: имя существительное: практическое пособие / Н. И. Шабулдаева. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 47 с.

References

1. Shansky N. M. Modern Russian language. Studies for students of pedagogical institutes. Word formation. Morphology / N. M. Shansky, A. N. Tikhonov. – M.: Enlightenment, 1987. – 256 p.
2. Gabdulkhakov V. F. The Russian language in intercultural communication, in linguistic theory and teaching methods: an educational and methodical manual for students of pedagogical universities, school teachers, students of IPK courses / V. F. Gabdulkhakov, L. V. Miroshnichenko, S. V. Fattakhova, N. D. Koletvinova. – Kazan: Tatar. publishing house, 2008. – 399 p.
3. Diep Quang Ban. ((Diep Quang Ban) A guide to the grammar of the Vietnamese language (Giao trinh Nu php tieng Viet). 2014. pp. 11-15 (in vietl. yaz).
4. Shabuldaeva N. I. Modern Russian: noun: practical guide / N. I. Shabuldaeva. – Gomel: F. Skarina State University, 2019. – 47 p.

Сведения об авторе

Хо Тху Тху Ханг

Институт международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Thuyhang2207ulis@gmail.com

Information about the author

Ho Thi Thu Hang

Institute of International Relations

Kazan (Volga Region) Federal University

Thuyhang2207ulis@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

**Specific features of lexical homonymy in Chinese sports
and medical media advertising**

**Видовые особенности лексической омонимии в китайской
спортивной и медицинской медиарекламе**

***Кравцова А.В.¹, Шмелева О.Д.²**

^{1,2} Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
400005, Российская федерация, г. Волгоград, пр.
им. В.И. Ленина, 27;

¹ORCID ID: 0009-0007-4716-7894;

²ORCID ID: 0000-0001-7869-2834;

*e-mail: kraft-anna@yandex.ru

***Anna V. Kravtsova ¹, Olga D. Shmeleva ²**

^{1,2} Volgograd State Social and Pedagogical University;
27 Lenin Avenue, Volgograd, Russian Federation,
400005;

¹ORCID ID: 0009-0007-4716-7894;

²ORCID ID: 0000-0001-7869-2834;

*e-mail: kraft-anna@yandex.ru

УДК 811.581.11 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-61-76](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-61-76)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются виды лексической омонимии и особенности их функционирования в китайской современной спортивной и медицинской медиарекламе. Актуальность исследования обусловлена расширением традиционной видовой модели лексических омонимов в китайском языке, отражающегося в рекламных медиатекстах как средство реализации речевой интенции адресанта. Цель исследовательской работы заключается в выявлении и описании видов лексической омонимии в китайской спортивной и медицинской медиарекламе. В качестве основных методов, применяемых к данной статье, представлены индуктивный метод, дедуктивный метод, метод дефиниционного анализа, лексико-семантический

ABSTRACT

The article deals with the types of lexical homonymy and features of their functioning in modern Chinese sports and medical media advertising. The relevance of the study is due to the expansion of the traditional generic model of lexical homonyms in Chinese, which is reflected in advertising media texts as a means of realizing the addresser's speech intention. The purpose of the research work is to identify and describe the types of lexical homonymy in Chinese sports and medical media advertising. The main methods applied to this article are the inductive method, the deductive method, the method of definitional analysis, lexico-semantic analysis, content analysis. In the process of research, the conceptual apparatus of traditional types of lexical homonymy in the

анализ, контент-анализ. В процессе исследования определен понятийный аппарат традиционных видов лексической омонимии в китайском языке: собственно омонимов, омографов и омофонов, а также вводится понятие схожих по звучанию слов (近音词 jìn yīn cí) как одна из категорий омонимии; рассматриваются собственно китайские, собственно английские и англо-китайские подвиды установленной категории. Перечисленные подвиды схожих по звучанию слов трактуются как составляющая лексической омонимии ввиду стремления к звуковой идентичности при наличии фонетического или графического сходства с заменяемым компонентом. Анализ материала показал, что в китайской спортивной и медицинской медиарекламе отсутствует такая категория омонимов как омографы, что связано с семантической и фонетической составляющей конечного медиасообщения. Принцип выбора слога для последующей омонимической замены в рекламном медиасообщении осуществляется с точки зрения выделения ключевого по смыслу компонента, отражающего актуальное событие/праздник в стране или городе. Одной из продуктивных областей функционирования лексических омонимов в китайском спортивном и медицинском рекламном медиатексте отмечен фразеологический пласт лексики.

Ключевые слова: лексическая омонимия, омофоны, омографы, схожие по звучанию слова, спортивная медиареклама, медицинская медиареклама, воздействующая функция рекламы

Для цитирования: Кравцова А.В., Шмелева О.Д. Видовые особенности лексической омонимии в китайской спортивной и медицинской

Chinese language is defined: homonyms proper, homographs and homophones, and the concept of similar-sounding words (近音词 jìn yīn cí) is introduced as one of the categories of homonymy; Chinese proper, proper English and English-Chinese subspecies of the established category are considered. The listed subspecies of similar-sounding words are interpreted as a component of lexical homonymy due to the desire for sound identity in the presence of absolute phonetic or graphic similarity with the original component. The analysis of the material showed that in Chinese sports and medical media advertising there is no such category of homonyms as homographs, which is associated with the semantic and phonetic component of the final media message. The principle of choosing a syllable for subsequent homonymous replacement in an advertising media message is carried out from the point of view of highlighting a component that is key in meaning, reflecting a current event/holiday in a country or city. One of the productive areas of functioning of lexical homonyms in the Chinese sports and medical advertising media text is the phraseological layer of vocabulary.

Keywords: lexical homonymy, homophones, homographs, similar-sounding words, sports media advertising, medical media advertising, influencing function of advertising.

For citation: Kravtsova A.V., Shmeleva O.D. Specific features of lexical homonymy in Chinese sports and medical media advertising. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 61-76 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-61-76>

медиаарекламе. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 61-76 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-91-76>

Современная реклама представляет собой богатый лингвистический инструментарий для реализации основных функций: информирующей и воздействующей [Желтухина 2014, 134]. Качество визуального наполнения рекламного сообщения, которое нередко выражается посредством вербальных средств и приемов, напрямую влияет на распространение и потребление рекламируемого продукта.

Содержание вербальной составляющей медиаарекламы часто наполнено экспрессивной лексикой, стилистическими фигурами, тропами и другими лингвистическими явлениями, что подтверждается и в объекте данного исследования — китайской спортивной и медицинской медиаарекламе.

Анализ фактического материала показывает, что тексты китайской медиаарекламы включают в себя разнообразные лингвистические приемы, но, ввиду особенностей строения языка, одним из частотных приемов является лексическая омонимия.

Лексическими омонимами (同音词 *tóngyīncí*) в китайском языке называются слова, совпадающие по звучанию, а иногда и по написанию, но различающиеся по значению [Семенов 2005, 195]. При этом совпадающее звучание подразумевает не только идентичную слоговую часть, но и одинаковый этимологический тон звуков.

Особенностью китайского языка с точки зрения семасиологии является высокое содержание в нем омонимичных слогов. Это явление в первую очередь связано с особенностями фонетической организации слога, которая подразумевает ограниченный фиксированный набор слогов, что приводит к их высокой повторяемости, и, как результат, является важнейшей причиной наличия большого числа омонимов [Горелов 1984, 115].

Прием замены омонимичных слогов при создании рекламного сообщения является «способом придания тексту неоднозначной, многоплановой интерпретации через прогнозируемое автоматическое восприятие рекламного текста реципиентом как определенной когнитивной модели» [Амири 2014, 13].

В омонимичных слогах в рекламном медиасообщении часто отражена текущая культурная и/или социальная повестка в стране: национальный праздник или грядущее мероприятие, направленное на популяризацию здорового образа жизни в Китае. Такая омонимическая «игра слов» в рекламной кампании ярко преподносит событие в необычной и креативной манере.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей видов лексической омонимии, а также их характеристик в китайской медицинской и спортивной медиаарекламе.

Омонимии как лингвистическому явлению в китайском языке посвящены труды как отечественных ученых А.А. Хаматовой [Хаматова 2006], В.И. Горелова [Горелов 1984], А.Л. Семенас [Семенас 2005], так и китайских исследователей Сунь Жуцянь (孙汝建) [Тянь Чэньсю 2014, Сунь Жуцянь 2003] и Фу Хуайцин (付淮青) [Чжан Бо 2004, Фу Хуайцин 2004], которые под лексической омонимией понимают одинаковое звучание слогов, а именно абсолютное совпадение инициали, финали и тона слога. Многосложные слова, по их мнению, также должны соответствовать данным параметрам. Применительно к китайскому языку лексическая омонимия имеет трихотомическую видовую модель, включающую полные омонимы, омофоны и омографы. Лю Инкай 刘英凯 [Лю Инкай 1998], в свою очередь, придерживается более расширенной понятийной модели данного явления, дополняя вышесказанное определение омонимии таким параметром как схожие по звучанию слова (近音词). Такой подход к изучению лексической омонимии в китайской медиарекламе расширяет спектр исследуемого материала, привнося в традиционное понимание новые омонимичные лексические единицы, особенностями которых является как собственно-китайская замена слогов с частичным изменением внутреннего состава (инициали/финали/тона), так и англо-китайские и собственно английские вкрапления, отсылающие к теме смешения кодов в медиатексте.

Помимо основного определения омонимии, относящегося к универсальной лингвистической категории, также выдвигается и дру-

гая лингвистическая концепция, характеризующая омонимы с точки зрения их явного (显性修辞) и скрытого (隐性修辞) плана выражения [Хэ Синхуа 2017, Ван Сицзе 1995], где явное отражается в очевидных омонимичных признаках, а скрытое подвергается «маскировке» в контексте сообщения, требуя от адресата осмысления омонимичных компонентов текстового сообщения. Кроме того, оба варианта могут быть трансформированы друг в друга в процессе преобразования текста [Хэ Синхуа 2017, 146].

Вопросы функционирования омонимии в контексте современной медиарекламы становятся все более актуальными среди исследователей сферы медиалингвистики в связи с тем, что роль омонимии заключается в «придании медиатексту неоднозначной интерпретации» [Амири 2014, 13], создании эффекта игры слов, который демонстрирует экспрессивные возможности рекламного медиасообщения с точки зрения лексико-семантического уровня. Перечисленные возможности изучаемого лингвистического явления в полной мере отражаются на воздействующей функции медиарекламы.

При реализации воздействия на медиаадресата важными маркерами являются «интенсивность, образность, эмоциональность, эмотивность, экспрессивность, культурная специфичность, оценочность, институциональность, стереотипность, комичность, фоносемантическая, адгерентность / актуальность» [Желтухина 2003, 146]. Говоря о воздействии, стоит также отметить, что оно «может осуществляться при помощи определенных

слов и словосочетаний, которые способны вызывать не только эмоции, но и подсознательно восприниматься как какие-то образы» [Воронцова 2016, 83]. Так, в нашем исследовании в некоторой степени определяется целесообразность использования лексической омонимии в китайских спортивных и медицинских рекламных медиатекстах, которая для адресанта заключается в реализации возможности имплицитно манипулировать сознанием адресата.

В соответствии с поставленной целью в работе применялись следующие методы исследования: индуктивный метод (выявление частных случаев омонимии в рекламных медиасообщениях для установления общих признаков); дедуктивный метод (выявление единичных признаков лексической омонимии в рекламном медиатексте на основании общетеоретической базы исследования); дефиниционный анализ (уточнение определений ключевых понятий); лексико-семантический анализ (исследование омонимичных единиц и их значений в китайской спортивной и медицинской медиарекламе); контент-анализ (обобщение закономерностей функционирования омонимии в китайской спортивной и медицинской медиарекламе).

Изучение лексической омонимии в китайской медиарекламе опирается на базовые понятия и принципы данного лингвистического явления в китайском языке. В своей работе «Омонимия в современном китайском языке» Хаматова А.А. [Хаматова 2006] выделяет три типа омонимов в китайском языке.

1. Слова, совпадающие по звучанию (включая инициаль, финаль и тон) и написанию. В этом случае один и тот же иероглиф записывает одинаково звучащие слова. Их называют 同音同形词 *tóngyīn tóngxíngcí*. Приведем примеры данного явления в китайских спортивных и медицинских медиарекламах.

– “不管几点再快一点” (*Bùguǎn jǐ diǎn zài kuài yīdiǎn*). «Не важно, который час, просто будь быстрее». – Реклама кроссовок для бега [Линин].

В первой части слогана иероглиф 点 *diǎn* имеет значение «час, время», а во второй части 点 *diǎn* — «немного, чуть-чуть». В данном примере 点 *diǎn* является полным лексическим омонимом, так как совпадает по звучанию, написанию и тону.

– “当科技拉满的深圳碰撞科技硬核的李宁赶在深圳马拉松全速[狂飙]前一起先启加大马力体验[深]级跑上头!” (*Dāng kējì lā mǎn de shēnzhèn pèngzhuàng kējì yìng hé de lǐníng gǎn zài shēnzhèn mǎlāsōng quánsù [kuángbiāo] 速度很快 赛车的时候 qián yīqǐ xiān qǐ jiā dà mǎlì tǐyàn [shēn] jí pǎo shàngtóu!*) «Когда высокотехнологичный город Шэньчжэнь в городском марафоне сталкивается с крутым брендом Ли Нин, скорость бега становится более мощной, более высокой!» — Реклама спортивного события (Шэньчжэньский марафон), спонсируемого китайским брендом LI-NING (李宁 *Lǐníng*) [Линин].

В данном рекламном медиатексте в качестве омонима выступает иероглиф 深 *shēn*,

который в первом случае является частью топонима 深圳 Shēnzhèn — китайская провинция Шэньчжэнь, а во втором 深 shēn — «глубокий», «сильный», «мощный», относится к описанию ощущений во время бега.

2. Слова, совпадающие по звучанию, но не совпадающие по написанию (фонетические омонимы 同音异形词 tóngyīnyìxíngcí, или омофоны 等音词 děngyīncí). Примерами могут послужить следующие рекламные медиасообщения.

– “灭胃火，一步到胃” (Mièwèihuǒ, yībù dàowèi). «Погаси изжогу мгновенным попаданием (лекарства) в желудок». — Реклама лекарства для лечения заболеваний желудка [Реклама медикаментов в картинках].

Используемый в медиатексте иероглиф 胃 wèi — «желудок» является омофоном 位 wèi — «место», «позиция», «занимать», который представлен во фразеологическом обороте 一步到位 yībù dàowèi — «одним махом», «одним ударом», «молниеносно». При помощи такой языковой игры адресат может интерпретировать данный рекламный текст следующим образом: «прими лекарство и сразу избавишься от мучительной изжоги».

– “快治人口” (Kuàizhì rénkǒu). «Быстрое лечение населения» — Реклама стоматологической клиники [Там же].

Представленный медиаслоган имеет в составе омофон 快治 (kuàizhì) — «быстро лечить», который заменяет слово 脍炙 (kuàizhì) — «быть по вкусу» во фразеологическом обороте 脍炙人口 kuàizhì rénkǒu — «быть по вкусу всем»,

«пользоваться широкой популярностью среди людей».

– “男言之隐” (Nán yán zhī yǐn). «Тайна мужчин». — Реклама клиники, специализирующейся на лечении мужских венерических заболеваний [Там же].

В данной рекламе иероглиф 男 nán — «мужчина» выступает омофоном слову 难 nán — «трудный» во фразеологизме 难言之隐 nán yán zhī yǐn — «камень на душе», «щекотливые темы».

– “有痣之士” (Yǒu zhì zhī shì). «Ученый с родинкой». — Реклама косметического центра по удалению родинок [Там же].

В рекламном слогане 有痣之士 компонент 痣 zhì — «родимое пятно» омофоничен слову 志 zhì — «желание», «воля» в китайском фразеологизме 有志之士 yǒu zhì zhī shì — «сведущий человек», «дальновидные деятели», «проницательные ученые».

– “有痔不在年高” (Yǒu zhì bù zài nián gāo). «Геморрой не зависит от возраста». — Реклама лекарственного препарата от геморроя [Там же].

В данном рекламном медиатексте за основу взят китайский фразеологизм 有志不在年高 yǒu zhì bù zài nián gāo — «стремлению возраст не помеха». В качестве омофона слову 志 zhì — «стремление», «желание» выступает иероглиф 痔 zhì — «геморрой».

– “以爱之名，[练] 爱不停” (Yǐ ài zhī míng, [liàn] ài bù tíng). «Во имя любви, [тренируйся] люби без остановки». —

Рекламная акция специальной праздничной упаковки ко Дню влюбленных спортивной фирмы Yvette [Иветт].

Ввиду наступления праздника Дня влюбленных七夕节 (qīxījié) в Китае, спортивные бренды проводят специальные рекламные акции, связанные с праздником. В данном примере это отражено не только в общем смысле медиасообщения, но и в замененном компоненте 练 liàn — «тренироваться» при изначально подходящем по контексту 恋 liàn — «быть влюбленным», «быть привязанным», образующий с последующим иероглифом слово 恋爱 liàn ài — «любовь», «влюбленность».

3. Слова, имеющие одинаковое написание, но разное звучание (омографы) — 同形异音词 tóngxíng yìyīn cí. В китайском языке явление омографии связано с несоответствием количества существующих иероглифов и количеством явлений, происходящих в мире. К такому виду относятся следующие пары слов: 还 hái — «еще», «все еще» и 还 huán — «возвращать»; 系 xì — «отделение», «факультет» и 系 jì — «затягивать», «завязывать»; 长 cháng — «длинный» и 长 zhǎng — «расти», «увеличиваться» и др.

В рамках исследуемого материала текстов китайской спортивной и медицинской медиарекламы явление омографии не было выявлено. Одними из особенностей рекламного медиатекста является звучность слогана, набор рифмующихся строк, способствующих легкому восприятию и быстрому запоминанию, что не является характерным для омографов по определению. В связи с этим, на наш взгляд, применение лексических омографов при создании

рекламного медиатекста не представляется эффективным.

Представленная выше традиционная классификация видов лексической омонимии в текстах китайской медицинской и спортивной медиарекламы не является исчерпывающей: изучение рекламных слоганов и заголовков позволило выявить и другую категорию слов — **схожие по звучанию слова** (近音词 jìn yīn cí), внутренний состав которых может быть частично изменен (инициаль, финаль или тон), однако не позволяющих нам отнести данный тип омонимов к виду омофонов по определению.

Схожие по звучанию слова также нередко отражены в текстах со смешением кодов, что подразумевает «привнесение различных языковых элементов (языковых единиц, слов, фраз) одного языка в другой в рамках одного речевого акта» [Кожемякина 2016, 151]. Лю Инкай (刘英凯) полагает, что такого рода 近音词 также по праву входят в общую категорию омонимов, т.к. при смешении двух языковых (буквенной и иероглифической) структур в одном сообщении, происходит проекция одной звуковой оболочки на другую, которая при этом не является абсолютно идентичной в фонологической системе каждого из языков [Лю Инкай, Ван Тинтин 2006].

Анализ практического материала показал, что в отношении функционирования омонимов к китайской медиарекламе, мы можем составить следующую классификацию, подробно раскрывающую схожие по звучанию слова как вид лексической омонимии в китайском языке:

1. Собственно китайское омонимическое вкрапление:

- a. слова или слоги, буквенное (инициаль и финаль) обозначение которых является идентичным, однако присутствует тоновое различие;
- b. слова, слоговая структура которых имеет некоторые звукопроизносительные отличия, а именно замена инициали или финали в составе слога.

2. Собственно английское омонимическое вкрапление.

3. Англо-китайское омонимическое вкрапление.

Как было упомянуто ранее, все лингвистические процессы внутри рекламного текста, включая замену слогов омонимичным компонентом, отражают экстралингвистические факторы, повлиявшие на создание конечного медиасообщения. Так, с наступлением китайского Нового года, который ознаменовался знаком кролика (兔 *tù*), многие рекламные медиатексты были насыщены явлением замены схожих по звучанию с символом года слов. Рассмотрим некоторые примеры, относящиеся к виду *собственно китайского* омонимического вкрапления с тоновым различием при идентичном буквенном составе в китайских рекламных текстах:

- “好运爆棚! ‘兔’然暴富!” (*Hǎo yùn bàoréng! ‘Tù’ rán bào fù*). «Аншлаг удачи! Внезапное богатство!» — Предновогодняя реклама спортивной одежды фирмы PEAK (匹克 *pǐkè*) [Пик].

- “‘兔’然好运, 给最独特的你!” (*‘Tù’ rán hǎo yùn, gěi zuì dútè de nǐ!*). «Внезапная удача, для особенного тебя!» — Предновогодняя рекламная кампания спортивных товаров по акции фирмы PEAK (匹克 *pǐkè*) [Пик].

В данных примерах используется слово “兔” *tù* — «кролик» в качестве схожего по звучанию с иероглифом “突” *tū* — «неожиданно», который является компонентом слова 突然 *tūrán* — «внезапный», однако имеющего с ним разное тоновое обозначение.

- “感恩教师节, 远离慢性咽喉炎为爱发声, 咳不容缓” (*Gǎn'ēn jiàoshī jié, yuǎnlí màn xìng yānhóu yán wèi ài fāshēng, hāi bùróng huǎn*). «Сердечно благодарим преподавателей и поздравляем их с Днем учителя. Держитесь вдали от хронического фаринголарингита, берегите свой голос. Кашель не терпит отлагательства». — Реклама лекарства от заболеваний горла [Реклама медикаментов в картинках].

Иероглиф 咳 *ké* — «кашлять» в данном рекламном медиатексте заменил иероглиф 刻 *kè* — «промежуток времени», который зафиксирован во фразеологическом обороте 刻不容缓 *kè bù róng huǎn* — «не допускать ни минуты промедления», «незамедлительный», «экстренный», «безотлагательно».

- “大石化小、小石化了” (*Dà shí huà xiǎo, xiǎo shí huà liǎo*) большие камни превращаются в маленькие, а маленькие — исчезают). — Реклама лекарства от камней в почках [Там же].

Иероглиф 石 *shí* – «камень» заменен на иероглиф 事 *shì* – «дело». Используемый в рекламе медиатекст 大石化小, 小石化了 является омонимичным китайскому фразеологизму 大事化小, 小事化了 *dà shì huà xiǎo, xiǎo shì huà liǎo* – «превращать большие проблемы в маленькие, маленькие – в ничто».

В следующих примерах отражен второй подвид собственно китайского омонимического вкрапления, а именно замена схожей по звучанию инициали или финали в составе слога:

- “强肾不衰” (*Qiáng shèn bù shuāi*). «Сильные, здоровые почки». – Реклама справочника по вопросам заболевания почек [Там же].

Под данную категорию подходит компонент 肾 *shèn* – «почка», который заменил слог с заднеязычной финалью 盛 *shèng* – «полный», «роскошный» во фразеологизме 长盛不衰 *chángshèng bùshuāi* – «долго процветать и не слабеть», «процветать», «долго быть полным сил».

При использовании собственно английского омонимического вкрапления в китайский рекламный текст, может проявляться явление схожих, но не абсолютно одинаковых по звучанию и написанию англоязычных слов:

- “别出芯裁的冬季穿搭, 快来 **Pick** 的那一款” (*Bié chū xīn cái de dōngjì chuān dā, kuài lái Pick nǐ de nà yī kuǎn*). «Не нужно выкраивать новый зимний аутфит, скорее выбирай свой». – Реклама зимней спортивной одежды фирмы РЕАК (匹克 *pǐkè*) [Пик].

Использованное английское слово “pick” – «выбирать» заменяет китайское слово 选 *xiǎn* с тем же значением и передает фонетически схожее звучание с названием рекламируемой фирмы Peak, однако различающееся по буквенному составу. Таким образом, рекламодатель делает «акцент» на бренде, используя данную «игру букв» и значений, в очередной раз упоминая название бренда в медиатексте.

Анализ материала показал, что *англо-китайское* омонимическое вкрапление, а именно подбор английских слов, схожих по своей звуковой оболочке со звуками китайского языка, является достаточно частотным приемом в текстах китайской спортивной и медицинской медиарекламы. Как было отмечено ранее, ввиду наступления китайского Нового года под знаком кролика (兔 *tù*), рекламные тексты отличались многообразием использования данного звука в контексте продвижения рекламируемого товара, что было отмечено в нескольких рекламных кампаниях различных спортивных брендов:

- “Nice 兔 meet you | 越山向野的画兔之旅” (*Nice tù meet you | yuèshān xiàngyě de huà tù zhī lǚ*). «Рад тебя видеть | отправимся «кроликами» по горам и хребтам для воссоединения с природой» – Реклама спортивного мероприятия для женщин фирмы Yvette (慧凡特 *yuì fán tè*) [Иветт].

В первой фразе иероглиф 兔 *tù* – «кролик» заменяет схожий по звучанию в английском языке предлог “to”. Такой прием не только передает звуковую игру слогов, но и обозначает направленность спортивного

мероприятия, которое проходит в честь наступления года кролика по китайскому лунному календарю.

Схожий с вышеупомянутым прием был использован в рекламных кампаниях спортивных фирм PEAK (匹克pǐkè) и Erke (鸿星尔克 hóngxīng'ěrkè):

- “满满当当的年货，就“兔”你开心” (Mǎnmǎndāngdāng de niánhuò, jiù “tù” nǐ kāixīn). «Новый год, полный подарков, порадует тебя». — Рекламная кампания с товарами по акции фирмы PEAK [Пик].
- “[1条新年提醒] 今年你一定兔必No.1” ([1 Tiáo xīnnián tíxǐng] jīnnián nǐ yīdìng tù bì No.1). «[Первое новогоднее напоминание] в этом году ты точно будешь «номер 1». — Рекламная акция со скидками на товары бренда Erke [Эрке].

Оба примера транслируют использование иероглифа 兔 tù — «кролик» в качестве английского предлога “to”, однако в последнем примере также появляется новый компонент с англо-китайский омонимичным вкраплением — 必 bì, что по звучанию соответствует английскому глаголу “be”, в комплексе образуя фразу “to be No.1” — «быть номером один».

Высокая частотность применения лексической омонимии в китайских рекламных медиатекстах обусловлена не только особенностями фонетического строя китайского языка, но и потребностью общества к новым презентативным возможностям современной рекламы, что в результате непрерывно расширяет лингвистический инструментарий и обогащает вер-

бальные способы выражения в рекламных медиатекстах.

Так, традиционная классификация лексических омонимов в китайском языке в виде разделения на полные омонимы, омофоны и омографы дополняется таким видом как схожие по звучанию слова, которые, в свою очередь, делятся на собственно китайские, собственно английские и англо-китайские омонимические вкрапления, нередко функционирующих в спортивных и медицинских китайских рекламных медиатекстах. Отмечается, что все подвиды схожих по звучанию слов, хотя и имеют некоторые звуковые отличия от заменяемой лексической единицы, но все же трактуются как часть такого языкового явления как лексическая омонимия ввиду стремления к звуковой идентичности при целостном звучании фразы. Так, при создании рекламного медиасообщения, адресант может использовать англоязычное слово для отсылки к схожему по звуковой оболочке китайскому слогу для акцентирования ключевого компонента или темы сообщения, что представляет собой подвид *англо-китайского вкрапления* в медиатекст. *Собственно китайское* омонимическое вкрапление отражено в замене одной из составляющих китайского слога: инициали, финали, тона. Такое вкрапление в фонетическом аспекте не является абсолютно схожим с заменяемым слогом, и, как следствие, содержит в себе другое значение и графическую оболочку (иероглиф), к которой обращается адресант для создания эффекта «омонимической игры». Замена *англоязычных* компонентов внутри китайского рекламного медиатекста представляет собой

классическую модель англоязычных омофонов в контексте китайской спортивной и медицинской медиарекламы.

Примечательно, что в исследуемом материале отсутствует такая категория омонимов как омографы, что предположительно связано с семантической и фонетической составляющей конечного медиасообщения. С точки зрения семантики, замена слога на омографический компонент лишь на первый взгляд может казаться «игрой слов» в медиатексте, однако, ввиду прямой зависимости чтения многозвучного иероглифа от заданного контекста, включение омографа в текст создает скорее противоположный желаемому эффект от медиарекламы — вводит адресата в заблуждение на предмет корректного понимания медиасообщения.

Фонетическая причина отсутствия омографов в исследуемом материале заключается в таких характерных чертах, присущих рекламному медиасообщению, как звучность и рифмующиеся между собой омонимичные компоненты, что по определению является характеристиками полных омонимов и омофонов.

Особенностью функционирования лексических омонимов в китайской спортивной и медицинской медиарекламе, с точки зрения выбора слога для последующей замены, было отмечено выделение ключевого по смыслу компонента, отражающего актуальное событие в стране или городе (праздник, спортивное мероприятие). Кроме того, продуктивной областью использования лексической омонимии при создании рекламного медиасообщения была также отмечена замена омонимических слогов во фразеологических оборотах. Выявление,

систематизация и подсчет частотности омонимичных компонентов в данной области может в дальнейшем стать перспективным направлением исследования лексической омонимии в современном китайском медиадискурсе.

Список литературы

1. Желтухина, М. Р. О некоторых особенностях воздействия современной медиарекламы / М. Р. Желтухина, О. Д. Шмелева. – Текст : непосредственный // *Современная филология : материалы III Междунар. науч. конф.* (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Т. 0. – Уфа: Лето, 2014. – С. 134-137. <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5829/> (дата обращения: 29.05.2023)
2. Семенов А. Л. *Лексика китайского языка: Учебное пособие.* Москва: АСТ: Восток-Запад, 2005.
3. Горелов В. И. *Лексикология китайского языка: Учебное пособие для студентов пед. институтов по спец. №2103 «Иностр. яз.».* Москва: Просвещение, 1984.
4. Амири Л.П. *Игровая природа лексико-семантической омонимии или семантический каламбур в современной рекламной коммуникации.* 2014; С. 13-18. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28054/1/iurp-2014-132-02.pdf> (дата обращения: 29.05.2023)
5. Хаматова А. А. *Омонимия в современном китайском языке: Учебное пособие.* Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006.
6. Тянь Чэньсю. (田晨旭) Исследование

- омонимов и стилистических функций в китайской и английской рекламе. (英汉广告同音词及其语用修辞功能研究) 2014. С. 54-58. https://wenku.baidu.com/view/ec8a8124d1f34693daef3ef7?fr=xueshu_top&wkts_=1680608615096 (дата обращения: 29.05.2023) (на кит.яз.)
7. Сунь Жуцзянь. (孙汝建) Современный китайский язык. (现代汉语) 2003. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=50d5e9384d1a071cc8aa3f76e24d7f75&site=xueshu_se (дата обращения: 29.05.2023) (на кит.яз.)
 8. Чжан Бо. (张博) Принципы и способы различия современных китайских омонимов и полисемов. (现代汉语同行同音词与多义词的区别原则和方法) 2004. С. 36-45 https://wenku.baidu.com/view/1b2acf19227916888486d7f1.html?fr=xueshu_top&wkts_=1683114448590 (дата обращения: 29.05.2023) (на кит.яз.)
 9. Фу Хуайцин. (付淮青) Современная китайская лексика. (现代汉语词汇) *Издательство Пекинского университета* (北京大学出版社), 2004 (на кит.яз.)
 10. Лю Инкай. (刘英凯) Стилистика звуков китайского и английского языков. (英汉语音修辞) 1998 https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=55f100ec082e528ae88c801789b39eb4&site=xueshu_se (дата обращения: 07.05.2023) (на кит.яз.)
 11. Хэ Синхуа. (何兴华) Краткий анализ стилистических эффектов китайских слов в английской и китайской рекламе — с точки зрения скрытой и явной стилизации. (英汉广告语中国音词的修辞效果浅析——从显性和隐性修辞的角度) 2017 https://wenku.baidu.com/view/bbb2a26f591b6bd97f192279168884868762b8ee?fr=xueshu_top&wkts_=1681898370509 (дата обращения: 07.05.2023) (на кит.яз.)
 12. Ван Сицзе. (王希杰) Коротко о фундаментальных понятиях стилистики (略论修辞学的基本概念) 1995 <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=4001285077> (дата обращения: 03.05.2023) (на кит.яз.)
 13. Желтухина М. Р. *Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Волгоград: ВФ МУПК, 2003. С. 145-158 https://elibrary.ru/download/elibrary_15519658_83561379.pdf (дата обращения: 05.05.2023)
 14. Воронцова Ю.А. *Язык рекламных текстов*. Инновационная наука. 2016; С. 81-84 <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-reklamnyh-tekstov/viewer> (дата обращения: 05.06.2023)
 15. Линин / Каждый жесток. (李宁 | 各个是狠人) <https://mp.weixin.qq.com/s/HCwVLKXXFz-HLERAnfaHVw> (дата обращения: 28.04.2023) (на кит.яз.)
 16. Линин / Дает более высокий уровень. (李

- 宁 | 给你「深」级上头) <https://mp.weixin.qq.com/s/6YI81RfubgGNNBWgqTXTlg> (дата обращения: 28.04.2023) (на кит.яз.)
17. Реклама медикаментов в картинках. (药品广告图片) <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ps=1&ct=201326592&lm=-1&cl=2&nc=1&ie=utf-8&dyTabStr=MCwzLDEsNiw0LDUsNyw4LDIsOQ%3D%3D&word=药品广告图片> (дата обращения 08.05.2023) (на кит.яз.)
18. Иветт / Во имя любви, люби без остановки. (慧凡特 Yvette|以爱之名, 「练」爱不停) <https://mp.weixin.qq.com/s/tyHUC-ра3tDnHPMvftFхаА> (дата обращения: 05.05.2023) (на кит.яз.)
19. Кожемякина В.А. *Переключение и смешение кодов в сети Интернет. Россия – Китай: История и культура. 2016;* https://dSPACE.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/108924/rchhc2016_150_156.pdf С. 150-156 (дата обращения: 06.05.2023)
20. Лю Инкай, Ван Тинтин. (刘英凯, 王婷婷) Маркированность и стилистические особенности передачи эмоций и перенесенных эпитетов в стилистических средствах. (移情类移就修辞格的标记性特征及其修辞特色) 2006. С. 124-128. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=8f7b866276826b1514e2a30cd77fd439&site=xueshu_se (дата обращения: 08.05.2023) (на кит.яз.)
21. Пик / Воссоединение – это благословение, давай попробуем счастья вместе! (匹克|团聚是福, 一起来试试手气呀!) <https://mp.weixin.qq.com/s/ppHKZST7qG1JIOr2XgK2XQ> (дата обращения: 24.04.2023) (на кит.яз.)
22. Пик / Внезапная удача, для самого особенного тебя! (匹克|“兔”然好运, 给最独特的你!) <https://mp.weixin.qq.com/s/maTpAGXoEDOhtPe2ncDTng> (дата обращения: 29.04.2023) (на кит.яз.)
23. Пик / Не нужно выкраивать новый зимний аутфит, скорее выбирай свой. (匹克|别出芯裁的冬季穿搭, 快来Pick你的那一款) https://mp.weixin.qq.com/s/z_m27o5o2-EeHzjarjaGRw (дата обращения: 24.04.2023) (на кит.яз.)
24. Иветт / Рад тебя видеть | отправимся «кроликами» по горам и хребтам для воссоединения с природой. (慧凡特 Yvette|Nice 兔 meet you |越山向野的画兔之旅) <https://mp.weixin.qq.com/s/3-6LizYPYayZS5pJe8dEhQ> (дата обращения: 05.05.2023) (на кит.яз.)
25. Пик / Новый год, полный подарков, порадует тебя. (匹克|满满当当的年货, 就兔你开心) <https://mp.weixin.qq.com/s/CoPQWt4vrRxZfjSGeV3HzQ> (дата обращения: 29.04.2023) (на кит.яз.)
26. Эрке / [Первое новогоднее напоминание] в этом году ты точно будешь «номер 1». (鸿星尔克 ERKE|[1条新年提醒]今年你一定兔必No.1) <https://mp.weixin.qq.com/s/OALZc75JGiazvneLY9JiqQ> (дата обращения: 06.05.2023) (на кит.яз.)

References

1. Zheltukhina, M. R. *On some features of the impact of modern media advertising* / M. R. Zheltukhina, O. D. Shmeleva. – Text: direct // Modern philology: materials of the III Intern. scientific conf. (Ufa, June 2014). – Т. 0. – Ufa: Summer, 2014. – S. 134-137. <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5829> (accessed: 29.05.2023) (In Russ.)
2. Semenas A. L. *Lexis of the Chinese language: Textbook*. Moscow: AST: Vostok-Zapad; 2005. (In Russ.)
3. Gorelov V. I. *Lexicology of the Chinese language: Textbook for students ped. institutes on special No. 2103 "Foreign lang."* Moscow: Prosveshenie; 1984. (In Russ.)
4. Amiri L.P. *Playful nature of lexical-semantic homonymy or semantic pun in modern advertising communication*. 2014. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28054/1/iurp-2014-132-02.pdf>. (accessed: 29.05.2023) (In Russ.)
5. Khamatova A. A. *Homonymy in modern Chinese: Textbook*. Moscow: AST: Vostok-Zapad; 2006. (In Russ.)
6. Tian Chenxu. *Study of homonyms and stylistic functions in Chinese and English advertising*. 2014. pp. 54-58 https://wenku.baidu.com/view/ec8a8124d1f34693daef3ef7?fr=xueshu_top&wkts_=1680608615096 (accessed: 29.05.2023) (in Chin.)
7. Sun Rujian. *Modern Chinese*. 2003. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?pa-perid=50d5e9384d1a071cc8aa3f76e24d7f75&site=xueshu_se (accessed: 29.05.2023) (in Chin.)
8. Zhang Bo. *Principles and ways of distinguishing modern Chinese homonyms and polysemes*. 2004. pp. 36-45. https://wenku.baidu.com/view/1b2acf19227916888486d7f1.html?fr=xueshu_top&wkts_=1683114448590 (accessed: 29.05.2023) (in Chin.)
9. Fu Huaiqing. *Modern Chinese vocabulary*. Peking University Press, 2004. (in Chin.)
10. Liu Yingkai. *Stylistics of Chinese and English sounds*. 1998 https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?pa-perid=55f100ec082e528ae88c801789b39eb4&site=xueshu_se (accessed: 07.05.2023) (in Chin.)
11. He Xinghua. *A brief analysis of the stylistic effects of Chinese words in English and Chinese advertising – from the point of view of covert and overt stylization*. 2017 https://wenku.baidu.com/view/bbb2a26f591b6bd97f192279168884868762b8ee?fr=xueshu_top&wkts_=1681898370509 (accessed: 07.05.2023) (in Chin.)
12. Wang Xijie. *Briefly about the fundamental concepts of stylistics*. 1995 <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=4001285077> (accessed: 03.05.2023) (in Chin.)

13. Zheltukhina M. R. *Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problem of the speech impact of tropes in the language of the media*. Volgograd: VF MUPC; 2003. pp. 145-158 https://elibrary.ru/download/elibrary_15519658_83561379.pdf (accessed: 05.05.2023) (In Russ.)
14. Vorontsova Yu. A. *Language of advertising texts*. Innovative science. 2016; pp. 81-84 <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-reklamnyh-tekstov/viewer> (accessed: 05.06.2023) (In Russ.)
15. Linin / Everyone is cruel. <https://mp.weixin.qq.com/s/HCwVLKXXFz-HLERAnfaHVw> (accessed: 28.04.2023) (in Chin.)
16. Linin / Gives a higher level. <https://mp.weixin.qq.com/s/6YI81RfubgGNNBWgqTXTIlg> (accessed: 28.04.2023) (in Chin.)
17. Advertising of medicines in pictures. <https://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ps=1&ct=201326592&lm=-1&cl=2&nc=1&ie=utf-8&dyTabStr=MCwzLDEsNiwOLDUsNyw4LDIsOQ%3D%3D&word=药品广告图片> (accessed: 08.05.2023)
18. Yvette / In the name of love, "practice" love without stopping. <https://mp.weixin.qq.com/s/tyHUC-pa3tDnHPMvftFxaA> (accessed: 05.05.2023) (in Chin.)
19. Kozhemyakina V.A. *Switching and mixing codes on the Internet*. Russia – China: History and Culture. 2016; https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/108924/rchhc2016_150_156.pdf. (accessed 06.05.2023) (In Russ.)
20. Liu Inkai, Wang Jingjing. *Markedness and stylistic features of conveying emotions and transferred epithets in stylistic means*. 2006. pp. 124-128. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=8f7b866276826b1514e2a30cd77fd439&site=xueshu_se (accessed: 08.05.2023) (in Chin.)
21. Peak / Reunion is a blessing, let's try our luck together! <https://mp.weixin.qq.com/s/ppHKZST7qG1JIOr2XgK2XQ> (accessed: 24.04.2023) (in Chin.)
22. Peak / Sudden luck, for the most special of you! <https://mp.weixin.qq.com/s/maTpAGXoEDOhtPe2ncDTng> (accessed: 29.04.2023) (in Chin.)
23. Peak / You don't need to design a new winter outfit, rather choose your own https://mp.weixin.qq.com/s/z_m27o5o2-EeHzarjaGRw (accessed: 24.04.2023) (in Chin.)
24. Yvette / Glad to see you let's go "rabbits" along the mountains and ridges to reconnect with nature <https://mp.weixin.qq.com/s/3-6LizYPYayZS5pJe8dEhQ> (accessed: 05.05.2023) (in Chin.)
25. Peak / New Year, full of gifts, will make you

happy <https://mp.weixin.qq.com/s/CoPQWt4vrRxZfJSGeV3HzQ> (accessed: 29.04.2023) (in Chin.)

26. Erke / [First Christmas reminder] this year you will definitely be "number 1" <https://mp.weixin.qq.com/s/OALZc75JGiazvneLY9JiqQ> (accessed: 06.05.2023) (in Chin.)

Сведения об авторах

Кравцова Анна Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Волгоград, пр-т Ленина 27.
kraft-anna@yandex.ru

Шмелева Ольга Дмитриевна,

кандидат филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет.
Россия, г. Волгоград, пр-т Ленина 27.
super-vashka@mail.ru

Information about the authors

Anna V. Kravtsova,

candidate of philological sciences, associate professor.
Volgograd State Social and Pedagogical University.
Russia, Volgograd, Lenin Ave. 27.
kraft-anna@yandex.ru

Olga D. Shmeleva,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Volgograd State Social and Pedagogical University.
Russia, Volgograd, Lenin Ave. 27.
super-vashka@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Zhou Enlai, USSR and Comintern (1920-1940's)

Чжоу Эньлай, СССР и Коминтерн (20-40-е годы XX в.)

Верченко А.Л.

*Центр новейшей истории Китая и его
отношений с Россией,
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук, Москва, Россия
veailan@yahoo.com
https://orcid.org/_0000-0002-8718-8338*

Alla L. Verchenko

*Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
veailan@yahoo.com
https://orcid.org/_0000-0002-8718-8338*

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-77-89](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-77-89)

АННОТАЦИЯ

Личность Чжоу Эньлая хорошо известна советским/российским исследователям, однако большинство работ освещает деятельность Чжоу Эньлая на советском направлении на посту министра иностранных дел и премьера Госсовета после образования КНР. В данной статье анализируются как содержание, так и значение менее известных страниц его биографии по линии Коминтерна во время пребывания в Москве в 1928, 1930 и 1939-1940 гг. Будучи высокопоставленным представителем КПК, кандидатом, а позже и членом Исполкома Коминтерна, он видел свою задачу в прояснении и координации позиции Коминтерна в отношении КПК, китайской революции и антияпонской войны. С другой стороны, в переломные

ABSTRACT

Zhou Enlai's personality is well known to the Soviet/Russian scholars, but most of the works cover Zhou Enlai's activities on the Soviet direction as Minister of Foreign Affairs and Premier of the State Council after the formation of the People's Republic of China. This article analyzes the content and meaning of less known pages of his biography in the Comintern during his stays in Moscow in 1928, 1930 and 1939-1940s. As a senior CCP member, candidate and later as a member of the Executive Committee of the Comintern he saw his task in clarifying and harmonizing the Comintern's position on the CCP, the Chinese Revolution, and the anti-Japanese War. On the other hand, at the crucial historical moments he conveyed to the Comintern the latest and most reliable information

исторические моменты он доносил до руководства Коминтерна самую свежую и достоверную информацию о Китае: о состоянии КПК, партийном и военном строительстве, во время антияпонской войны — о положении на фронтах, позиции гоминьдановского правительства, межпартийных отношениях и состоянии единого фронта.

Исследование показывает, какую важную роль Чжоу Эньлай с его в высшей степени профессиональным и деловым подходом играл в согласовании действий КПК с СССР и Коминтерном.

Статья написана на основе российских архивных материалов, часть из которых введена в научный оборот впервые, с привлечением исследований китайских авторов, которые ранее не были известны российскому китаеведению.

Ключевые слова: Чжоу Эньлай, СССР, Коминтерн, КПК

Для цитирования: Верченко А.Л. Чжоу Эньлай, СССР и Коминтерн (20-40-е годы XX в.). *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (2). С. 103-117 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-77-89>

Введение. Личность Чжоу Эньлай¹ хорошо известна в СССР и новой России, его биографию исследовали многие отечественные ученые. В советский период о нем писали и изучали его деятельность и роль в советско-китайских отношениях известные китаисты: С.Л. Тихвинский [Тихвинский], Ю.М. Галенович [Галенович],

about China: the state of the CCP, party and military construction; during the anti-Japanese war — it was the situation on the fronts, the position of the Kuomintang government, relations between CCP and Kuomintang, a situation on the united front.

The study shows that Zhou Enlai's highly professional and businesslike approach played an important role in coordinating actions and political line between the CCP and the Comintern.

The article is written on the basis of Russian archival materials, some of which were introduced into scientific circulation for the first time, and with the involvement of Chinese researches which had not been known to Russian scholars before.

Keywords: Zhou Enlai, USSR, Comintern, CCP

For citation: Alla L. Verchenko. Zhou Enlai, USSR and Comintern (1920-1940s). *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№2). P. 103-117 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-77-89>

А.А. Волохова [Волохова], А.М. Ледовский [Ледовский], Ф.М. Бурлацкий [Бурлацкий], В.Н. Усов. Роль Чжоу Эньлая в советско-китайском сотрудничестве в период восстановления экономики КНР освещена в монографии «Участие СССР в реконструкции и строительстве “156 производственных объектов” в КНР в 1950-е

¹Чжоу Эньлай (周恩来) – годы жизни: 5 марта 1898 г. – 8 января 1976 г.

годы». Его биография приводится в VII, VIII и IX томах самой полной в нашей стране истории Китая — «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» и многих других исследованиях. Оценки внешнеполитической деятельности Чжоу Эньлая на советском направлении даны, например, в статьях В.Я. Портякова [Портяков], С.Н. Погодина и Ли Цзичэна [Погодин] и др. На русском языке изданы книги китайских авторов, которые освещают биографию Чжоу Эньлая: «Мой дядя Чжоу Эньлай» [Чжоу Биндэ], «Чжоу Эньлай, мой седьмой папа» [Чжоу Эрлю]. В большинстве отечественных работ анализируется деятельность Чжоу Эньлая как премьера Госсовета и министра иностранных дел КНР в области внешней политики, советско-китайских дипломатических и экономических отношений после образования КНР. Гораздо меньше внимания уделяется контактам Чжоу Эньлая с СССР до 1949 г.

Юбилейный год, отмеченный 125-й годовщиной со дня рождения Чжоу Эньлая, дает повод для обращения вновь к личности Чжоу Эньлая и освещению мало известных фактов из его ранней деятельности на советском направлении и по линии Коминтерна. Она была очень важна, как для нашей страны, так и для Китая. Чжоу Эньлай выполнял важнейшие поручения КПК, имевшие отношение к выработке политической линии и основных задач КПК, а также к формированию отношений китайской компартии с Коминтерном и его рекомендаций КПК.

Делегат VI съезда КПК

В первый раз Чжоу Эньлай в сопровождении супруги Дэн Инчао, тоже революционерки и члена КПК, приехал в СССР 16 мая 1928 г. По решению партии Чжоу Эньлай² и Цюй Цюбо (瞿秋白) должны были обеспечить организационную подготовку проведения в Москве VI съезда КПК (18 июня – 11 июля 1928 г.) и принять участие в VI конгрессе Коминтерна (17 июля – 1 сентября 1928 г.)³.

После переворота Чан Кайши 12 апреля 1927 г. и гонений на коммунистов созвать съезд КПК в Китае не представлялось возможным, и было принято решение провести его в пригороде Москвы. Делегаты нелегально переправлялись в СССР. Чжоу Эньлай выезжал из Шанхая на японском торговом судне под видом антиквара по имени Ван. Соответствующая одежда, внешний вид интеллигента, речь образованного человека позволили ему обмануть полицейских, которые в Даляне учинили допрос с пристрастием по поводу целей поездки. Под перекрестным допросом они пытались добиться от Чжоу Эньлая признания, что его имя в действительности Чжоу Эньлай, но не смогли. Его чуть не подвело отсутствие визитной карточки, которая была непременным атрибутом каждого коммерсанта, и отличная от дяди по имени Чжоу фамилия Ван (по легенде он ехал в Чанчунь навестить дядю). Далее путь лежал через Харбин, где в магазине одежды была устроена конспиративная квартира для делегатов, а потом в СССР.

² На V съезде КПК (1927) Чжоу Эньлай был избран членом ЦК КПК. 12 июля 1927 г. введен в состав временного Политбюро ЦК КПК.

³ На VI Конгрессе Коминтерна Чжоу Эньлай был избран кандидатом в члены Исполкома Коминтерна.

Съезд КПК должен был обобщить опыт и уроки поражения «великой революции», как называют ее в Китае, а также обсудить особенности работы партии на современном этапе, сформулировать четкую политику партии в новых условиях [У Юэнун, с. 43]. До начала съезда, 9 июня, Чжоу Эньлай, Цюй Цюбо, Сян Чжунфа (向忠发), Ли Лисань (李立三), Су Чжаочжэн (苏兆征) и другие руководители КПК были приняты И.В. Сталиным. Чжоу Эньлай считал правильными высказанные Сталиным предложения о необходимости укреплять партию, повышать сознательность ее членов, пополнять ряды, как рабочими, так и крестьянами, в то же время бороться за качество партии, а не за численность. Большое внимание Сталин уделил вопросу создания армии, указав, что «без вооруженных сил не обойтись» и подчеркнул: «на данном этапе самое главное — вербовка стойких борцов для создания массовой Красной армии» [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 994. Л. 6,8]. Как позже писал Чжоу Эньлай, участие Сталина определило правильное направление, «дало съезду возможность правильно решить стоявшие тогда перед партией проблемы и явилось основой политической линии китайской коммунистической партии в течение 12 лет» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139. Ч. 2. Л. 212].

В рамках подготовки к съезду Чжоу Эньлай и другие китайские руководители, в том числе Цюй Цюбо, Су Чжаочжэн, Цай Хэсэнь (蔡和森), Ли Лисань, Сян Ин (项英), всего 21 человек, 14 и 15 июня встречались с Бухариным, обсуждали ход работы съезда и документы. Днем 17 июня, накануне открытия съезда, Чжоу Эньлай председательствовал на собрании

секретарей провинциальных партийных организаций, где обсуждалась процедура проведения съезда, списки выступающих и руководящих органов, др. организационные вопросы. Выступая по Уставу КПК, Чжоу Эньлай, принимавший участие в его разработке, объяснил, что из-за недостатка времени редакция Устава не была завершена, поэтому его обсуждение продолжилось на съезде. В итоге он был принят общим голосованием. Дэн Инчао также выступила на съезде, поддержала важность работы партии в массах и задачу завоевания масс, а также строительства армии.

Чжоу Эньлай был одной из ключевых фигур съезда, вел всю повседневную работу. Он входил в состав 8 комиссий: мандатной, политической, организационной, аграрной, военной, молодежной, финансовой, по вопросам советов, был избран в состав президиума съезда, а также руководителем секретариата съезда, членом мандатной комиссии. На съезде выступал с докладами по организационному и военному вопросам. Говоря о природе китайской революции в выступлении 27 июня, он положительно отзывался о мнении Коминтерна об исключении применения понятия «перманентной революции» к китайской революции, однако отметил при этом неравномерное развитие революционных процессов в разных частях страны [Юй Вэй, с. 29]. 30 июня Чжоу Эньлай выступил с докладом по организационным вопросам, проанализировал проблемы, определил задачи: укрепление парторганизаций, политическая работа в массах. 3 июля Чжоу Эньлай представил доклад по военному вопросу, главным тезисом которого было строительство Красной армии.

Чжоу Эньлай вошел в состав созданного после съезда, в ноябре 1928 г., высшего руководящего органа китайской компартии — Особого комитета⁴ из трех человек (Сян Чжунфа, Чжоу Эньлай, Гу Шуньчжан, 顾顺章).

Китайские авторы высоко оценивают место и роль Чжоу Эньлая в компартии в тот период, отмечают, что фактически он стал главным лицом в партии, взял на себя ответственность за проведение в жизнь решений съезда КПК, определенных съездом революционного пути, линии и политического курса, в своей деятельности сочетал теорию и практику [Юй Вэй, с. 31]. Другой автор отмечает, что Чжоу Эньлай в период съезда продемонстрировал качества преданного бойца за коммунизм. В нем как в зеркале отразились черты и высокие идеалы преданного коммуниста, человека, который резко выступает против лицемерия и отвратительных поступков разных мелких людишек [У Юэнун, с. 42].

В 1944 г. Чжоу Эньлай, выступая перед партийным активом в Яньаньской партшколе, представил свое видение VI съезда в докладе «О VI съезде КПК. Исследования», где проанализировал позицию съезда по поводу китайской революции, ее характера, задач и перспектив, движущих сил и классовых взаимоотношений, причин ее поражения, опыта и уроков. Чжоу Эньлай в общем положительно оценивал съезд, однако отмечал недопонимание Коминтерном

ситуации в Китае и ее особенностей, в связи с чем съезд не смог дать конкретные ответы на ряд вопросов [Чжоу Эньлай. Избранные, с. 157-187].

Согласование позиции КПК с Коминтерном в условиях белого террора

По оценкам китайских авторов, за полтора года, прошедшие после возвращения из Москвы до новой командировки в Коминтерн, Чжоу Эньлай проделал большую работу. Он внес огромный вклад в проведение в жизнь решений VI съезда, в том числе по преодолению последствий разных уклонов; содействовал организационному восстановлению разгромленных партийных организаций, развертыванию подпольной работы КПК в контролируемых Гоминьданом районах, созданию службы безопасности для охраны партийных работников в условиях жесточайшего белого террора, «историческому процессу возрождения компартии» [Не Хунцинь].

Второй визит Чжоу Эньлая в Москве состоялся в мае-августе 1930 г. и был снова связан с работой в Коминтерне. Чжоу Эньлай доложил Исполкому Коминтерна о деятельности КПК после съезда, обсуждал вопросы дальнейшего развития китайской революции, китайской Красной армии и борьбы с правыми и левыми уклонами в КПК⁵. В 1929 г. в СССР была издана брошюра Чжоу Эньлая «По организационному вопросу компартии Китая», в которой

⁴ В 1927 г. в Шанхае, где располагался ЦК КПК, был образован Специальный отдел ЦК КПК как орган разведки и политической безопасности. Особый комитет стоял над Отделом и должен был усилить работу партии на этом направлении.

⁵ Чжоу Эньлай получил на XVI съезде ВКП(б) подтверждение верности линии КПК по борьбе с уклонами в партии. В резолюции XVI съезда ВКП(б) одобрялись меры Коминтерна по борьбе за ликвидацию троцкизма и правого оппортунизма. КПК, будучи одной из партий Коминтерна, выполняя его решения, участвовала в кампании и проводила соответствующие мероприятия в своих рядах.

речь шла о правоуклонистском мышлении в КПК и проблеме ослабления пролетарской базы партии: рабочая прослойка составляла всего 3% всех членов КПК. В обстановке строгой секретности Чжоу Эньлай обсуждал с руководством СССР и Коминтерна итоги проделанной после VI съезда КПК работы: по укреплению партийных организаций на подконтрольных Гоминьдану территориях и развертыванию подпольной работы в условия террора; по руководству вооруженной борьбой на всей территории Китая и повышению значения этой работы; по созданию опорных баз, усилению работы по обеспечению безопасности членов ЦК КПК и других членов партии; по преодолению правоуклонистских тенденций в партии.

21 июля 1930 г. Чжоу Эньлай вместе с вместе с П.А. Мифом и Цюй Цюбо участвовал во встрече со Сталиным. Со слов Чжоу Эньлая, мнение советского руководителя помогло КПК продолжать и развивать китайскую компартию и китайскую революцию: «В июле 1930 года⁶ я вторично получил от Вас мудрые и важные указания, особенно по вопросу сильной Красной армии и базы советских районов» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139. Ч. 2. Л. 212]. Чжоу Эньлай получил возможность обратиться с приветственным словом к делегатам XVI съезда ВКП (б) (июнь-июль 1930 г.). Он был единственным представителем зарубежной компартии, кому предоставили слово, что иллюстрирует значимость, которую Коминтерн придавал Китаю в мировом революционном движении в тот пе-

риод. И хотя он выступал под псевдонимом Су, и не все знали его настоящее имя и высокие должности, делегаты от него получили представление очевидца о ситуации в Китае. В своем выступлении Чжоу Эньлай отметил, что «великая китайская революция и Китайская коммунистическая партия родились именно под влиянием Октябрьской революции». Заверив съезд в том, что китайская революция живет и крепнет и ставит целью уничтожение феодализма и свержение господства милитаристов и империалистов, он выразил уверенность в том, что «только советская власть может объединить Китай, свергнуть господство империалистов и милитаристов и создать действительно независимый Китай». [XVI съезд Всесоюзной, с. 437].

«Работа важнее лечения»

В третий раз Чжоу Эньлай оказался в Москве по поводу лечения перелома локтя правой руки и провел в Советском Союзе 5 месяцев, с сентября 1939 г. по февраль 1940 г. ЦК КПК просил Чжоу Эньлая вернуться в декабре, но советские врачи, исходя из состояния его здоровья, не разрешили и дали согласие на выезд только после консилиума в начале 1940 г. Чжоу Эньлай вернулся в Яньань 25 марта 1940 г.

Решение о лечении Чжоу Эньлая было принято Исполкомом Коминтерна, членом которого Чжоу Эньлай был в то время. [ВКП(б), с. 286]. Вместе с ним в Алма-Ату прилетели: Дэн Инчао, работник аппарата (приемная дочь Чжоу Эньлая) Сунь Вэйши (孫維世), охранник

⁶ Сталин принял «т. Мифа, т. Страхова [Цюй Цюбо] и т. Су [Чжоу Эньлай]» 21 июля 1930 г. и имел с ними длительную беседу. URL: <https://istmat.org/noъездede/182> (обращение 03.02.2023).

Ли Шиин (李士英), начальник военного госпиталя Сун Цингуан (Су Цзиньгуань⁷), Ли Дэ (李德, Отто Браун), «дальнейшее задерживание [которого] на работе» в Китае было признано Коминтерном нецелесообразным [ВКП(б), с. 286], больной Чэнь Чанхао (陈昌浩) с сыном Чэнь Цзутао (陈祖涛) и жена Мао Цзэдуна (贺子珍) с сыном. Кроме того, в СССР отправили детей ряда руководящих работников КПК, жизни которых угрожала опасность: Лю Шаоци — Лю Айцинь (刘爱琴) и Лю Юньбинь (刘允斌), Гао Гана — Гао И (高毅) [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2866. Л.112]. Все приехали под вымышленными именами, для установления которых потребовалось изучение дополнительных исторических материалов. Чжоу Эньлай сразу же уехал в Москву, дети после оформления документов были распределены в Ивановский интернациональный детский дом⁸, получили в СССР высшее образование и, вернувшись на родину, активно строили новый Китай. Их пути нередко пересекались с советскими специалистами, работавшими в КНР в 1950-е гг.

Чжоу Эньлая определили на лечение в Кремлевскую больницу. С переводом помогал ему находившийся в то время в Москве Ши Чжэ (石哲 Карский)⁹. Как только стало возможно, Чжоу Эньлай начал работать, любил повторять, что работа важнее лечения. Он подготовил для Исполкома Коминтерна ряд важных документов: Меморандум по китайскому вопросу [РГАСПИ. Ф. 495. Оп.18. Д. 1309. Л. 1-59], Доклад

о положении в Китае, который Чжоу Эньлай и Дэн Инчао представили в январе 1940 г. на заседании Исполкома Коминтерна [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 60-132], в 1940 г. опубликовал в журнале «Коммунистический Интернационал» статью «Против опасности раскола и капитуляции в Китае» [Чжоу Эньлай. Против, с. 98-105]. Чжоу Эньлай обращал внимание на то, что в Китае имели место «мирные» происки японцев, росли капитулянтские тенденции, и нарастала угроза срыва сотрудничества компартии Китая с Гоминьданом [ВКП(б), с. 289-290]. В подготовленных материалах Чжоу Эньлай подробно изложил информацию о внутривнутриполитическом и международном положении Китая, о состоянии войны, межпартийных отношениях и антияпонском национальном едином фронте. Он четко сформулировал позицию КПК, которая выступала за продолжение войны и сопротивления, мобилизацию всей нации, т.е. демократически настроенных разных слоев общества, на объединенную борьбу и сохранение единого фронта [Ху Вэй, с. 447]. Чжоу Эньлай как глава представительства КПК и 8-й армии в Чунцине решительно отстаивал эти идеи и на переговорах с Гоминьданом. Известна приверженность Чжоу Эньлая древним китайским постулатам о срединном пути и поиске общего при сохранении различий, которые он «крайне богато и разнообразно осуществлял на практике» [Чжоу Эрлю, с. 118]. Чжоу Эньлай чрезвычайно тщательно и скрупулезно изучал

⁷ Имя не установлено

⁸ В октябре 1939 г. Чжоу Эньлай вместе с Дэн Инчао посетили детей китайских революционеров в Детском доме.

⁹ Ши Чжэ - впоследствии руководитель Бюро переводов трудов классиков марксизма-ленинизма ЦК КПК, личный переводчик Мао Цзэдуна.

все факты, обращал пристальное внимание на противоречия, работал по их минимизации с обеих сторон, т.е. со стороны КПК и Гоминьдана. На переговорах с Гоминьданом он признавал возможность пойти на уступки в маленьких вопросах, но считал, что «в больших надо добиваться выгодного себе решения, чтобы смягчить антисоветизм и антикоммунизм» [Коммунисты].

В Москве Чжоу Эньлай видел свою задачу в разъяснении в Коминтерне особенностей нового этапа антияпонской войны, который характеризовался переходом Японии от тактики наступления и захвата территорий к затяжной войне и использованию политических манипуляций, чтобы склонить гоминьдановское правительство к капитуляции; колебаниями Гоминьдана относительно продолжения сопротивления, опасностью разрыва единого фронта. Чжоу Эньлай полагал, что КПК должна учитывать эти изменения и соответствующим образом корректировать свои действия. В то же время Чжоу Эньлай должен был прояснить позицию Коминтерна в отношении КПК и заручиться поддержкой СССР политической линии и реальных действий китайской компартии. Чжоу Эньлай считал, что Китай переживал «великий исторический период развития все-национального антияпонского единого фронта, созданного по инициативе КПК», период еще большего сплочения и развития КПК [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 130]. Чжоу Эньлай составил для Коминтерна характеристики окру-

жения Чан Кайши, отмечая отношение каждого к единому фронту и антияпонской войне, а также коллаборационистских режимов и провинциальных лидеров и их политической позиции. Это помогло Коминтерну и советскому правительству лучше понимать запутанные внутриполитические сплетения в Китае при выработке своей китайской политики. Главная идея Чжоу Эньлая состояла в том, что нация должна объединиться для продолжения войны с японскими агрессорами, и КПК готова вести эту войну. Таким образом Чжоу Эньлай рассеял сомнения Коминтерна по поводу того, сможет ли компартия сохранить единый фронт и урегулировать отношения с Гоминьданом внутри единого фронта, укрепил уверенность Коммунистического Интернационала в победе Китая в войне сопротивления [Лю Сяохуа].

Чжоу Эньлай участвовал в работе кадровых комиссий Коминтерна, присутствовал при обсуждении дел Ли Дэ и Чэнь Юя¹⁰ (陈郁). Он не только помог спасти детей видных китайских партийных деятелей, привезя их в СССР, но и помог вернуться на родину видному партийному деятелю Чэнь Юю. По настоянию Ван Мина в 1934 г. его отчислили из Ленинской школы и отправили на Сталинградский тракторный завод. Все письма с просьбой послать его в Китай на партийную работу игнорировались Ван Мином. Чжоу Эньлай, узнав об инциденте, добился возвращения Чэнь Юя в Москву и увез его с собой в Яньань.

¹⁰ Чэнь Юй (1901-1974) — партийный и политический деятель, министр промышленности, тяжелой промышленности Северо-Восточного правительства (1948), первый министр топливной, угольной промышленности КНР, губернатор, секретарь партийного комитета провинции Гуандун (1957).

В период пребывания в Москве Чжоу Эньлай вместе с Жэнь Биши занимался вопросами подготовки к созыву VII съезда КПК и разработки основных документов, готовил списки нового состава ЦК КПК и других руководящих органов. Эти документы в целом были одобрены ЦК КПК [Вс история]. На съезде предполагалось выступление Чжоу Эньлай о едином фронте. Однако обстановка в стране и отсутствие средств не позволили созвать съезд в намеченные сроки - ни в феврале, ни в марте, ни позже в 1940 г. Он состоялся в Яньани лишь в 1945 г.

Чжоу Эньлай решал в Коминтерне также вопросы финансирования КПК и ее армий, а также проведения очередного съезда КПК. В ходе антияпонской войны постепенно возрастала роль коммунистических 8-й и Новой 4-й армий. Чжоу Эньлай неоднократно упоминал об этом в своих докладах для Коминтерна, что должно было напомнить советской стороне о контроле за выполнением гоминьдановским правительством негласной договоренности о выделении КПК от 1/5 до 1/4 части той помощи оружием, которую Советский Союз оказывал Национально-революционной армии Китая. Гоминьдан категорически возражал против прямых советских поставок КПК. В сентябре 1939 г. Чан Кайши (蔣介石) рекомендовал находившемуся в то время в Москве Сунь Кэ (孫克) «решительно отвергать и ни в коем случае не одобрять» какие-либо предложения о прямой помощи коммунистам советскими товарами [Го Ян]. Однако в связи с ухудшением отношений между КПК и Гоминьданом в 1940 г. КПК не получила и 1/40 части, а позже и вовсе прекратила получать даже мизерные отчисления

[Чэнь Кайкэ, с. 160]. В ноябре 1939 г. ЦК КПК направил находившемуся в Москве Чжоу Эньлаю телеграмму, в которой содержалось поручение обратиться в Коминтерн за финансовой помощью и просьба «договориться с соответствующими товарищами о положительном решении этого вопроса, т.е. вернуться в Китай с деньгами» [ВКП(б), с. 402-403]. 8 февраля 1940 г. Секретариат ИККИ принял резолюцию, в которой выражал согласие на предоставление помощи КПК, речь шла о помощи в проведении VII съезда КПК. Чжоу Эньлай доставил в Китай выделенные финансовые средства, но их размер неизвестен [Чэнь Кайкэ, с. 162].

Перед отъездом, 23 января 1940 г., Чжоу Эньлай обратился к Сталину с просьбой «уделить хотя бы очень немного времени для свидания» с ним, выражая уверенность, что сам факт встречи с «уважаемым великим вождем» даст положительный импульс «китайской компартии, китайской освободительной борьбе и единому фронту». Чжоу Эньлай всегда высказывался за опору на собственные силы, подчеркивал этот момент в письме Сталину, но в то же время отмечал, что указания Сталина, «проверенные историей, еще более укрепят уверенность китайской компартии, воодушевят компартию Китая с большей энергией и гарантией добиваться победы». [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139. Ч. 2. Л.213]. Встреча не состоялась. 25 марта Чжоу Эньлай вернулся в Яньань, завершив свою миссию в СССР.

Заключение. Все три визита Чжоу Эньлая в нашу страну до образования КНР проходили в моменты крайне сложной международной

политической обстановки и обострения ситуации внутри Китая. Официальных контактов Советский Союз и ВКП(б) с КПК не имели, поэтому две из трех поездок были нелегальными, а Чжоу Эньлай вынужден был фигурировать под псевдонимами. В 1939 г. он приехал по официальному приглашению МОПР на лечение под своим именем.

Вся деятельность Чжоу Эньлая в период пребывания в СССР была сопряжена с принятием важных для КПК решений, связанных с ее политическим курсом, а также с согласованием ее линии и позиции с Коминтерном. Деятельность Чжоу Эньлая, основанная на высоких профессиональных качествах политического и военного деятеля, имела существенное значение для ознакомления руководства СССР и Коминтерна с реальной ситуацией в Китае, состоянием национально-революционного движения, ролью компартии Китая, а также для формирования тактики и стратегии Коминтерна на китайском направлении и принятия Коминтерном решений по китайскому вопросу.

Список литературы

1. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996. 575 с.
2. Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. 672 с.
3. Волохова А.А. Чжоу Эньлай и дипломатия Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 1988(4):117–127.ос. Изд. 1930. 503с.
4. Ледовский А.М. Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе-сентябре 1952 г. // *Новая и новейшая история*. 1997, № 2. С. 69–86.
5. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун и его наследники. М., 1979. 399 с.
6. Портяков В.Я. Российские исследователи о Чжоу Эньлае. Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47. № 1. С. 390-396.
7. Погодин С.Н., Ли Цзичэн. Освещение деятельности Чжоу Эньлая в российской и китайской историографии. *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 4, С. 154-162. DOI: 10.31857/S013128120006105-6.
8. У Юэунун (吴跃农). Чжоу Эньлай и проходивший в Москве VI съезд КПК (周恩来与在莫斯科召开的中共“六大”). *Дан ши вэньюань*. 2007(13):42-45. (На кит.яз.).
9. Чжоу Биндэ. Мой дядя Чжоу Эньлай. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2008. 366 с.
10. Чжоу Эрлю. Чжоу Эньлай — мой седьмой папа. М.: Изд. Шанс, 2021. 479 с.
11. РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 994.
12. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139.
13. Юй Вэй (余玮). Красные воспоминания о Подмосковье — Чжоу Эньлай в период до и после VI съезда. (莫斯科郊外的红色记忆 — 周恩来在党的六大前后). *Дан дэ цзунлань*. 2022(10):26-31.
14. Чжоу Эньлай. Избранные произведения

- (周恩来选集). О VI съезде КПК. Исследования. В 2 т. Т.1 (关于党的“六大”的研究. 周恩来选集, 上下册, 上卷). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1984. 535 с. С. 157-187.
15. *Не Хунцинъ (聂红琴)*. Чжоу Эньлай и Коминтерн до и после VI съезда КПК (六大前后的周恩来与共产国际). URL: <http://zhouenlai.people.cn/n1/2021/0129/c409117-32016033.html> (дата обращения: 21.12.2022). (На кит. яз.).
 16. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет.
 17. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы / Т.V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 752 с.
 18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2866.
 19. РГАСПИ. Ф. 495. Оп.18. Д. 1309.
 20. *Чжоу Эньлай*. Против опасности раскола и капитуляции в Китае // Коммунистический Интернационал, 1940(3-4): 98-105.
 21. *Ху Вэй (胡伟)*. Общими силами обуздаем врага: рассуждения Чжоу Эньлая о войне сопротивления Японии (联合制敌: 周恩来关于抗日战争的论述). *Хуайинь шифань дасюэ сюэбао*. 2022(5):446-450. (На кит.яз.).
 22. Коммунисты: день за днем читаем столетнюю историю партии. [16 августа 1940 г.]. (共产党员. 党史百年天天读. 8月16日 [1940年]). URL: http://www.enping.gov.cn/zxdt/ywsd/content/post_2391443.html (дата обращения: 10.01.2023). (На кит.яз.).
 23. *Лю Сяохуа (刘小花)*. Историческое исследование деятельности Чжоу Эньлая в Коминтерне в период его лечения в СССР во время антияпонской войны (抗战时期周恩来赴苏疗伤期间在共产国际活动的历史考察). *Дан дэ вэньсянь*. 2016(2-173):38-44. (На кит. яз.).
 24. Вся история лечения Чжоу Эньлая в Советском Союзе в 1939 году (1939年周恩来苏联治病始末). URL: <https://news.sina.cn/sa/2004-03-10/detail-ikkntiak9677372.d.html> (дата обращения: 21.01.2023). (На кит.яз.).
 25. Го Ян. Роль Советского Союза в противостоянии Коммунистической партии Китая и Гоминьдана: 1920 – 1940-е годы. Дисс. на соискание ученой ст. канд ист. наук. Ростов-на Дону. 2018.
 26. *Чэнь Кайкэ*. Финансовая и военная помощь Советского Союза КПК в период антияпонской войны // Исторические события в жизни Китая и современность. М.: ИДВ РАН, 2021. 296 с. С. 156-170. DOI:10.48647/s2727-5017-у.

References

1. *Tikhvinsky S*. China's path to Unification and Independence. 1898–1949: Based on the Biography of Zhou Enlai. М., 1996. 575 p. (In Russ.)
2. Galenovich Yu. Death of Mao Zedong. М.,

2005. 672 p. (In Russ.)
3. *Volokhova A.* Zhou Enlai and Chinese Diplomacy // *Problems of the Far East*. 1988 (4):117-127. (In Russ.)
 4. *Ledovsky A.* Transcripts of J.V. Stalin with Zhou Enlai in August-September, 1952 // *Modern and Contemporary History*. 1997 (2): 69-86. (In Russ.)
 5. *Burlatsky F.* Mao Zedong and his heirs. M., 1979. 399 p. (In Russ.)
 6. *Portyakov V.* Russian researchers about Zhou Enlai // *Society and State in China*. 2017(47-1): 390-396. (In Russ.)
 7. *Pogodin S., Li Jicheng.* Zhou Enlai's Activities in Russian and Chinese historiography. *Far East Problems* 2019(4):154-162. DOI: 10.31857/S013128120006105-6. (In Russ.)
 8. *Wu Yuenong (吴跃农).* Zhou Enlai and the "Sixth National Congress" of the Chinese Communist Party held in Moscow (周恩来与在莫斯科召开的中共“六大”). *Dang shi wenyuan*. 2007(13):42-45. (In Chin.)
 9. *Zhou Bingde.* My Uncle Zhou Enlai. Beijing: Waiwen chubanshe. 2008. 366 c. (In Russ.)
 10. *Zhou Erliu.* Zhou Enlai is my Seventh Dad. M.: Publishing House Chance, 2021. 479 p. (In Russ.)
 11. RGASPI. Ф. 514. Оп. 1. Д. 994. (In Russ.)
 12. RGASPI. F. 495. Op. 225. D. 139. (In Russ.)
 13. *Yu Wei (余玮).* Red Memories in the Suburbs of Moscow – Zhou Enlai before and after the Sixth National Congress of the Communist Party of China (莫斯科郊外的红色记忆 – 周恩来在党的六大前后). *Dang shi zonglan*. 2022(10):26-31. (In Chin.)
 14. *Zhou Enlai (周恩来).* Research on the Sixth Congress of the CCP (关于党的“六大”的研究) // Zhou Enlai. Selected Works. 2 Vol. Vol. 1 (周恩来选集。上, 下册。上册). Beijing: Renmin chubanshe, 1984. 535 p. P. 157-187. (In Chin.)
 15. *Nie Hongqin (聂红琴).* Zhou Enlai and the Communist International before and after the CCP Sixth Congress (六大前后的周恩来与共产国际). URL: <http://zhouenlai.people.cn/n1/2021/0129/c409117-32016033.html> (accessed: 20 December, 2022). (In Chin.)
 16. XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim report. State Publishing House. 1930. 503p. (In Russ.)
 17. VKP(b), Comintern and China: Documents / T.V. VKP(b), the Comintern and the CCP during the Anti-Japanese War. 1937 - May 1943. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 752 p. (In Russ.)
 18. RGASPI. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2866. (In Russ.)
 19. RGASPI. F. 495. Op.18. D. 1309. (In Russ.)
 20. *Zhou Enlai.* Against the danger of division and capitulation in China // *Communist International*. 1940(3-4): 98-105. (In Chin.)
 21. *Hu Wei (胡伟).* Conquering the Enemy Together: Zhou Enlai's Discussion on the War of

- Resistance against Japan (联合制敌: 周恩来关于抗日战争的论述). *Huaiyin shifan daxue xuebao*. 2022(5):446-450. (In Chin.).
22. Communists: Read the Centenary's History of the party every day. 16 August, 1940 (共产党员. 党史百年天天读. 8月16日[1940年]). URL: http://www.enping.gov.cn/zxdt/ywsd/content/post_2391443.html (дата обращения: 10.01.2023). (In Chin.).
23. *Liu Xiaohua*. (刘小花). Historical investigation of Zhou Enlai's Activities in the Communist International during the Anti-Japanese War (抗战时期周恩来赴苏疗伤期间在共产国际活动的历史考察). *Dang de wenxian*. 2016(2-173):38-44. (In Chin.). DOI: 1005 - 1597 (2016) 02 - 0038 - 07.
24. Whole Story of Zhou Enlai's Medical Treatment in the Soviet Union in 1939 (1939年周恩来苏联治病始末). URL: <https://news.sina.cn/sa/2004-03-10/detail-ikkntiak9677372.d.html> (access: 11 January, 2023). (In Chin.)
25. *Guo Yang*. The Soviet Union's Role in the Confrontation between the Chinese Communist Party and the Kuomintang in the 1920s and 1940s. Diss. for the scientific degree of candidate of historical sciences. Rostov-on-Don, 2018. (In Russ.)
26. *Chen Kaike*. Financial and Military Assistance of the Soviet Union to the CCP during the Anti-Japanese War // Historical events in the life of China and the Modernity. M.: Institute of Far Eastern Affairs,

2021. 296 p. С. 156-170. DOI:10.48647/s2727-5017-u. (In Russ.)

Сведения об авторе

Верченко Алла Леонидовна

Центр новейшей истории Китая и его отношений с Россией,
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук, Москва,
Россия
veailan@yahoo.com

Information about the Author

Alla L. Verchenko

Center of Contemporary History of China and its Relations with Russia,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
veailan@yahoo.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Chinese Historiography on the Formation of the Eight Banner System in Qing Empire

Китайская историография о формировании восьмизнаменной системы империи Цин

Ильюхов Александр Алексеевич

*Институт восточных рукописей Российской
академии наук, Санкт-Петербург, Россия*

alexsmol96@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4169-9052>

Aleksandr A. Iliukhov

*Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy
of Science, Saint Petersburg, Russia*

alexsmol96@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4169-9052>

УДК 930.2 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-90-108](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-90-108)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена основным вехам китайского маньчжуроведения на примере складывания современного взгляда на становление восьмизнаменной системы. Отмечая наиболее важные и направившие развитие последующего дискурса положения ранних работ по зарождению знаменных институтов, автор обращает основное внимание на парадигму, оформившуюся за последние несколько десятилетий, в частности на труды ведущих китайских маньчжуроведов Ван Чжунхана и Лю Сяомэна. Подчеркивается взаимное влияние американских и китайских учёных, без которого ни те, ни другие навряд ли смогли произвести ревизию положений, господствовавших среди историков обеих стран. Вместе с тем в силу преемственности предшествующей интеллектуальной традиции и в соответствии с политической

ABSTRACT

The article gives an idea of the main milestones in Chinese Manchu studies. The formation of the Eight Banner system could be considered as one of the most important issues among the modern historians in China, such as Wang Zhonghan and especially Liu Xiaomeng. The article analyses the evolution in Chinese historiography concerning this important military, administrative, and economic institution of the Manchu state at the initial stage of its emerging. It becomes obvious that American and Chinese schools have affected each other. Without such interaction, it is hard to imagine a critical revision of the dominant statements in both historiographical schools. At the same time, despite some common approaches, the gap between the two schools is still substantial. The influence of the predecessors and political agenda cause modern Chinese historians to consider the

повесткой современный взгляд китайского маньчжуроведения сосредоточен на трактовке ранней маньчжурской истории как эволюционного процесса, направленного на усвоение достижений китайской цивилизации. При данном подходе вопрос образования восьмизнаменной системы приобретает особую актуальность как исследование механизма, позволившего «отсталому» сообществу за короткий исторический промежуток времени создать государство, функционирующее на основе политических институтов, выработанных иной, «передовой» культурой.

Ключевые слова. Историография, восьмизнаменная система, китайское маньчжуроведение, социальные структуры, формирование государства, Ван Чжунхань, Лю Сяомэн

Для цитирования: Илюхов А. А. Китайская историография о формировании восьмизнаменной системы империи Цин. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 90-108 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-90-108>

Введение

Империя Цин (1636–1912), возглавляемая маньчжурским домом Айсингиоро и являвшаяся последней императорской династией Китая, многими специалистами не без оснований считается таким режимом, который в наибольшей степени смог реализовать потенциал китайской конфуцианской социально-политической культуры. Такой подход, однако, отражает лишь одну сторону функционирования

early Manchu history as the evolution process, the goal of which was to absorb the achievements of the Chinese civilization. In this interpretation, “the formation of the Eight Banner” issue becomes relevant since the Banner system has served for the transformation of the so-called “backward” communities into “civilized” society. In a short time, due to the Banner system, a transformed society was able to create a state based on Chinese political culture. These changes in the Jurchen social structure reflect the establishment of a centralized government. Although the Banner system was obviously a repressive institution for its ordinary members, it was the only way to make a strong state under conditions of small resource base and loose connections between Jurchen tribes.

Keywords. Historiography, Eight Banner System, Chinese Manchu Studies, Social Structures, State Building, Wang Zhongshan, Liu Xiaomeng

For citation: Iliukhov A. A. Chinese Historiography on the Formation of the Eight Banner System in Qing Empire. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 118-108 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-90-108>

цинского государства, так как из поля зрения упускается ряд характерных для династии специфических маньчжурских институтов, из которых наиболее значимыми для сложившегося политического устройства и всего маньчжурского общества, несомненно, были знаменные войска. В современной китайской историографии важность изучения «обратной стороны» фундамента цинского режима была осмыслена, что привело к появлению работ, посвящённых

различным аспектам знамённой системы — в том числе и вопросам её формирования.

Вместе с тем нынешний интерес к исконно маньчжурским институтам не был логичным следствием научных тенденций китайской исторической науки предшествующих периодов. Китайская историческая мысль легко усвоила теорию «китаизации» (кит. 汉化 — *ханьхуа*) маньчжуров, согласно которой маньчжуры являлись одним из целого ряда народов-завоевателей, с течением времени отказывавшихся от собственных традиций и с каждым новым поколением всё больше становившихся неотличимыми от собственно китайского населения (Elliott 2001, 25, 26). Подавляющее большинство китайских историографов воспринимало династию Цин исключительно как одну из легитимных китайских династий, не уделяя большого внимания собственно маньчжурским институтам, считая их маргинальными явлениями в рамках общеисторического процесса, не влиявшими на развитие китайской государственности.

Встречались, однако, и исключения из описанной выше картины. В 1936 году Мэн Сэнь 孟森 (1868-1938), специалист по династиям Мин и Цин, выпустил статью *Исследование восьмизнамённой системы* (八旗制度考實 — *Бацзи чжиду каоши*), в которой по-иному осмысливалось положение маньчжуров. Соглашаясь с утверждением о том, что маньчжурское государство (кит. 滿洲國 — *Маньчжоу го*) является частью Китая, Мэн Сэнь отмечает, что на протяжении всего своего существования цинская династия воспринимала себя в качестве мань-

чжурской, а так как ни один маньчжур не числился вне знамённой системы, для изучения цинского государства принципиально важно понимание того, что из себя представляли знамённые войска. Решение данной проблемы является нелёгкой задачей, поскольку цинские правители из соображений секретности не допускали утечки информации о функционировании знамённой системы. Обращение к имеющимся источникам тоже было сопряжено с известными трудностями: в силу отношения к историографии как к делу политическому в официальных маньчжурских трудах была отражена позиция двора, которая порой намеренно искажала сведения о реальном положении дел или утаивала их, а создание частных работ о государственной системе было невозможным (Мэн Сэнь 2000, 120, 121). Статья ограничивается освещением раннего этапа функционирования знамённой системы и опирается на известные на тот момент источники на китайском языке, прежде всего на следующие:

1) *Правдивые записи о правлении императора Тай-цзу У-хуанди Великой Цин* (маньчж. *Дайчин Тайдзу дэрги хуванди-и яргянь-и кооли битхэ*; кит. 大清太祖武皇帝實錄 — *Да Цин Тай-цзу У-хуанди шилу*) — данный источник относится к жанру традиционной китайской историографии *правдивые записи* (маньчж. *яргянь кооли битхэ*; кит. 實錄 — *шилу*), представлявший из себя расположенную в хронологическом порядке информацию о правлении монарха царствующей династии. Как правило, работы в данном жанре писались вскоре после кончины правителя. В случае с основателем маньчжурского государства *правдивые записи* о делах правления Нурхацы были составлены лишь в 1636

году, а сам текст в дальнейшем претерпел многочисленные редактуры. Хроника освещает события от 1583¹ года до смерти Нурахци в 1626 году. Написанный на китайском и маньчжурском языках, данный текст был хорошо известен специалистам по цинской истории именно в своей китайской редакции (Пан 2006, 59, 60).

2) *Сводный трактат о восьми знамёнах* (маньж. *Чжакунь гусай тун чжи*; кит. 八旗通志 — *Бацзи тунчжи*) — источник по военно-административному устройству цинского государства, содержащий описания истории и организации знамённых войск, а также биографии знамённых полководцев² (Мелихов 1976, 55, 56).

3) *Записи у [ворот] Дунхуа* (東華錄 — *Дунхуа лу*) — история дел правления маньчжурских монархов от Нурхацы до Юнчжэна, составленная при императоре Цяньлуэ на китайском языке. Труд прежде всего основан на материалах цинских *правдивых записей* и содержит сведения, исчезнувшие из их более поздних редакций.

В целом работа Мэн Сэня выполнена в русле традиционного для цинской историографии критического исследования текстов (考證 — *каочжэн*)³, и в силу характера источниковой базы значительную часть статьи занимает описание отношений на верхних уровнях

иерархии знамённой системы, в частности взаимодействия между главами знамён. Тем не менее представлена и общая схема складывания знамённой системы. Её истоки восходят к подразделению из десяти человек под названием *ниру* (牛錄 — *нюлу*), во главе которого стоял *ниру эчжэнь* (牛錄額真 — *нюлу эчжэнь*). Как следствие роста населения в 1601 году произошла реформа *ниру*, поэтому в составе одного подразделения теперь находилось уже 300 человек. Произошла трансформация обязанностей и *ниру эчжэнь*, который отныне становился назначаемым должностным лицом, несшим чиновничьи функции. По предположению Мэн Сэня, на тот момент времени существовало всего четыре *ниру*, каждому из которых давалось собственное знамя — жёлтое, красное, синее и белое, — тем самым термин «знамя» (旗 — *ци*) как обозначение подразделения в китайских источниках изначально относился к *ниру*. В дальнейшем территория, подконтрольная Нурхацы, многократно увеличилась, что привело к включению в состав подразделений почти всех чжурчжэньских племён и к созданию новых *ниру*. Как следствие, стали возникать структуры, объединявшие несколько *ниру* — *чжалань* (甲喇 — *цзяла*), а затем и объединявшие несколько *чжалань* — *гүса* (固山 —

¹ Год, в котором Нурхацы, согласно китайской историографии, «поднял войска» (кит. 起兵 — *цибин*), т.е. возглавил процесс объединения чжурчжэньских племён.

² К маньчжурским правдивым записям и к *Сводному трактату о восьми знамёнах* обращались и в советской историографии: так, Г. В. Мелихов при исследовании состояния маньчжурского общества в XVII в. опирался именно на эти материалы (Мелихов 1974).

³ Направлению *каочжэн* среди цинских учёных, искавших знание о конфуцианской истине путём обращения к достоверным свидетельствам, скрытым в письменных источниках, посвящена работа американского исследователя Бенджамина Элмана (Benjamin A. Elman) *From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in Late Imperial China*. В частности, упоминается и влияние данной интеллектуальной школы на формирование китайской науки уже в XX веке (Elman 1990, 38, 39, 254–256).

гушань). Кроме того, среди захваченных в плен всё чаще попадались китайцы и монголы, из числа которых создавались отдельные этнические *ниру*. В 1615 году была проведена ещё одна реформа, которая упорядочила подразделения и свела их в одну вертикаль иерархического управления, на вершине которой были помещены восемь отличных по цветам знамён *гуса* — с той поры обозначение «знамя» стало ассоциироваться именно с крупнейшим подразделением системы, а сама система стала именоваться «восьмизнамённой» (八旗制度 — *ба ци чжиду*). Впоследствии в дополнение к «старым», маньчжурским знамёнам (маньчж. *Маньчжу гуса*; кит. 八旗滿洲 — *ба ци Маньчжоу*) были созданы отдельные восемь монгольских (маньчж. *Монго гуса*; кит. 八旗蒙古 — *ба ци Мэнгу*) и восемь китайских знамён (маньчж. *учжэнь чооха* — «тяжёлые войска»; кит. 八旗漢軍 — *ба ци ханьцзюнь* — «восьмизнамённые ханьские войска»), что, однако, не повлияло на основы функционирования знамённой системы (Мэн Сэнь 2000, 121–123).

Работа Мэн Сэня осветила формирование восьмизнамённой системы настолько подробно, насколько позволяло обращение к доступным китайским источникам того времени, в результате чего было оформлено первое научное представление о возникновении знамённых институтов. Впервые в китайской науке прозвучало положение о важности изучения знамённой системы. Тем не менее специальных работ на китайском языке, посвящённых знамённым войскам, равно как и другим маньчжурским институтам, больше не выходило вплоть до образования КНР, а сам феномен

знамённых войск так и не был теоретически осмыслен историками гоминьдановского Китая в общеисторической перспективе.

После 1949 года в Китае марксистская парадигма стала оказывать значительное влияние на китайскую историографию, в связи с чем возникла необходимость создания единого нарратива истории Китая в рамках формационного подхода. Как кажется, именно в таком ключе стоит рассматривать статью Мо Дунъиня *莫东寅* (1914–1956) *Восьмизнамённая система* (八旗制度 — *Ба ци чжиду*), вышедшую в 1958 году. Несмотря на название, работа, скорее, посвящена состоянию маньчжурского общества накануне утверждения цинской династии в Пекине, а её целью являлась попытка доказать обоснованность применения формационной логики исторического развития в отношении маньчжуров, всего за несколько десятилетий прошедших путь от жизни в племенных структурах до создания многонационального государства. Через всю статью красной нитью проходит тезис об особом, так называемом «предфеодальном» (先封建 — *сянь фэньцзянь*) характере государства Поздняя Цзинь, в котором сочетались черты первобытно-общинного, рабовладельческого и феодального обществ. Залогом существования этой стадии являлся субъективный фактор деятельности правителей-реформаторов, всячески способствовавших развитию «прогрессивных», феодальных черт в условиях их объективной незрелости (Мо Дунъинь 1958, 95, 96). При таком подходе возникновение знамённой системы рассматривалось как необходимая мера на пути создания феодального государства в условиях

относительно «примитивного» общества: значительная роль скотоводства в жизни чжурчжэней и отсталость в способах ведения земледелия заставляли периодически менять используемые поля, что тормозило процесс складывания частной собственности на землю, поэтому Нурхацзи был вынужден заменять общинную собственность на государственную посредством выстраивания знамённых институтов⁴ (Мо Дунъинь 1958, 106). В статье отражена общая тенденция ранней историографии КНР акцентирования внимания прежде всего на китайский компонент системы: так, значительную часть исследования занимает вопрос генезиса китайских знамён, а также подразделений китайских крепостных (маньчж. *боои* — «домашние»; кит. 包衣 — *баои*) в составе чжурчжэньских знамён (Мо Дунъинь 1958, 135–158).

Нарратив, сформированный Мо Дунъинем в рамках марксистской теории, в течение последующих пары десятилетий не подвергался ревизии, в результате чего научные работы по теме формирования восьмизнамённой системы более не выходили⁵. Хотя в современной китайской историографии формационный подход в отношении истории маньчжуров более не применяется, некоторые положения нынешнего дискурса вокруг ранней истории маньчжуров берут своё начало из работы Мо Дунъиня. Пожалуй, наиболее значимым следствием стало оформление взгляда на маньчжурскую историю как на эволюционный процесс, в котором менее развитое сообщество чжурчжэней преобразует-

ся под влиянием передовых соседей — прежде всего китайцев (Мо Дунъинь 1958, 149, 161). В данной парадигме знамённая система ценна именно как инструмент для выхода на качественно иной уровень развития — как следствие, на первый план выходят невоенные функции механизма: стимулирование земледелия среди чжурчжэней (Мо Дунъинь 1958, 104), утверждение абсолютистской власти правителя (Мо Дунъинь 1958, 123–125, 153, 154), встраивание военнопленных и рабов в структуру чжурчжэньского общества (Мо Дунъинь 1958, 145), контроль племенной аристократии со стороны центра (Мо Дунъинь 1958, 146, 147). Имевшийся в распоряжении автора материал, однако, фактически вынуждал ограничиваться вторым десятилетием XVII века в качестве нижней временной границы исследования, что лишило возможности рассматривать первые шаги на пути складывания восьмизнамённой системы.

Со второй половины 1970-х годов ситуация начинает изменяться. Причина пробуждения интереса к маньчжурским институтам среди историков КНР лежит прежде всего во введении в научный оборот цинских источников на маньчжурском языке исследователями по всему миру. В 1960–1970-е годы в немецкой и советской школах появились молодые исследователи, описывавшие маньчжурские фонды европейских библиотек. В то же время в Японии был завершён перевод *Старого архива на маньчжурском языке* (кит. 滿文老檔 — *Маньвэнь лаодан*; яп. 滿文老檔 — *Мамбун ро:то:*), текст

⁴ Вопросами землевладения среди знамённых войск занималась и советская историография – см. (Хохлов 1962).

⁵ Подробнее о маньчжуроведении в КНР XX в. см. (Янь Чуннянь 1992).

которого пролил свет на доселе неизвестные детали формирования маньчжурского государства и восьмизнаменной системы (Пан 2006, 38). Наконец, после «повторного открытия» китайских архивов для американских исследователей и знакомства с цинской документацией в западной историографии начала распространяться идея о необходимости овладения маньчжурским языком всем исследователям цинской династии (Elliott 2001, 1; Bartlett 1985, 26). Новые данные и тенденции в исторической науке неминуемо вели к корректировке прежних представлений о цинской истории.

Первым из учёных КНР, который ввёл маньчжурский фактор в китайский нарратив цинской истории, а также использовал оригинальные источники на маньчжурском языке, стал Ван Чжунхань 王钟翰 (1913-2007). При рассмотрении истоков «маньчжурского направления» в рамках современного изучения истории Цин кажется необходимым отметить обстоятельства, оказавшие влияние на Ван Чжунханя как на человека, ставшего учителем для последующего поколения историков-маньчжуроведов в Китае:

1) Ван Чжунхань был уникальным специалистом: имея классическое историческое образование и занимаясь в студенческие годы цинским Китаем, в силу специфики работы на историческом факультете в Центральном институте национальностей (中央民族大学 — Чжунъян миньцзу дасюэ) он был вынужден обращаться к маньчжурскому материалу, что привело его к осознанию тесной взаимосвязи цинской и маньчжурской историй, в частности

необходимости обращения к маньчжурскому фактору для решения проблем исследования цинской династии. В результате работы в учреждении, занимавшимся вопросами этнографии, он ознакомился с антропологическими нарративами, что отличало его от других специалистов по цинскому периоду, воспроизводивших прежние тенденции китайской историографии (Ван Чжунхань 1999, 62, 99).

2) Ван Чжунхань с юности имел контакты с западным научным сообществом. Так, период с 1946 по 1948 год он провёл в Гарвардском университете (Ван Чжунхань 1999, 80–86), а по возвращении в Китай устроился работать в совместное американо-китайское научное учреждение Институт Гарвард — Яньцзин (англ. *Harvard — Yenching Institute*; кит. 哈佛燕京學社 — Хафо — Яньцзин сюэшэ). Ван Чжунхань поддерживал контакты с западными учёными и в более зрелом возрасте: так, в 1980–2000-е годы Ван Чжунхань активно сотрудничал с Мартином Гиммом (Martin Gimm) и Джованни Стари (Giovanni Stary), а один из основоположников американской историографической школы *New Qing History* Марк Эллиотт (Mark C. Elliott) особо отмечал его помощь в написании своей книги о восьмизнаменной системе *The Manchu Way* (Elliott 2001, xix).

Таким образом, Ван Чжунханя отличало от остальных китайских учёных, занимавшихся династией Цин, два обстоятельства: опора на маньчжурские источники с применением антропологических подходов к исторической проблематике, а также контакты с западными коллегами, делавшими его восприимчивее

к процессам, происходившим в зарубежной синологии.

В отношении работ по знамённым войскам у Ван Чжунханя явным образом проявлялись оба упомянутых фактора. Его главная статья по вопросу восьмизнамённой системы посвящена соотношению маньчжуров и китайцев в знамённой структуре. В ней Ван Чжунхань, опираясь на минские и цинские тексты разных временных периодов, доносит мысль, ранее не встречавшуюся в работах китайских историков. В течение всей истории сосуществования китайцев и маньчжуров и в особенности на этапе становления маньчжурского государства, когда в результате войн осуществлялся обмен пленными, происходило смешение китайского и маньчжурского населения. Для адекватного понимания этих сложных демографических процессов необходимо учитывать роль восьмизнамённой системы, которая стала важнейшим инструментом гомогенизации маньчжурского населения и оформления границ между маньчжурами и китайцами:

1) В состав одного «этнического» знамени включались представители разных этнокультурных групп — как, например, китайцы, оказавшиеся внутри маньчжурских знамён уже на раннем этапе формирования системы.

2) Те люди, которые в период правлений Канси, Юнчжэна и Цяньлуна выходили из состава знамён и становились гражданскими — не только из числа китайских, но также и из маньчжурских знамён, — вливались в китайский этнос.

3) В конце XX века потомки китайских знамённых при ответе на вопрос переписи населения о национальности заявляли о своей маньчжурской идентичности.

Таким образом, Ван Чжунхань приходит к заключению, что кровные связи не являлись основным фактором для оформления маньчжурской нации: предки не всех современных маньчжуров причисляли себя к чжурчжэням, равно как и не все потомки первых знамённых ныне относят себя к маньчурам. Для Ван Чжунханя маньчжуры — это прежде всего сообщество, существующее в определённом историческом контексте; состав такого сообщества варьировался значительно в зависимости от политической конъюнктуры: часть членов сообщества в тяжёлые времена могла отказываться от маньчжурской идентичности, а при благоприятных условиях в сообщество принимались люди со стороны (Ван Чжунхань 1993, 43, 44). Безусловно, такая идея была выдержана в духе конструктивистской теории наций, набравшей популярность после выхода работы британского учёного Бенедикта Андерсона (Benedict Anderson) *Воображаемые сообщества (Imagined Communities)*, и шла вразрез с примордиальным подходом китайских историков к населяющим Китай национальностям. Изданная в 1990 году, статья Ван Чжунханя предвосхитила положения об идентичности маньчжуров, встречающиеся в трудах Памелы Кроссли (Pamela Kyle Crossley), Марка Эллиотта и последующих учёных американкой историографической школы *New Qing History*.

При всей теоретической обоснованности и многоплановости своих работ Ван Чжунхань специально не разрабатывал проблему знаменитых войск — тем более он не занимался вопросами возникновения знаменитой системы. Первым учёным-маньчжуроведом, в центре внимания которого оказалась знаменитая система, стал его ученик Лю Сяомэн 刘小萌 (1952 г.р.). *Общество пекинских знаменитых династии Цин* (清代北京旗人社会 — *Циндай Бэйцзин цижэнь шэхуэй*) 2008 года является *тагнит орис* данного автора, обязательным для ознакомления любому специалисту при работе со знаменитыми институтами на более позднем этапе их развития. С точки зрения раскрытия процессов формирования знаменитой системы принципиально важна более ранняя работа автора *Племена и государство маньчжуров* (кит. 满族的部落与国家 — *Маньцзу дэ було юй гоцзя*) 1995 года. Именно данный труд определил современный взгляд китайской историографии на возникновение восьмизнаменитой системы.

Как уже упоминалось выше, проведение столь масштабной⁶ работы по исследованию зарождения институтов маньчжурского государства было бы невозможно без введения в научный оборот ряда источников по чжурчжэньскому обществу XVI – начала XVII веков, среди которых выделяются следующие:

1) *Старый архив на маньчжурском языке* (кит. 滿文老檔 — *Маньвэнь лао дан*; яп. 滿文老檔 – *Мамбун ро:то:*) — копии XVIII века документации чжурчжэньского государства на мань-

чжурском языке, охватывающие период с 1607 по 1636 годы. Обнаруженный в 1930-е годы в императорских дворцах Пекина и Шэньяна, в 1969 году архив был полностью транскрибирован, прокомментирован и переведён на японский язык, а в 1990 году был закончен перевод на китайский язык (Лю Сяомэн 1995, 4, 5).

2) *Правдивые записи династии Чосон* (кор. 조선왕조실록 – *Чосон ванчжо силлок*; кит. 朝鮮王朝實錄 — *Чаосянь ванчао шилу*) — по причине тесных контактов чжурчжэней и корейцев работа используется для получения сведений о функционировании чжурчжэньского общества в XVI веке. В поле зрения китайских специалистов по династиям Мин и Цин данный источник попал лишь в 1980 году, когда была издана подборка материалов из данного труда по китайской истории, сделанная ещё до Культурной революции историком У Ханем (吴晗) и озаглавленная как *Материалы по истории Китая из Правдивых записей чосонской династии Ли* (朝鮮李朝实录中的中国史料 — *Чаосянь Личао шилу чжун дэ Чжунго шиляо*), в которой содержались сведения в том числе и о жизни чжурчжэней при династии Мин (Лю Сяомэн 1995, 2).

3) *Путевые заметки по Цзяньчжоу с картами* (кор. 건주기정도기 — *Кончу кичон тоги*; кит. 建州紀程圖記 — *Цзяньчжоу цзичэн туцзи*) — воспоминания чосонского посланника при дворе Нурхацы Син Чхунгыля (кор. 신충일; кит. 申忠一 — *Шэнь Чжунъи*), обнаруженные в 1938 году и изданные в 1979 году в рамках

⁶ Общий объём текста составляет около 260 тысяч иероглифов.

серии *Коллекция исторических материалов по началу Цин* (清初史料丛刊 — Цинчу шиляо цункань) (Лю Сяомэн 1995, 2)⁷. Освещая скудно представленный в других материалах период 1590-х годов в чжурчжэньской истории, данный источник позволил понять, что введение знамённой системы не было одномоментным событием, а масштабным преобразованием предшествовали эксперименты, которые были необходимы для дальнейших, более решительных шагов.

Основываясь на вышеупомянутых материалах, Лю Сяомэн представил цельную картину формирования различных институтов маньчжурского общества — в том числе и знамённой системы. Выстроенная им схема ложится в парадигму эволюционного развития этнических сообществ, переходящих с племенного этапа на государственный, что отлично иллюстрируется на примере преобразований социальных институтов для соответствия новой политической реальности. Автор приходит к выводу, что генетически знамённая система Цин восходит к охотничьей единице *ниру*, которая могла при необходимости выполнять и военные функции. Изначально в состав *ниру* входило десять человек, глава которого назывался *ниру эчжэнь*: его функции сводились к координации деятельности отряда во время охоты, но при этом он не обладал ни экономической, ни политической властью над своими подчинёнными, а его полномочия руководителя заканчивались вместе с завершением охоты (Лю Сяомэн

1995, 57–58). Само подразделение не действовало круглогодично и формировалось лишь на время проведения облавной охоты (маньчж. *аба*; кит. 圍獵 — *вэйле*) из состава более крупных постоянных территориально-родственных формирований (族寨 — *цзучжай*) — прежде всего из жителей деревень-*гашань* (噶珊), в которых проживало не более сотни человек (Лю Сяомэн 1995, 59). Во время проведения охоты *ниру* действовали не в одиночку, но объединялись в группу из пяти подразделений, выстраиваясь в форму «совка»: в то время как четыре *ниру* располагались по бокам («крылья» — 翼 — *и*) по две единицы с каждой стороны друг за другом, пятое находилось сзади по центру — все вместе они формировали подобие сети, в которую загонялась добыча. Для лучшей координации взаимодействия между отрядами у каждого *ниру* было собственное цветное знамя: образовавшее основу «конструкции» заднее центральное подразделение *фэрэ* (圍底 — *вэйди*) было снабжено жёлтым флагом, её центральные боковые «плечи» *мэйрэнь* (圍肩 — *вэйцзянь*) красным (слева) и белым (справа), а оба передних боковых края *утури* (烏圖里 — *утули*) несли синие знамёна — впоследствии все эти четыре цвета были использовались для обозначения крупнейших подразделений знамённой системы *гуса*. Лю Сяомэн особо подчёркивает, что изначально *ниру* являлось не более чем очередным племенным институтом чжурчжэней, однако его появление было индикатором кризиса племенного строя: в связи с ростом и постоянной

⁷Впоследствии воспоминания Син Чхунъиля были переведены на немецкий язык Джованни Стари (Stary 1996).

миграцией населения, а также в связи с обилием экзогамных браков, связи внутри крупных клановых структур становились всё слабее, что приводило к неизбежной атомизации и созданию новых, мелких социальных групп, эффективнее справлявшихся с социально-экономическими вызовами (Лю Сяомэн 1995, 59, 60, 177, 178). Логично предположить, что впоследствии при создании иной, централизованной системы организации населения было естественно задействовать наиболее здоровые элементы прежнего уклада.

Свидетельства Син Чхунъиля позволяют предположить, что первые эксперименты по преобразованию института *ниру* стали проводиться Нурхацци на подчинённой ему территории по крайней мере ещё в 1590-е годы в связи с возросшей интенсификацией военных действий, требовавших более эффективные способы использования людских ресурсов. Охотничья группа из пяти *ниру* объединялась с ещё одной, образуя тем самым отряд из ста человек. Такой отряд выполнял военные функции: участие в военных походах, несение постовой службы на сигнальных башнях, но также и исполнение трудовой повинности. Каждое *ниру* — как и во время облавной охоты — имело собственное знамя для лучшей координации действий: их цвета оставались прежними с добав-

лением чёрного знамени. Впрочем, данные изменения ограничивались населением, находившимся в непосредственном подчинении Нурхацци: вплоть до самого окончания XVI века основой чжурчжэньского общества оставались традиционные племенные институты, главы которых имели всю полноту власти (Лю Сяомэн 1995, 153, 154).

Масштабные преобразования организации чжурчжэньского общества начались в 1601 году, когда количество членов одного *ниру* было радикально увеличено с десяти до 300 бойцов⁸, а его глава *ниру эчжэнь* становился должностным лицом в вертикали власти формирующегося государства, что ознаменовало важную веху в процессе перехода маньчжуров из племенного общества в государственное. По Лю Сяомэну, характер членства в государственных структурах был иным. Раньше, будучи подразделением внутри племенного сообщества, *ниру* представляло из себя вооружённую группу, члены которой были объединены родственными связями и собирались произвольно по мере необходимости — для облавной охоты или военного похода. Отныне прежде нерегулярное формирование становилось постоянно действующим институтом, служа рабочим механизмом инструмента контроля и мобилизации подчинённого населения для военных и прочих

⁸ На деле указ Нурхацци вовсе не означал, что каждое *ниру* включало 300 бойцов: зачастую подразделения численно не были равны друг другу, что было характерно и для более позднего этапа цинской государственности. Так, при образовании «русской роты» (ман. Орос *ниру*; кит. 俄羅斯佐領 – Элосы цзолин) в 1685 году в её составе находилось около сотни бойцов, пленённых ранее в ходе военных столкновений с российскими войсками (Лю Сяомэн 2008, 479). Таким образом, в отношении численности *ниру* указ, скорее, носил рекомендательный характер, нежели обладал силой закона, обязательного к исполнению; как следствие, указанное число выступало ориентиром для формирования *ниру* нового типа, но никак не являлось реальным отражением размера всех подразделений.

нужд зарождающегося государства. Автор выделяет три основные функции реформированного *ниру*, которые впоследствии были актуальны и для знамённой системы вплоть до установления цинского господства в Китае:

I. Военная. В случае военной мобилизации из каждого подразделения призывалось определённое количество мужчин, причём число отправленных воинов должно было быть одинаковым для каждого *ниру*.

II. Административная. В задачи реформированных подразделений входили обязанности по учёту находившегося в их подчинении населения для обеспечения трудовой и воинской повинностей, а также для взимания налогов. Реализация данной функции осуществлялась посредством переформатирования существующих структур: отныне в состав *ниру* включались четыре племенные группы *та-тань* (塔坦), тем самым центральными властями охватывалось всё подконтрольное чжурчжэньское население вместе с детьми, женщинами и стариками.

III. Экономическая. Для создания работоспособного государства было необходимо наладить стабильные каналы получения ресурсов посредством введения сельскохозяйственных налогов. Власти стремились принудить подчинённое им население к ведению зерново-

го сельского хозяйства в качестве основного вида экономической деятельности, что должно было достигаться путём контроля и стимулирования через механизмы знамённой системы⁹ (Лю Сяомэн 1995, 157–159).

В связи с новыми задачами изменился и статус *ниру эчжэнь*, который отныне обладал политическими и экономическими преференциями над остальными членами подразделения, а сама должность передавалась по наследству, тем самым формировалась новая аристократия возникающего государства. Таким образом, главы *ниру* получали санкцию со стороны верховных властей на утверждение своей власти на местах в обмен на гарантию лояльности центру (Лю Сяомэн 1995, 155). С целью проведения всего комплекса вышеперечисленных мобилизационных мероприятий для помощи *ниру эчжэнь* внутри подразделения был введён ряд должностей (Лю Сяомэн 1995, 157). Напротив, рядовые члены *ниру*, звавшиеся *чжушэнь* (諸申), стали ограничены в передвижении, а также не могли произвольно выходить из состава одного отряда и присоединяться к другому (Лю Сяомэн 1995, 155).

Набор в *ниру* не осуществлялся произвольно. В случае добровольного перехода главы племенного образования на сторону Нурхацци новое *ниру* создавалось на базе присоединившейся группы под руководством прежнего

⁹Экономическая роль *ниру* по Лю Сяомэну перекликается с теорией американского учёного Джеймса Скотта (James Scott), согласно которой для создания работоспособного государства властям было необходимо наладить каналы концентрации ресурсов посредством введения налогов. Обязательным условием функционирования налоговой системы является культивация злаковых культур в качестве основного продукта налогообложения (подробнее см. Скотт 2020, 153, 154).

вождя. Лишь в случае оказания вооружённого сопротивления племенная община разрушалась путём присоединения их членов в различные *ниру*, но и то не всегда: зачастую при создании *ниру* из «непокорных» племён их руководство заменялось на сподвижников Нурхаца, в то время как сама структура группы оставалась неизменной. Подобный подход позволял сохранять прежние связи в новой системе, что с экономической и социальной точек зрения благоприятно сказывалось на её стабильности, в то время как противники Нурхаца лишались материальной опоры, необходимой для протеста. Вместе с тем возникновение новых *ниру* не могло не разрушать племенную структуру чжурчжэньского общества:

1) Даже в случае сохранения прежней племенной группы при образовании *ниру* к ней могли присоединяться чужаки из расформированных объединений, что приводило к неминуемому складыванию новых отношений внутри сообщества.

2) В ходе военных походов в качестве трофеев в состав *ниру* поступали военнопленные из разных этнокультурных групп на положение рабов (маньчж. *аха*; кит. 阿哈 — *аха*). В свою очередь, большинство рабов доставалось руководству *ниру*, что вело к классовому расслоению внутри подразделения (Лю Сяомэн 1995, 160–173).

В течение 1600-1610-х годов Нурхаца удалось свести в одну вертикаль управления большую часть чжурчжэней, а именно все цзяньчжоуские (建州女真 — *цзяньчжоу ньючжэнь*) и хайсийские (海西女真 — *хайси*

ньючжэнь) племена, а также часть «диких» чжурчжэней (野人女真 — *эжэнь ньючжэнь*). В связи с резким увеличением подконтрольного населения возникла необходимость объединения всё более многочисленных и вместе с тем относительно мелких подразделений *ниру* в более крупные. Всё растущее классовое расслоение и усложнение чжурчжэньского общества делало необходимым складывание иерархической системы с разными уровнями управления. Не позднее 1607 года были созданы первые четыре знамени-*гуса*. Эти структуры заключали в себе *ниру*, причём во главе каждого знамени стоял Нурхаца или один из его ближайших родственников (сам Нурхаца был главой жёлтого знамени), что выводило их на радикально иной уровень распоряжения властью в сравнении с другими представителями чжурчжэньской элиты, поскольку отныне дом Айсиньгиоро обладал институционально оформленной силовой базой для отстаивания собственных интересов (Лю Сяомэн 1995, 177). Знамена становились собственностью их глав (маньчж. *хошои бэйлэ*; кит. 和碩貝勒 — *хэшо бэйлэ*), располагавших всей полнотой экономической и политической власти. Отдельно от них существовали верховные управленцы (маньчж. *гусаи эчжэнь*; кит. 固山額真 — *гушань эчжэнь*), в ведении которых находилось обеспечение функционирования знамени (Лю Сяомэн 2008, 45; Мо Дунъинь 1958, 123–127).

По Лю Сяомэну, складывание основы знаменной системы завершилось к 1615 году, когда к имевшимся четырём знаменам было добавлено ещё столько же: отныне на вершине иерархии находились четыре «истинных»

знамени (маньчж. *гулу гуса*; кит. 正旗 — *чжэн-ци*) и четыре знамени «с каймой» (маньчж. *ку-бухэ гуса*; кит. 鑲旗 — *сянци*). Оформилась иерархия знамённой системы: пять *ниру* объединялись в *чжалань*; пять *чжалань* составляли одно *гуса*. Военное построение *чжалань* в рамках *гуса* копировало охотничье построение старых *ниру* с «крыльями» и «низом» вплоть до частичного совпадения терминологии¹⁰. Более того, размещение знамён при кватрировании полностью соответствовало расположению традиционных *ниру* при облавной охоте. Подобные сходства принципов организации новой системы со старыми порядками подводит к следующим выводам:

1) При формировании иерархии знамённой системы была сделана ставка на организацию по образу охотничьих *ниру* в более крупном масштабе. Как следствие, в рамках данной системы количество цветов не могло превышать четырёх, так как за каждым *цветом* было закреплено *место расположения* подразделения. В условиях необходимости увеличения количества знамён этот факт объясняет создание новых знамён путём введения «каймы» к базовым цветам: новые знамёна размещались вместе со старыми согласно их цвету.

2) Нурхацци был главой жёлтых знамён, поскольку в рамках пятичленной системы подразделение с жёлтым флагом располагалось в основании конструкции и поэтому считалось главным — в случае участия глав племён в об-

лавной охоте они находились именно в «жёлтых» *ниру* (Лю Сяомэн 1995, 177–179).

Вместе с тем *ниру* и *чжалань*, входившие в состав одного знамени-*гуса*, между собой не были связаны никакими родственными отношениями — таким образом, в отличие от *ниру*, знамёна не были кровнородственными объединениями, а связи внутри них носили исключительно административно-территориальный характер. Поскольку такие крупные *политические объединения* (政治组织 — *чжэнчжи цзучжи*) не могли быть устойчивыми в племенном обществе, их существование указывает на окончательное установление государственного управления среди чжурчжэней (Лю Сяомэн 1995, 182).

Подводя итог, Лю Сяомэн приходит к выводу, что процесс формирования знамённой системы сводился к перетеканию политической власти из слабо связанных между собой племенных структур в центральный репрессивный аппарат, ограничивавший автономию рядовых общинников ради нужд возникающего государства. Причина введения системы, совмещающей военные, административные и экономические функции, заключалась в слабости ресурсной базы неземледельческого общества, не позволявшей ввести разделение труда, поэтому создание единой жёсткой иерархической многофункциональной системы являлось единственным возможным способом обеспечения функционирования централизованного государства с бюрократической системой

¹⁰ К примеру, первый *чжалань* в составе *гуса* носил название *фэрэ чжалань* – ср. с *фэрэ* в составе охотничьих *ниру*.

китайского типа. В связи с ресурсным вопросом важнейшей функцией знамённых войск становился перевод экономики чжурчжэней на сельскохозяйственную основу. Вместе с тем при создании центральной системы организации населения после первоначальных экспериментов стал использоваться племенной опыт с учётом новой реальности: цвет знамён совпадал с цветами традиционных *ниру* на охоте; в основе новых *ниру* находились племенные структуры; наконец, при создании иерархии знамённой системы за основу брался привычный чжурчжэням пятичленный способ объединения подразделений. Безусловно, обращение к уже рабочим, проверенным временем схемам облегчало задание построения стабильного государства. В рамках логики эволюционного развития общества формирование знамённой системы оценивается положительно: несмотря на очевидные ограничения в свободе рядовых знамённых, без института знамённых войск не смогло бы произойти слияние разрозненных племён в единую общность маньчжуров, а у чжурчжэней так и не получилось бы «освободиться от варварства и отсталости и вступить в строй цивилизованных наций», что, очевидно, и является главным достижением знамённой системы с точки зрения Лю Сяомэна (Лю Сяомэн 1995, 178, 181, 183, 391).

В XXI веке продолжали выходить работы китайских историков, изучающие отдельные проблемы образования знамённых войск в рамках парадигмы, разработанной Ван Чжунханем и Лю Сяомэном, поэтому нынешние исследова-

ния, скорее, носят уточняющий характер для уже сформулированной концепции китайского маньчжуроведения. Так, историком Чжан Цзяшэном 张佳生 была более подробно рассмотрена проблема знамённой идентичности, существование которой доказывается наличием пласта знамённой литературы, написанной внутри самой системы её представителями (Чжан Цзяшэн 2013, 35–41). Формирование знамённой системы рассматривается как один из главных факторов складывания новой общности из прежде разрозненных племён чжурчжэней — вначале маньчжурской, а впоследствии знамённой (Чжан Цзяшэн 2013, 86, 126).

При знакомстве с нарративами современного китайского маньчжуроведения на примере проблемы формирования восьмизнамённой системы становится очевидным условность жёсткого противопоставления китайской и американской историографических школ. Учёные из двух стран с 1980-х годов достаточно тесно контактировали друг с другом. Факты по формированию знамённых институтов, почерпнутые китайскими учёными из маньчжурских и корейских источников, впоследствии приводили в своих работах американские исследователи¹¹, а идеи, выдвигавшиеся китайцами, получили своё развитие уже в работах западных учёных.

Вместе с тем, хотя некоторые аспекты китайского маньчжуроведения совпадают с подходами их американских коллег (использование маньчжурского языка, отношение к маньчжурским институтам как к само-

¹¹ Например, (Elliott, 2001, p. 56–63).

ценным явлениям цинской государственности), было бы неверным утверждать о полной тождественности их взглядов. Расхождения между китайскими и американскими историками нагляднее всего выражено в разных акцентах в вопросе *китаизации* маньчжуров. Если среди работ современных американских исследователей делается упор на некорректность утверждения об утере маньчжурами собственной идентичности и замещении её на китайскую (Elliott 2001, 16–18; Rawski 1996, 838–842), то для китайских авторов история маньчжуров — это прежде всего пример *естественного* процесса приобщения *менее развитого* народа к достижениям культурного, политического и экономического гегемона, что особенно отчётливо представлено в освещении проблемы формирования знамённой системы как части процесса возникновения маньчжурской государственности. Лю Сяомэн прямо пишет о рассматриваемых им аспектах государственного строительства как о тенденциях китаизации политической системы маньчжуров, что прежде всего выражалось в выстраивании централизованной системы управления, завязанной на фигуре правителя¹². Преобразование знамённой системы из моноэтнической в многоэтническую путём введения китайских и монгольских знамён способствовало в том числе и сокращению отставания в уровне общественного развития маньчжуров, а также ослаблению позиций собственно маньчжурской культуры (Лю Сяомэн 1995, 328). И хотя китайские исследова-

тели не оспаривают наличие особой знамённой идентичности (Чжан Цзяшэн 2013, 35–43) и культуры (Лю Сяомэн, 2008), не подвергается сомнению и решающая роль китайской цивилизации в их формировании как более развитой: так, маньчжуры сравниваются с германскими племенами, попавшими под влияние античной цивилизации и тем самым сформировавшими новую культуру на ином эволюционном уровне общественного развития (Лю Сяомэн 1995, 329, 330). В данной трактовке формирование восьмизнамённой системы рассматривается как возведение прочного «фундамента», который дал возможность впоследствии построить государство с уникальной маньчжурской культурой в рамках китайской цивилизации.

Список литературы

1. Мелихов Г. В. «Бацзи тунчжи» как основной источник по военной организации маньчжуров. *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика)*. Москва: Наука, 1967. С. 54–62.
2. Мелихов Г. В. *Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.)*. Москва: Наука, 1974. 246 с.
3. Пан Т. А. *Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.
4. Скотт Дж. *Против зерна: Глубинная история древнейших государств* / пер. с английского И. Троцук. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 328 с.

¹² Подробнее о коллегиальном правлении как об отличительной особенности кочевых обществ Внутренней Азии в противовес императорской власти в Китае см. (Fletcher, 1985).

5. Хохлов А. Н. Землевладение восьмизнаменных войск в Китае и причины его разложения. *Краткие сообщения Института народов Азии*. 1962. №55. С. 8–31.
6. Bartlett B. S. *Books of Revelations: The Importance of the Manchu Language Archival Record Books for Research on Ch'ing History. Late Imperial China*. 1985; Vol. 6 (2). pp. 25–36.
7. Elliott M. C. *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001. 590 + xxviii p.
8. Elman B. A. *From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in Late Imperial China*. Cambridge, MA: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1990. 368 + xxv p.
9. Fletcher J. F. *Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. Studies on Chinese and Islamic Inner Asia / ed. by Beatrice Forbes Manz. Variorum*, 1995. pp. 236–251.
10. Rawski E. S. Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies*. 1996; Vol. 55 (4). pp. 829-850.
11. Stary G. *Das Kõnchu kichõng toki des Sin Ch'ungil. Matrialien zur Vorgeschichte der Qing-Dynastie / hrsg. von Giovanni Stary*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1996. S. 91-111.
12. Ван Чжунхань. (王钟翰) *Продолжение исследования истории Цин. (清史续考)* Тайбэй: Тайвань хуа ши чубаньшэ, 1993. 369 с. (на кит. яз.)
13. Ван Чжунхань. (王钟翰) *Изложение взглядов Ван Чжунханя. (王钟翰学述)* Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. 277 с. (на кит. яз.)
14. Лю Сяомэн. (刘小萌) *Племена и государство маньчжуров. (满族的部落与国家)* Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1995. 399 с. (на кит. яз.)
15. Лю Сяомэн. (刘小萌) *Общество пекинских знаменных династии Цин. (清代北京旗人社会)* Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2008. 1074 с. (на кит. яз.)
16. Мо Дунъинь (莫东寅). *Восьмизнаменная система – Структура общества ранней Цин. (八旗制度 —— 清初的社会结构)* *Сборник статей по истории маньчжуров. (满族史论丛)* Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1958. С. 95–174. (на кит. яз.)
17. Мэн Сэнь. (孟森) *Исследование восьмизнаменной системы. (八旗制度考实)* *Продолжение исправленного сборника сочинений по истории Мин и Цин. (明清史论著集刊正续编)* Шицзячжуан: Хэбэй цзяюй чубаньшэ, 2000. С. 120–217. (на кит. яз.)
18. Чжан Цзяшэн. (张佳生) *Десять суждений о восьми знаменах. (八旗十论)* Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2013. 346 с.
19. Янь Чуннянь. (阎崇年) *Критический обзор маньчжуроведческих исследований в Китае (1949-1991). (中国满学研究评述 (1949-1991))* *Маньчжуроведческие*

исследования (выпуск первый). (满学研究 (第一辑)) / ред. Янь Чуннянь. Чанчунь: Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1992. С. 298–321. (на кит. яз.)

References

1. Bartlett B. S. Books of Revelations: The Importance of the Manchu Language Archival Record Books for Research on Ch'ing History. *Late Imperial China*. 1985, vol. 6, no. 2, pp. 25–36.
2. Elliott M. C. *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford, CA: Stanford University Press. 2001, 590 + xxviii p.
3. Elman B. A. *From Philosophy to Philology: Intellectual and Social Aspects of Change in Late Imperial China*. Cambridge, MA: Council on East Asian Studies, Harvard University, 1990, 368 + xxv p.
4. Fletcher J. F. Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire. *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia*. Ed. by Beatrice Forbes Manz. Variorum. 1995, pp. 236–251.
5. Khokhlov A. N. Landownership by the Eight Banner Army in China and Causes of Its Dissolution. *Brief Reports of the Institute of the Peoples of Asia*. 1962, no. 55, pp. 8–31. (in Russ.)
6. Liu Xiaomeng. *Manchu's tribes and state*. Changchun: Jilin wenshi chubanshe, 1995, 399 p. (in Chin.)
7. Liu Xiaomeng. *Beijing Bannermen Society in Qing Dynasty*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2008, 1074 p. (in Chin.)
8. Melikhov G. V. Baqi tongzhi: The Main Source on the Manchus' Military Organization. *Far East and Southeast Asian Countries (history and economy)*. Moscow: Nauka, 1967, pp. 54–62. (in Russ.)
9. Melikhov G. V. *The Manchus in the Northeast*. Moscow: Nauka, 1974, 246 p. (in Russ.)
10. Meng Sen. Research on the Eight Banner System. *The Continuation of the Revised Collection of Essays on the Ming and Qing History*. Shijiazhuang: Hebei jiaoyu chubanshe, 2000, pp. 120–217 (in Chin.)
11. Mo Dongyin. The Eight Banner System – Early Qing Society's Structure. *Collection of Articles on the Manchu History*. Beijing: Renming chubanshe, 1958, pp. 95–174. (in Chin.)
12. Pang T. A. *Manchu Written Sources on the History and Culture of the Qing Empire in the 17–18th Centuries*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006, 228 p. (in Russ.)
13. Rawski E. S. Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History. *The Journal of Asian Studies*. 1996, vol. 55, no. 4, pp. 829–850.
14. Scott J. *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. Translated from English by I. Trocuk. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2020, 328 p. (in Russ.)
15. Stary G. *Das Kōnchu kichōng toki des Sin Ch'ungil. Matrialien zur Vorgeschichte der Qing-Dynastie*. Hrsg. von Giovanni Stary. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1996, S. 91–111.

16. Wang Zhonghan. *The Continuation of the Qing History Research*. Taipei: Taiwan hua shi chubanshe, 1993, 369 p. (in Chin.)
17. Wang Zhonghan. *Exposition of Wang Zhonghan's views*. Hangzhou: Zhejiang renmin chubanshe, 1999, 277 p. (in Chin.)
18. Yan Chongnian. A Critical View on the Manchu Studies in China (1949-1991). *Manchu Studies (Book One)*. Ed. by Yan Chongnian. Changchun: Jilin wenshi chubanshe, 1992, pp. 298-321 (in Chin.)
19. Zhang Jiasheng. *Ten Judgments about Eight Banners*. Shenyang: Liaoning minzu chubanshe, 2013, 346 p.

Сведения об авторе

Ильюхов Александр Алексеевич,

Младший научный сотрудник
Институт восточных рукописей Российской академии наук
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18
alexsmol96@gmail.com

Information about the author

Aleksandr A. Iliukhov

Junior researcher
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Science
18 Palace Embankment Saint Petersburg
191186 Russia
alexsmol96@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Art films in China: current status, trends and prospects

Художественное кино в Китае: текущее состояние, тенденции и перспективы

Исаев Александр Сергеевич

Институт Китая и современной Азии РАН

Aisaev51@mail.ru

Alexander S. Isaev

Institute of China and Contemporary Asia

of the Russian Academy of Sciences

Aisaev51@mail.ru

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2023-109-120](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2023-109-120)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением в Китае артхаусного кино, как формы развития независимого киноискусства. Автор исходит из того, что кинематограф, как современная форма искусства, прошло через несколько этапов. Но главным, что определило его прогрессирующее развитие, можно назвать его массовость и общедоступность, а также основополагающий функционал задач, которые им реализуются.

Функциональность современного кино заключается в том, что оно ретранслирует запросы социума на то самое общество, которое и формирует эти запросы. Поэтому в развитии кино прослеживаются две очевидные тенденции. Во-первых, учитывая его массовость и доступность, кино развивалось в направлении упрощенности, что привело к освоению огромного количества популярных в народе жанров, делающих фильмы понятными и интересными массовому зрителю. Во-вторых, наряду с этим кино эталонизировалось, что объяснялось потребностью образован-

ABSTRACT

The article deals with the development of art films in China as an independent direction in Chinese cinema. The author assumes that the development of cinema as a modern art form has evolved through several stages. But the main reason that determined its progressive development was its mass character and general accessibility along with the main functionality fulfillment of cinema. The author emphasizes that the functionality of cinema lies in the fact that cinema relays the demands of society back to the same society that forms these demands. Therefore, two obvious trends can be traced. Firstly, given its mass character and accessibility, cinema has been simplified, which led to the emergence of a huge number of genres popular among the people. This trend made cinema understandable and interesting to the mass audience. Secondly, at the same time, cinema was standardized, which was explained by the need among a more educated and intellectually advanced audience for more complex and "smart" forms of cinema. These two trends formed two types of cinema into which film specialists usually divide

ной и интеллектуально продвинутой аудитории в более сложных и «умных» произведениях.

Эти две тенденции обусловили возникновение двух типов кинотворчества, на которые специалисты обычно разделяют кино: продюсерское, к которому относят коммерческие киноленты, учитывающие вкусы массового зрителя, и авторское, или артхаусное, — для элитарного зрителя; как правило, это низкобюджетные, «странные» киноленты независимых кинопостановщиков, пытающихся представить собственный взгляд на жизнь и развитие человеческого общества. Иногда его называют «кино для избранных», «для тех, кто понимает».

Из-за проникновения идеологии во все сферы китайского социума в течение длительного времени бытовало мнение, что в китайском кинематографе отсутствует авторское, или артхаусное кино.

Основной массив публикаций о современном китайском артхаусном кино сконцентрирован в сетевых изданиях, посвященных истории развития самого массового вида искусства. Эти публикации ориентированы преимущественно на массового читателя и по своему содержанию носят, скорее, не научный, а популярный характер. Серьезные исследовательские работы крайне редки. Среди них следует выделить статью «Искусство китайского кино» О.В. Шубаро, которая анализирует процессы в современном китайском кинематографе и подчеркивает их дуалистичность. «В современном китайском кино сосуществуют разные тенденции — процесс коммерциализации, с одной стороны, и развитие артхаусного кино, с другой; разные жанры — боевики, мелодрамы, исторические драмы, коме-

cinematic content: producer cinema and arthouse (or art films).

Producer cinema usually includes commercial films that takes into account the tastes of the mass cinema audience. Arthouse, on the contrary, is focused on elites, art films are normally low-budget and represent “weird” films made by independent filmmakers who try to present their own view of the life and development of human society. Sometimes such cinema is called “cinema for the elite, those who understand.”

Consequently, for a long time it was believed that there is no independent and arthouse cinema in China due to the spread of ideology into all spheres of the Chinese society.

The purpose of this study is to show the existence of deeper processes in the Chinese cinema other than just the industrialization of film production in the country. Based on the methods of logical and social analysis, the author attempts to identify and underline the key features of arthouse development in China, and determine the degree of dependence of the most influential film directors on the political and ideological attitudes of the authorities. The author also demonstrates social orientation of Chinese art cinema.

The majority of publications on modern arthouse Chinese cinema is currently concentrated in online resources devoted to the history of cinema. These publications are focused mainly on the mass reader and, in terms of their content, are rather not of scientific, but of popularization in nature. Serious research works are extremely rare. Among such works, the author singles out the article “The Art of Chinese Cinema” by O. V. Shubarо, which not only explores the processes in modern Chinese cinema,

дии; ориентация на западные стандарты кинематографа и сохранение особенностей национальной культуры».

Родоначальниками современного авторского кино в КНР принято считать мэтров континентального Китая — режиссеров Чжан Имоу (张艺谋) и Чэнь Кайгэ (陈凯歌).

Ключевые слова: артхаус, авторское кино, социальные проблемы, китайский кинематограф.

Для цитирования: Исаев А. С. Художественное кино в Китае: текущее состояние, тенденции и перспективы. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том 5 (3). С. 109-120 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-109-120>

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1984 году режиссер Чэнь Кайгэ снял дебютную режиссерскую киноленту «Желтая земля» (黄土地). Эта картина, кажущаяся, на первый взгляд, затянута, до сих пор считается эталоном китайского авторского кино. В этой ленте рассказывается история солдата НОАК, который оказался в горной отсталой деревне, находящейся под гоминьдановским управлением, и ведет борьбу за умы бедных крестьян, рассказывая им, как изменится их край, если победит компартия. Действие картины развивается монотонно, на фоне унылых, желтых, глинистых пейзажей, один вид которых навевает безысходность и полное отсутствие какой-либо перспективы.

but also emphasizes their duality. “Different trends coexist in modern Chinese cinema — the process of commercialization on the one hand, and the development of art-house cinema on the other; different genres — action films, melodramas, historical dramas, comedies; orientation to Western cinema standards and preservation of the peculiarities of the national culture”. The founders of modern arthouse cinema in China are considered to be the masters of the Chinese cinema, directors Zhang Yimou (张艺谋) and Chen Kaige (陈凯歌).

Keywords: arthouse, art film, social topic, Chinese cinema.

For citation: Isaev A.S. Art films in China: current status, trends and prospects. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 109-120 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-109-120>

Выход фильма на экраны страны совпал с 10-летием начала политики реформ и открытости внешнему миру, и уже появились первые, но весьма обнадеживающие результаты экономических преобразований. Поэтому основные идеи картины на фоне прошлой безрадостной жизни на желтой земле выглядели весьма оптимистично.

В 1987 году коллега Чэнь Кайгэ по цеху режиссер Чжан Имоу (张艺谋) выпустил дебютный фильм «Красный гаолян» (红高粱). Лента снята по повести будущего лауреата Нобелевской премии Мо Яня, и она сразу же привлекла к себе внимание, благодаря острым социальным проблемам, отраженным в этой необычной картине, действие которой происходит

в лепрозории для прокаженных. В 1988 г. Фильм удостоился приза «Золотой медведь» на 38-м Берлинском кинофестивале. «Красный гаолян» стал первым современным китайским фильмом, попавшим в США в коммерческий прокат. Затем появился его же фильм «Жить» — жесткое повествование о разрушительном влиянии «культурной революции» на судьбы китайцев. В прокат кинокартина так и не попала, но ее увидели в Европе и заговорили о Чжан Имоу, как о диссиденте; с тех пор каждый его новый фильм встречали с восторгом.

Таким образом, родоначальниками современного авторского кино в КНР принято считать режиссеров континентального Китая Чжан Имоу и Чэнь Кайгэ, расцвет творчества которых пришелся на период после 1976 года, т.е. после так называемой «культурной революции».

Заметим, что авторское кино в континентальном Китае в течение долгого времени считалось декадентским и вредным для распространения в обществе, в котором господствует социалистическая идеология. Заметим, что отдельных терминов для артхаусного и авторского кино в китайском языке нет. И то, и другое называют одинаково «и-шу дянь-ин» (艺术电影). Определения же этих понятий, даваемые китайскими киноэнциклопедиями, не столь однозначны.

По одной трактовке артхаус, или авторское кино, определяется как «другое кино» — понятие, под которым обычно подразумевают пласт кинематографа «не для всех». Это фильмы, «изобилующие новаторскими приемами, нестандартными визуальными средствами,

провокационными или крайне тяжелыми темами, оригинальными художественными возможностями».

Согласно другому определению из энциклопедий, авторское кино — это «такое кино, которое смотрят либо ярые киноманы, либо интеллектуалы, либо желающие выделиться на фоне любителей мейнстрима (растиражированных комедий, ужастиков, боевиков). Чаще всего артхаус сложно смотреть, еще труднее понимать и практически невозможно интерпретировать».

Вместе с тем, по общему мнению китайских кинокритиков, артхаус, как кино для избранных, — экспериментален; в нем нет четких законов и рамок, за что его еще называют «авторским кино», когда автор снимает картину в соответствии с собственным замыслом и использует для этого наиболее выразительные, по его мнению, приемы визуализации.

Сразу скажем, что китайское авторское или артхаусное кино имеет ряд существенных отличий от европейских и восточноазиатских аналогов. Европейское и восточноазиатское авторское кино (преимущественно южнокорейское, японское, отчасти, филиппинское, а также индонезийское) кобцентрируются на показе темных сторон человеческой психики и наполнены сценами секса, жестокостей, физического и психологического насилия. Китайские кинематографисты предлагают иную концепцию артхаусного кино. Они предпочитают показ реальной жизни и реальных проблем и не занимаются самокопанием и демонстрацией психопатологических проявлений человеческого бытия.

В этом контексте весьма показателен фильм «Пока смерть не разлучит нас» (2011, 最爱). Эту ленту о любви считают одной из интереснейших романтических киноисторий за последние годы, и она является первой режиссерской работой известного китайского кинооператора и режиссера пятого поколения Гу Чанвэя (顾长卫). Гу Чанвэй учился вместе с Чжан Имоу, Чэнь Кайгэ, затем участвовал в съемках их фильмов «Красный гаолян» и «Прощай, моя наложница». Был оператором у многих кинознаменитостей, в том числе у Роберта Олтмена в фильме «Леший».

Гу Чанвэй в фильме «Пока смерть не разлучит нас» сумел предложить совсем неожиданную и печальную версию современной любви, основанную на реальных трагических событиях.

В основе фильма — трагедия конца 1990-х, когда обнаружилось, что несколько сотен крестьян-доноров в одном из сельских уездов провинции Хэбэй заразились СПИДом. Сдача крови не принесла им благосостояния. Вместо денег у них — одни страдания, страшная моральная, физическая и психологическая боль. Но, даже медленно умирая, они продолжают жить. Происходящее на экране выглядит как сплошной сюрреализм.

В фильме показана удивительная история любви Цинь-цин и Дэ'и. Она — замужем, а он — женат. Но они давно не имеют ничего общего со своими законными супругами. Их любовь взрывает деревню, которая осуждает их за прелюбодеяние и нарушение традиций семьи, хотя многие тайно сочувствуют им. А у влюбленных — своя правда и своя мечта. Они любят и хотят

пожениться, хотя и обречены. В ленте несколько сюжетных линий. Это и каскад трагических и комических эпизодов с участием всех, а не только главных героев, это и тема меркантилизма, когда жажда наживы разрушает родственные чувства и любовь; например, законный муж, фактически, продал свою жену сопернику за то, что тот отписал ему свой дом.

Сначала они добиваются развода, затем борются за то, чтобы их брак был зарегистрирован, а далее, в соответствии с деревенскими традициями, угощают всех свадебными конфетами, стремясь преодолеть отвращение односельчан к себе. От новобрачных шарахаются, их с презрением прогоняют, от них убегают. Для героев же главное другое — они не бегут от судьбы и делают все возможное, чтобы чуть-чуть продлить друг другу жизнь; а ее остаток они хотят прожить вместе, и чтобы после смерти в гроб их положили вдвоем. Умиравшая Цинь-цин как-то сказала своему возлюбленному: «Единственное, что есть у человека, — это его лицо (китайский эквивалент понятия «совесть», «честь»). Остальное не имеет значения». Оба героя своими последними днями жизни доказывают, что жить по совести, уважать людей, даже если они тебя отвергают, на самом деле, так просто! Для этого нужна самая малость — любовь.

Фильм завораживающе красив своей трагичностью. В нем столько запоминающихся характеров, что хватило бы на сериал.

Принято считать, что сегодня основным поставщиком артхаусного кино на кинорынки мира стал восточноазиатский кинематограф,

в котором китайское авторское кино постепенно занимает лидирующие позиции, поскольку оно стало более понятным зрителям и особенно — молодым.

Главной особенностью китайского авторского кинотворчества является то, что оно объединило три направления восточноазиатского кинопроизводства: тайваньского, гонконгского и континентального Китая. Все эти направления длительное время развивались независимо друг от друга и выработали собственные особые киноязык, визуальную стилистику и эстетику.

В начале 2000-х на экраны вышла лента «Миллениум Мамбо» тайваньского режиссера Хоу Сяояня (侯孝賢). По своей идейной насыщенности и направленности лента выглядит как гимн тайбэйской молодежи нового тысячелетия. Молодежь Тайбэя 2000-ых — фанаты рейв-тусовок, алкоголя и психотропных веществ, которые чувствуют себя на танцполе хозяевами жизни. Но вне ночных клубов они утопают в проблемах, вызванных своеобразным образом жизни.

В центре этой истории — девушка Вики, рассказывающая о своей молодости в первых годах нового тысячелетия. Действие фильма разворачивается в городе Фэньян провинции Шаньси вокруг любительской театральной труппы; судьба каждого из членов отражает те социально-экономические изменения, которые произошли в китайском обществе. Этот фильм о том, как молодежь торопится жить, не оглядываясь назад и не накапливая опыта.

Эта лента попала в американский прокат и участвовала в конкурсной программе 54-го Каннского международного кинофестиваля, а также была удостоена нескольких национальных и международных премий. Французские критики поставили «Миллениум Мамбо» на шестую строчку в своем рейтинге лучших фильмов первого десятилетия XXI века.

Однако безусловным корифеем тайваньского артхаусного кино следует считать режиссера-китайца малайзийского происхождения Цай Минляна (蔡明亮). Начав кинематографическую карьеру в начале 1990-х гг., Цай Минлян снял 13 художественных фильмов, которые вошли в мировой список классики авторского кино:

Самым известным фильмом, вызвавшим бурные споры в кинематографических кругах, стал «Бродячие псы». В 2013 г. он был с интересом встречен любителями артхаусного кино на Московском международном кинофестивале. Российский журнал «Искусство кино» в октябре того же года так описывал содержание фильма, проникнутого одиночеством, глубочайшей грустью и какой-то внутренней отрешенностью: «В «ничьем» пространстве заброшенных домов бродят «ничьи» люди — семейство бомжей, — отец и двое детей: мальчик и девочка. Они очень любят друг друга, и это сразу видно зрителю.

Вообще-то их отец и мать работают: она сортирует просроченные продукты в ближайшем магазине, а он — человек-реклама. Цай Минлян любит показывать мир отверженных, их копанье в суете жизни, их беспредельное и безысходное одиночество. В этом смысле «Бродячие псы» считается очень близким

по духу кинофильмам «Не могу спать одна», «Дыра», «Капризное облако». И в них, и в «Бродячих псах» (пожалуй, самых известных лентах тайваньского режиссера) главный герой — человеческое одиночество: одиночество мужчины, женщины, детей, семьи в целом; так что Цай Минляна можно назвать скрупулезным исследователем одиночества.

Авторское кино Сянгана значительно отличается от тайваньского артхауса, в котором любят демонстрировать трагедию одиночества человека в самой населенной стране мира. Обзор авторского кино Гонконга (Сянган) хотелось бы начать с кинокартины, вышедшей в 2000 г, режиссера Вонг Кар Вая (Ван Цзявэй, 王家衛) под названием «Любовное настроение» («花样年华»). Необычен заголовок фильма на китайском языке, который можно перевести как «Проделки времени», или «Времена ухищрений», хотя «Любовное настроение» также неплохо передает необычность любовных ожиданий и глубину предчувствий, которые пытался отразить в своем фильме Вонг Кар Вай.

Сюжет фильма очень прост: главные герои — Чоу (его играет Тони Люн, 周潤發, китайское имя — Лян Чаовэй) и Су (в исполнении Мэгги Чун, китайское имя — 張曼玉, Чжан Маньюй) снимают комнаты в одном доме. У него есть жена, у нее — муж, и, судя по мелким деталям и признакам, их супруги знакомы и даже близки. Постепенно герои сближаются, между ними возникает нечто, усиливающее тягу друг к другу. Романтическое чувство остается необычайно сильным, волшебным, но мужчина и женщина не переходят той зыбкой грани,

за которой начинается измена. Весь фильм пронизан глубоким и мощным любовным настроением, сильным эротизмом, предчувствием чего-то очаровательного, хотя в ленте нет ни одного эротического кадра.

Но вернемся к артхаусному кино континентального Китая. В 2013 году на экраны страны вышла авангардная кинолента «Прикосновение греха» («A Touch of Sin», 《天注定》), которая вызвала бурную реакцию со стороны зрителей и критиков, что, в общем-то, было закономерно, поскольку в фильме были подняты острые социальные проблемы. Ленту снял известный в Китае и за рубежом кинорежиссер и сценарист Цзя Чжанкэ (贾樟柯), который в 2006 году за фильм «Натюрморт» (в оригинале «Хороший человек из Санься» 《三峡好人》) получил Золотого льва на Международном кинофестивале в Берлине. Выпускник Пекинской киноакадемии, Цзя Чжанкэ давно тяготеет к непростым современным темам и острым социальным проблемам. Хотя его ленты отличаются особой камерностью, тем не менее, его художественные картины переполнены парадоксальной поэтикой, остротой и злободневностью.

Творчество режиссера достаточно хорошо освещено не только в сетевых изданиях, но и в научных монографиях, поэтому остановимся на одной из его последних актуализированных короткометражных лент. Сюжет короткометражки «В гостях» уложился в полторы минуты, но за это время режиссер убедительно показал, как пандемия коронавируса мгновенно уничтожила народные традиции китайской

нации, существовавшие десятки столетий. Оказалось, достаточно одной сцены, когда гостю вместо дымящейся чашки чаю подают на подносе антисептик.

Что касается «Прикосновения греха» Цзя Чжанкэ, то китайские критики назвали ленту «широкой фреской современного Китая, поглощаемого стремительно наступающим капитализмом». Другие заявили о том, что эта кинолента Цзя Чжанкэ — «маленькая эпопея проблемы огромных размеров», в которой режиссер «изучает эпохальные изменения человечества через показ маленького человека». В этом кинофильме режиссер не пытается давать оценки или «прятать» негативные явления, происходящие в современном Китае. Он, как писали журналисты, лишь визуально фиксирует то, что происходит в обществе, когда «прогресс бьет тебя прямо в лицо».

Китайское экономическое чудо, по Цзя Чжанкэ, сопровождается морально-нравственными противоречиями и коррупцией, ги; причем, неважно, где это происходит: в Китае или какой-нибудь другой стране. Любая промышленная революция — следует из фильма — порождает несправедливость и насилие. В результате маленький человек, движимый отчаянием и жадой денег, берется за оружие, чтобы отстаивать свои интересы.

Фильм состоит из нескольких киноновелл, что отражает увлеченность Цзя Чжанкэ короткометражными лентами, позволяющими концентрировано и буквально на надрывной эмоциональности обнажить и исследовать проблему. Картина не стала лидером китайского

проката, зато завоевала Золотую пальмовую ветвь на Каннском кинофестивале в 2013 году за лучший киносценарий. Более того, китайские критики и кинозрители включили ее в десятку лучших художественных лент 2013 года.

Для китайской современной кинодрамы характерна одна важная черта: кино очень быстро откликается на животрепещущие социальные проблемы, исследует новые побудительные мотивы поступков людей, их меняющуюся психологию. В этом смысле весьма показательна лента «В плену паутины». Этот фильм стал заметным явлением в китайском кинематографе, прежде всего, благодаря тому, что снял его живой киноклассик — режиссер Чэнь Кайгэ.

Авторское кино закономерно акцентирует свое внимание на социальных проблемах. Именно в этой сфере концентрируется огромное количество вопросов, которые беспокоят думающего зрителя, поэтому многие китайские кинопроизводители снимают острые социальные картины на самые злободневные темы. Эта тенденция продолжает развиваться, в результате чего за последние два года на экраны Китая вышло несколько картин, в которых поднимаются проблемы и раскрываются острейшие негативные явления, само существование которых еще недавно категорически отрицалось. Главное — не покушаться на политические обобщения и не заострять внимание на политике властей.

В 2018 году на киноэкраны вышла лента, которая шокировала отечественного и иностранного кинозрителя своей правдой. Речь идет о картине 28-летнего режиссера,

монтажера, сценариста и писателя Ху Бо (胡波) «Большой слон тихо сидит на северо-востоке» (大象席地而坐).

Несмотря на сложную идею, зашифрованную в картине, жюри Берлинского кинофестиваля оценило кинофильм Ху Бо, и он удостоился двух призов Берлинского кинофестиваля, в том числе высшего — Золотой медведь, а также вошел в список претендентов на премии кинофестивалей в Локарно и Сан-Себастьяне.

Ху Бо как бы предупреждает своих соотечественников о том, что, если они и дальше продолжат уничтожать традиционные моральные и культурные ценности, то людей ждет большая трагедия, и чтобы ее не произошло, нужно срочно вернуть на волю того самого большого слона, и это сможет спасти общество от самоуничтожения.

Производство первого полнометражного фильма «Большой слон сидит спокойно» началось в 2016 году. Закончив съемки, режиссер покончил с собой 12 октября 2017 года в возрасте 29 лет. Точная причина трагедии неизвестна, и более подробно о судьбе талантливого режиссера хотелось бы написать отдельно. Но, в какой-то степени, в его единственном фильме автор пытается намекнуть нам на причину своего отчаянного поступка через своих героев.

На фестивале авторского кино Китая в России это был самый ожидаемый фильм; ажиотажу вокруг ленты способствовала и трагическая гибель режиссера. 20 октября 2018 года в московском кинотеатре «Октябрь» орга-

низовали единственный показ фильма «Большой слон сидит спокойно».

В 2017 году вышел и сразу же появился в российских онлайн кинотеатрах остроразоблачительный фильм режиссера Ли Яна (李杨) «Дао слепых» (он же — автор упоминавшейся «Слепой горы» о похищении людей). В фильме поднимается острейшая тема нищих и попрошайничества в Китае, одном из самых богатых государств XXI столетия. В картине рассказывается история обанкротившегося бизнесмена, который находит новое доходное место в подземном переходе, где, притворившись слепым калекой, собирает милостыню. Благодаря милосердию горожан, собранных денег хватает на скромную квартиру, вкусный ужин и женщину с низкой социальной ответственностью.

В «Дао слепых» 60-летний автор и исполнитель главной роли Ли Ян подтвердил свою репутацию смелого режиссера остросоциальной драмы. В отличие от своих коллег по цеху, Ли Ян берется за киноразработку совершенно конкретных, практических проблем — именно таковы «Слепая гора» о похищениях женщин и детей, «Дао слепых» о мире китайских попрошайек, короткометражка «Глухая шахта» о несовершеннолетних работягах, которые трудятся в забоях и штреках.

Следует сказать, что 2017-2018 годы стали весьма урожайными на качественное, остросоциальное кино. Российские кинозрители имели возможность посмотреть новейшие социальные ленты благодаря кинофестивалю китайского авторского кино, организованному Институтами Конфуция в Новосибирске,

Москве и Санкт-Петербурге весной 2018 года. Тема жизни слепых людей, поисков ими смысла существования при ограниченных возможностях неожиданно ярко и невероятно глубоко была показана в киноленте.

В рамках фестиваля в России увидели новую картину режиссера Цзя Чжанкэ (贾樟柯) «Пепел — самый чистый белый» (китайский вариант названия — «Дети уголовной среды», «江湖儿女», 2018 г.). В китайском названии слова «уголовная среда» передаются иероглифами «реки и озера», «цзян-ху». Поначалу так называли общество героев-отшельников, но затем термин распространился на различные криминальные круги — гангстеров, мелких бандитов и триады.

Картина развития авторского кино в Китае будет неполной, если не вспомнить о режиссере Лоу Е (婁燁), которого считают самым неоднозначным кинопостановщиком. Его фильмы с трудом доходили до кинозрителей из-за препон со стороны кинематографических чиновников. Лучшим достижением режиссера Лоу Е считается великолепный «Массаж вслепую» («推拿»), удивительно тонкий и пронзительно грустный фильм о жизни слепых. Картина весьма афористична и подкупает своей искренностью. «У всех людей слезы разные, но причины, по которым хочется плакать, — одинаковые», — говорит одна из героинь фильма. И в этой простой человеческой аксиоме звучит глубокая философская мысль о трагичности жизни человека с ограниченными возможностями, понятная и физически здоровым людям. Совершенно мистически звучит вопрос главно-

го героя фильма, слепого массажиста: «По каким критериям слепой человек определяет красоту?» Ответ на этот вопрос предлагается найти самому зрителю.

ВЫВОДЫ

Анализ развития авторского кино в Китае за последние годы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, создатели артхауса акцентируют внимание на острых социальных проблемах и используют для этого сложный киноязык и новую визуальную эстетику, демонстрируя нам авторское видение окружающего мира.

Во-вторых, социальная авторская кинодрама сегодня занимает заметное место в системе китайского кинопроизводства; кинематографические власти, как правило, не препятствуют творческой инициативе режиссеров, сценаристов и операторов. Такой подход объясняется желанием Пекина продемонстрировать миру свободу самовыражения в среде творческой интеллигенции страны. К тому же, социальное кино в современном кинематографе КНР участвует в крупнейших международных кинофестивалях, где часто завоевывает почетные призы, что чрезвычайно полезно для повышения престижа Китая за границей.

Во-третьих, по набору остросоциальных тем, которые поднимают китайские кинематографисты, легко сделать вывод о том, что в Китае нет табуированных тем, однако, если обнаружится что-либо не устраивающее чиновников, фильм не получит прокатной лицензии и будет отправлен на полку.

В-четвертых, китайские кинорежиссеры в своих социальных лентах, как правило, рассказывают о последствиях социальных проблем, и почти не пытаются разобраться в причинах их возникновения. Поэтому в таких кинолентах отсутствует прямая критика политики КПК или правительства. Такой подход позволяет авторам даже в самых острых кинокартинах избегать политических ловушек, за которыми могут последовать санкции властей.

В-пятых, сегодня в распоряжении кинопродюсеров оказался мощный и весьма разнообразный жанровый инструментарий для производства ярких авторских кинолент. Причем, наиболее часто используемыми жанрами становятся триллер, криминальное кино, а также, разумеется, авторское кино, поскольку именно в них заложены острые социальные конфликты и мотивации. Логично предположить, что эти жанры и в дальнейшем будут развиваться наиболее активно и быстрыми темпами.

Список литературы

1. А.С. Исаев Китайский кинематограф нового тысячелетия. ИДВ РАН, МОСКВА, 2016, 274 стр.
2. А.С.Исаев. Социальная тема в современном китайском кино ж Проблемы Дальнего Востока. № 5, 202
3. Азиатский артхаус. Часть 4. Китай. Сетевое издание Art Traffic. Культура. Искусство. URL: https://vk.com/wall-52526415_11918 09.07.2016.
4. Искусство китайского кино. О.В. Шубаро. III межд. науч. конф. «Китайская цивилизация в диалоге культур»: Пути Поднебесной. Сборник научных трудов. Т. 2, ч. 1., Минск: РИВШ, 2013
5. Канны 2015: Цзя Чжанке. Сдвигая горы. Интервью с китайским кинорежиссером. Сетевое издание «Культпросвет» URL: http://www.kultpro.ru/item_553/ Дата обращения 30.08.2022
6. «Легко и свободно». Китайский артхаус как он есть. Ольга Балабанова. Сетевая публикация URL: <https://restodessa.od.ua/legko-i-svobodno-kitajskij-artxaus-kak-on-est/> Дата обращения 12.05.2022
7. Цай Минлян и Ли Каншэн — Фиксируя время. Ольга Смирнова. Сетевой журнал «Кинотексты». URL: https://cinetexts.ru/ming_liang_kang_sheng Дата обращения 12.05.2022
8. Цай Минлян: «Сердечная разруха» тайваньского режиссера. Валерий Мусиенко. Магазета. Сетевое издание о Китае. URL: <https://magazeta.com/cai-mingliang> Дата обращения 13.04.2022
9. Эволюция элитарного и массового кино. Андрей Ишонин. L'umiere. Независимый журнал от киноманов для киноманов. Сетевое издание. URL: <https://www.lumiere-mag.ru/evolyuciya-elitarnogo-i-massovogo-kino/> дата обращения 12.05.2021
10. Байду байкэ [Энциклопедия Байду] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%89%>

BA%E6%9C%AF%E7%94%B5%E5%BD%
B1/2667848?fr=aladdin Дата обращения
22.09.2022. (На кит.)

References

1. B.A.S. Isayev Kitayskiy kinematograf novogo tysyacheletiya. IDV RAN, MOSKVA, 2016, 274 str.
2. A.S. Isayev. Sotsial'naya tema v sovremennom kitayskom kino zh Problemy Dal'nego Vostoka. № 5, 202
3. Asian arthouse. Part 4. China. Online edition of Art Traffic. Culture. Art. URL: https://vk.com/wall-52526415_11918. Accessed 09.07.2016.
4. Cai Mingliang: Taiwanese director's "heartbreak". Valery Musienko. Magazeta online publication about China URL: <https://magazeta.com/cai-mingliang> Accessed 13.02.2022
5. Cai Minliang and Li Kangsheng — Time marking. Olga Smirnova. Network magazine "Kinotexty" URL: https://cinotexts.ru/ming_liang_kang_sheng Accessed 10.09.2020
6. Cannes 2015: Jia Zhangke. Moving mountains. Interview with a Chinese film director. Network publication "Kultprosvet" URL: http://www.kultpro.ru/item_553/ Accessed 30.08.2022
7. Evolution of elite and mass cinema. Andrey Ishonin. L'umiere. Independent magazine from cinephiles for cinephiles Online edition. URL: <https://www.lumiere-mag.ru/evolyuciya-elitarnogo-i-massovogo-kino/> Accessed 11.09.2013
8. "Freely and easily". The Chinese arthouse as it is. Olga Balabanova. network publication URL: <https://restodessa.od.ua/legko-i-svobodno-kitajskij-artxaus-kak-on-est/> Accessed 16.07.2017
9. The art of Chinese cinema. O.V. Shubarov. III int. scientific conf. "Chinese Civilization in the Dialogue of Cultures: Ways of the Middle Kingdom". Collection of scientific papers. V. 2, p. 1. Minsk: RIVSH, 2013
10. Baidu baike. [Baidu Encyclopedia] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%89%BA%E6%9C%AF%E7%94%B5%E5%BD%B1/2667848?fr=%20Aladdin%20> Accessed 4.06.2022 (In Chinese).

Сведения об авторе

Исаев Александр Сергеевич

Институт Китая и современной Азии РАН
Aisaev51@mail.ru

Information about the author

Alexander S. Isaev

*Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
Aisaev51@mail.ru*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

On the origins of leishu 類書 ("classified books") encyclopedic texts in China

Об истоках формирования энциклопедических текстов лэйшу 類書 («книги с [разбиением] на категории») в Китае

Клементьева Татьяна Владимировна

Институт восточных рукописей Российской академии наук; Санкт-Петербургская школа социальных наук и Востоковедения Научно-исследовательского института Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

tklementeva1297@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5964-4618>

Tatiana V. Klementeva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies of Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

tklementeva1297@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5964-4618>

УДК 930 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-121-139](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-121-139)

АННОТАЦИЯ

В эпоху Лючао 六朝 («Шесть династий», 220–589) в Китае начали активно составляться энциклопедические тексты лэйшу 類書 («книги с [разбиением] на категории»). Их создание было обусловлено целью, с одной стороны, сохранить фрагменты древних текстов, а с другой стороны, сделать удобным использование большого накопившегося массива литературы. Тем не менее, истоки формирования жанра лэйшу можно проследить уже на примере трактатов эпохи Хань 漢 (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.), например, «Бай ху тун» 白虎通 («Всепроницающие

ABSTRACT

During the Liuchao period 六朝 ("Six Dynasties", 220–589), encyclopedic texts leishu 類書 ("classified books") began to be actively compiled in China. Their creation was due to the goal, on the one hand, to preserve the ancient texts, and on the other hand, to make it convenient to use the large accumulated body of literature. However, the origins of the leishu genre can already be traced back to the treatises of the Han era 漢 (202 BC – 220 AD), for example, Baihutong 白虎通 ("All-penetrating [Discussions in the Hall] of the White Tiger") and Fengsu tongyi 風俗通義 ("Penetrating

[дискуссии в зале] Белого Тигра») и «Фэн су тун и» 風俗通義 («Проникновение в смысл поветрий и обычаев»). Задачей данного исследования было установить параллели в методах работы и организации наиболее ранних дошедших до нас энциклопедий и вышеупомянутых ханьских трактатов путем их сравнительного анализа. В результате исследования было показано, что для «Фэн су тун и» и «Бай ху туна» черты лэйшу наблюдаются не только в широте охваченного материала, но и в структуре представления содержания в ряде глав: в использовании глосс и определений для всех ключевых понятий, обильном цитировании классических текстов для их характеристики, а также расположении материала от наиболее важного к наименее важному.

Ключевые слова. лэйшу, ранние китайские энциклопедии, «Фэн су тун и», «Бай ху тун», «И вэнь лэй цзюй», «Бэй тан шу чао»

Для цитирования: Клементьева Т.В. Об истоках формирования энциклопедических текстов лэйшу 類書 («книги с [разбиением] на категории») в Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 142-139 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-121-139>

Текст работы / Full text

Когда человек столкнулся с проблемой быстрого увеличения объема текстов, им же создаваемых, хранимых и воспроизводимых, перед ним встала насущная потребность перерабатывать, систематизировать, делать доступ-

into the Meaning of Traditions and Customs"). The purpose of this study was to establish parallels in the methods of work and organization of the earliest extant encyclopedias and the aforementioned Han treatises through their comparative analysis. As a result of the study, it was shown that features of leishu in "Feng su tong yi" and "Bai hu tong" are observed not only in the breadth of the material covered, but also in the structure of content: in the use of glosses and definitions for all key concepts, abundant citations of classical texts to characterize them, as well as the arrangement of material from the most important to the less important.

Keywords. leishu, early Chinese encyclopedias, Fengsu tongyi, Baihutong, Yiwen leiju, Beitang shuchao

For citation: Klementeva T.V. On the Origins of Leishu 類書 ("classified books") Encyclopedic Texts in China. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 142-139 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-121-139>

ным для использования большое количество информации. Одним из способов осуществить это стало создание энциклопедий, справочников, словарей, каталогов, антологий, компендиумов и т.п. Цель их составления была сугубо

прагматичной, а работа с ними обычно подразумевала не чтение от начала до конца, как в случае с обычной книгой, а периодическое консультирование, поиск информации по конкретным вопросам.

В Китае первые энциклопедии, которые позже стали обозначать термином *лэйшу* 類書 («книги с [разбиением] на категории»)¹, появились в эпоху Лючао 六朝 («Шесть династий», 220–589). Они представляли собой собрания, где содержание было структурировано систематически, то есть поделено на многочисленные тематические категории: от ритуала, одежды и еды до географии и музыки и т.д. Хотя по широте охватываемого материала они, безусловно, имели сходство с западными энциклопедиями, современная американская исследовательница Джэсси Чу (Jessey J.C. Choo) справедливо отметила, что более точный термин для обозначения, как минимум, части из них — флорилегий² (Early Medieval Chinese Texts... 2015, 455). Действительно, *лэйшу* не представляли собой исчерпывающее обозрение разных областей знания, а часто являлись собранием выдержек из авторитетных и известных текстов по разным темам. Такие собрания могли служить вспомогательным материалом во время составления сочинений или учебного про-

цесса (Dewoskin 1986, 526). Отсюда следует, что одной из основных задач для составителей *лэйшу* было точное воспроизведение фрагментов других текстов и отбор наиболее репрезентативных цитат по той или иной теме.

Другую, незначительную в количестве, но весомую по объёму часть того, что именуют *лэйшу*, представляли собой антологии. Примерами могут являться поздние *лэйшу*, такие как «Тайпин гуан цзи» 太平廣記 («Обширные записи [периода под девизом правления] Тайпин»), литературное собрание «Вэнь юань ин хуа» 文苑英華 («Пышное цветение сада литературы»), составленные под руководством Ли Фана 李昉 (925–996), «Юнлэ да дянь» 永樂大典 («Великие своды [периода под девизом правления] Юнлэ»). Их содержание также было разбито на тематические категории и служило учебным целям, например, для подготовки к государственным экзаменам.

Большинство дошедших до нас *лэйшу* интересуют современных исследователей в связи с тем, что они сохранили в большом количестве фрагменты утраченных к настоящему времени сочинений, которые не цитировались в других текстах. Задача же данной статьи заключается в том, чтобы проследить истоки формирования самих энциклопедических текстов на примере

¹ Впервые понятие *лэйшу* было употреблено в разделе «И вэнь чжи» 藝文志 («Трактат о канонической и [прочей] литературе») нормативной истории «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая книга [эпохи] Тан»), а также в каталоге «Чун вэнь цзун му» 崇文總目 («Сводный каталог [училища] почитания литературы») во время эпохи Сун 宋 (960–1279). (*Leishu* 類書, encyclopaedias, дата обращения 02.05.2023).

² Систематическое собрание выдержек из авторитетных текстов либо цитат, принадлежащих известным риторам. Изначально флорилегии носили исключительно богословский характер, но позднее в Европе стали составляться и светские флорилегии по разным специальностям, которые служили одновременно и в качестве учебной литературы, и в качестве справочников.

ряда трактатов эпохи Хань 漢 (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.) — начала Саньго 三國 (Троецарствие, 220–265). Для этого в статье будет проведено сравнение тяготевших к энциклопедическому охвату материала трактатам «Бай ху тун» 白虎通 («Проникновение [в смысл в Зале] Белого Тигра», далее — БХТ), «Фэн су тун и» 風俗通義 («Проникновение в смысл поветрий и обычаев», далее — ФСТИ) и наиболее ранних сохранившихся *лэйшу* — «Бэй тан шу чао» 北堂書鈔 («Выдержки из книг в Северном Зале», далее — БТШЧ) и «И вэнь лэй цзюй» 藝文類聚 («Собрание канонической и прочей литературы, [разбитое] по категориям», далее — ИВЛЦ). В частности, будут сопоставлены их структура, состав, на материале географических разделов в части из них будут соотнесены принципы отбора содержания.

Поскольку основное внимание данной статьи уделяется сравнительному анализу, ниже, в первую очередь, будет представлено краткое описание исследуемых источников.

Источники

Наиболее ранними текстами в Китае, имевшими широкий обзорный характер, были «Шань хай цзин» 山海經 («Канон гор и морей», V–I вв. до н.э.), где конструируется мифологизированная география Китая, «Люйши Чуньцю» 呂氏春秋 («Вёсны и Осени господина Люя») с претензией инициатора его создания, Люй Буэя 呂不韋 (ум. в 235 г. до н.э.), охватить все области знания своего времени и «Хуайнань-цзы» 淮南子, составленного в эпоху Хань мыслителями разного толка (преимущественно, даосского) при дворе Лю Аня 劉安 (179–122).

Самыми дальними предшественниками *лэйшу*, имеющими разбиение материала на категории, можно считать ханьские словари «Эръя» 爾雅 («Приближение к классике»), «Шо вэнь цзе цзы» 說文解字 («Разъяснение простых и анализ составных знаков»), «Ши мин» 釋名 («Разъяснение терминов»), «Фан янь» 方言 («Местные речи») (Dewoskin 1986, 527). От эпохи Восточная Хань до нас дошли два трактата, объединенные жанром «тун (и)» 通義 («проникновение (в смысл)») и в то же время претендующие на энциклопедический охват материала, — это БХТ и ФСТИ.

БХТ, главным составителем которого принято считать Бань Гу 班固 (32–92), был создан в результате серии придворных дискуссий учёных по вопросам интерпретации канонических текстов в 79 г. н.э. Индонезийский ученый китайского происхождения Цзэн Чжусэнь 曾珠森 (Tjan Tjoe Som, 1903–1969), переводчик трактата на английский язык, полагал, что он, вероятно, был составлен как сокращённая версия изначального доклада по данным дискуссиям, поскольку в современной версии текста не содержится ни имен дискутировавших, ни резюмирующих речей императора по той или иной теме (Po Hu T'ung... 1949, vol. 1, 172). Тем не менее, он сохранил вопросно-ответную форму представления содержания, в которой часто давалось несколько точек зрения по одной проблеме. Трактат охватывает широкий круг тем, который не просто выходит за рамки толкования смысла канонов: в его тексте в целом редко встречается прямое пояснение самих канонических текстов (Po Hu T'ung... 1949, vol. 1, 70), а основное внимание уделяется выработке

единой терминологии и принципов объяснения устройства государства и мироздания. Это достигается в тексте, в основном, за счет цитирования фрагментов классических текстов, раскрывающих значение того или иного обсуждаемого понятия. Таким образом, канонические тексты в БХТ служат не предметом обсуждения, а его отправной или заключительной точкой.

Вопрос времени составления трактата весьма спорный, поскольку первые отсылки к тексту БХТ, содержащие название трактата, появились достаточно поздно, не раньше 245 г. н.э.³ Дошедший до нас текст в связи с утратами и интерполяциями в течение своей передачи содержит немало ошибок и неполных цитат (Loewe 1993, 350)⁴. В «Суй шу» 隋書 («Книга [эпохи] Суй») и «Цзю тан шу» 舊唐書 («Старая книга [эпохи] Тан») указанный объем трактата составлял 6 *цзюаней*, а в «Чун вэнь цзун му» — 10 *цзюаней*, как и в нынешнем тексте. (Loewe 1993, 348).

Трактат ФСТИ, в отличие от БХТ, можно датировать с большей уверенностью концом II в. н.э. — самым началом III в. н.э.⁵ Он был написан Ин Шао 應劭 (ок. 140 – ум. до 204), служившим губернатором (*тайшоу* 太守) округа Тайшань 泰山 в 189–194 гг. Объем трактата в изначальном виде составлял, по разным оценкам, 30 либо 31 *цзюань* (об истории передачи трактата см. Nylan 1982, 339–359), что, разумеется, по размеру сильно уступает лючаоским *лэйшу*. Сам автор ставил перед собой задачу составить не только обзорные, энциклопедические главы по темам ритуала, музыки, географии, политической истории и т.д., но и ряд критических глав⁶. Критические главы трактата, в отличие от обзорных, представляют собой не попытку обобщения и систематизации знаний, а наоборот, раскрытие проблемы при помощи ряда конкретных примеров, отражающих вопросы поведения, отправления культов, взглядов на историю и т.п., актуальные для того времени. Таким образом, в отличие от составителей более поздних *лэйшу*, Ин Шао намеренно

³ Отсутствие упоминаний названия трактата БХТ столь долгое время исследователь Цзэн Чжусэнь объяснял широкой известностью дискуссий 79 г., по причине чего текст с их записью не нуждался в лишнем представлении.

⁴ Подробно об истории передачи текста БХТ см. (Po Hu T'ung... 1949, vol. 1, 1–178).

⁵ Касательно датировки написания текста комментатор ФСТИ Ван Лици 王利器 (1912 – 1998 гг.) указывал, что в трактате Ин Шао отсылал к своему прошлому опыту пребывания на должности тайшоу округа Тайшань, из чего сделал вывод, что текст был написан после 194 г. Об этом и других аргументах в пользу позднего написания трактата см. (Фэн су тун и цзяочжу, 2010, т. 1, 2–3).

⁶ К обзорным главам трактата можно отнести «Хуан ба» 皇霸 («Августейшие и гегемоны»), «Шэн инь» 聲音 («Звуки и звучания»), «Сы дэнь» 祀典 («Свод жертвоприношений») и «Шань цзэ» 山澤 («Горы и водоемы»). К критическим же главам относятся «Чжэн ши» 正失 («Исправление ошибок»), «Цянь ли» 愆禮 («Нарушение ритуала»), «Го юй» 過譽 («Чрезмерная похвала»), «Гуай шэнь» 怪神 («Чудища и божества»), «Ши фань» 十反 («Десять противоположных [примеров]»). Оставшаяся глава «Цюн тун» 窮通 («[Иметь] преграды и [проходить] без препятствий») совмещает в себе черты критической и обзорной.

включил в трактат немало собственных оригинальных идей.

К настоящему времени трактат дошел до нас в составе 10 глав и значительного количества фрагментов утраченных глав. Как предполагает американская исследовательница М. Найлан, 20 или 21 глава были утрачены в течение Сун 宋 (960–1279) (Nylan 1982, 341), поскольку в «Тайпин юлань» 太平御覽 («Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин») в большом объеме цитировался текст ФСТИ, не содержащийся в дошедших десяти главах, в то время как в «Чун вэнь цзун му», а также в «Сун ши» 宋史 («История [эпохи] Сун») трактат составлял по объёму 10 *цзюаней*.

Здесь имеет смысл кратко остановиться на характеристике жанра сочинений «тун (и)» 通義 («проникновение (в смысл)»), объединяющего БХТ и ФСТИ. Знак *тун 通* обладает значениями «всепроницающий», «проходить насквозь» (Хань юй да цзы дянъ 2010, т. 7, 4100–4102), что говорит о том, что авторы, выбиравшие жанр «тун (и)», стремились создать обобщенный труд, в котором были бы сведены и систематизированы основные данные по выбранной ими теме (Nylan 1982, 7–8). Судя по всему, как и основная масса экзегетических жанров, «тун (и)» возник в эпоху Хань: самый ранний известный памятник в этом жанре – утраченное сочинение «У цзин тун и» 五經通義 («Проникновение в смысл Пяти канонов») Лю

Сяня 劉向 (77–6 до н.э.). Касательно Восточной Хань, помимо ФСТИ и БХТ, по сообщению «Хоу Хань шу» 後漢書 («Книга [эпохи] Поздняя Хань»), придворный чиновник и знаток ритуала Цао Бао 曹褒 (ум. в 102 г.) также написал работу в жанре «тун (и)» объемом 12 глав, хотя и неизвестно, на какую именно тему (Книга [эпохи] Поздняя Хань 1965, т. 5, 1205). На этом перечень сочинений в этом жанре ханьского времени исчерпывается, исходя из чего можно считать, что он не пользовался большой популярностью и не представлял из себя целое направление среди работ того времени. Тем не менее, можно отметить, что появление трех таких работ во время Восточной Хань соответствовало тенденции к обобщению и систематизации накопленных к тому моменту интеллектуальной традицией знаний и точек зрения, проявившееся также и в появлении ряда сравнительных полемических комментариев в экзегетической мысли в тот момент (Бонч-Осмоловская 2020, 104–105).

В эпоху Лючао данный жанр не был забыт, и, согласно библиографическому разделу «И вэнь чжи» в «Суй шу» можно найти 10 работ, содержащих в названии «тун», указывающих на жанр (Суй шу 1982, т. 4, 903–1105). Современный китайский ученый Ван Лици 王利器 (1912 – 1998 гг.) в своем предисловии к комментированному изданию «Фэн су тун и» также отмечал, что этот трактат стал предшественником литературы «тун шу» 通書 («всепроницающие кни-

⁷ Под «тремя всепроницающими [трудами]» подразумеваются «Тун дянъ» 通典 («Всеобщий свод знаний») танского ученого Ду Ю 杜佑 (735–812), «Тун чжи» 通志 («Всеобщее обозрение») Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162), «Вэньсянь тун као» 文獻通考 («Всеобъемлющие разыскания по литературным источникам») Ма Дуаньлиня 馬端臨 (1245–1325).

ги») и «сань тун» 三通 («три всепроницающих [труда]») ⁷ (Фэн су тун и цзяочжу 2010, т. 1, 2).

Помимо жанровой взаимосвязи двух трактатов, имеется также и ряд параллельных фрагментов между ними (Po Hu T'ung... 1949, vol. 1, 52–53). Несмотря на это, Ин Шао никогда не прибежал к прямому цитированию БХТ и, судя по дошедшим до нас главам, не упоминал данный текст. Вопрос о том, заимствовал ли Ин Шао из БХТ, либо они заимствовали из общего не дошедшего до нас текста, остается открытым. О еще одном любопытном виде взаимосвязи между этими трактатами будет сказано ниже.

Возвращаясь к характеристике других источников, можно сказать, что началом периода Саньго датируется первая известная *лэйшу* в Китае. В другой *лэйшу*, составленной в эпоху Сун, под названием «Юй хай» 玉海 («Нефритовое море»), можно встретить фразу о том, что «книги с [принципом деления] по категориям начинаются с “Августейшего обозрения”» (*лэйши чжи шу, ши юй Хуан лань 類事之書, 始於《皇覽》*) («Юй хай и вэнь» цзяо чжэн 2013, т. 2, 955), в связи с чем жанр *лэйшу* в китайской традиции принято отсчитывать от «Хуан лань» 皇覽 («Августейшее обозрение»). «Хуан лань» (закончена в 222) была составлена по отданному в 220 г. приказу императора Цао Пи 曹丕 (220–226), а главным её составителем выступил *шаншулан* 尚書郎 (чиновник имперского секретариата), а также *саньци шилан* 散騎侍郎 (придворный чиновник, входивший в конную свиту императора) Лю Шао 劉劭 (?). (Ху Даоцзин 1982, 39–40). Изначально эта энциклопедия включала в себя более 1000 *цзюаней*, разбитых на 40 частей (*бу* 部), однако до

нас дошли лишь фрагменты двух частей, «И ли» 逸禮 («Утраченный ритуал») и «Чжун му цзи» 冢墓記 («Записи о курганах и могилах») (Цуншу цзичэн 1937, т. 137, 1–11). В библиографическом трактате из «Суй шу» ее объём составлял уже лишь 120 *цзюаней*, а в обеих «Тан шу» она вовсе не числится, то есть её текст был утрачен, по-видимому, в конце эпохи Суй 隋 (581–618). (Ху Даоцзин 1982, 40)

Глава «И ли» по своему содержанию сходна с главой «Сы ши» 四時 («Четыре сезона») БХТ: в ней кратко освещается то, что должно соответствовать четырем сезонам при дворе, в какие дворцы перемещается император со сменой сезона и какие ритуалы исполняет во время каждого из них. Глава «Чжун му цзи» представляет собой, скорее, подобие справочника: в ней подряд перечислены могилы разных известных исторических лиц с указанием их географического положения, после чего иногда добавлялись краткие сведения, например, о том, откуда происходит название захоронения или какой храм располагается вблизи него.

БТШЧ — наиболее ранняя из сохранившихся в более-менее полном виде *лэйшу*, которая была составлена под руководством *мишулана* 秘書郎 (чиновник императорской библиотеки) Юй Шинаня 虞世南 (558–638). В дошедшем до нас виде она представляет собой собрание из 160 *цзюаней*, поделенное на 19 частей (*бу*), которые разделены еще на 850 тематических категорий (*лэй*) (Early Medieval Chinese Texts... 2015, 25). В «Суй шу» её объём составлял 174 *цзюаня*. В эпоху Тан 唐 (618–907) он не претерпел особых потерь, а вот уже

в «Сун ши» 宋史 («История [эпохи] Сун») он числится в объеме 160 *цзюаней* (Early Medieval Chinese Texts... 2015, 25–26), как и на настоящий момент. В отличие от «Хуан лань», в данной *лэйшу* сохранилась отдельная географическая часть (*бу*) «Ди ли» 地理 («Рельефы Земли»), которая находится в самом конце текста и занимает 4 *цзюаня* по объему.

Создание еще одной *лэйшу*, ИВЛЦ (закончена в 624), под руководством Оуян Сюня 歐陽詢 (557–641) инициировал император Гао-цзу 高祖 (Ли Юань 李淵, 618–626) в 622 г. Текст дошел до нас в составе 100 *цзюаней*, в которых есть 46 частей (*бу*) и 727 тематических категорий (*лэй*). Судя по наличию цитат более позднего периода в сравнении с 624 г., ИВЛЦ дополнялся со временем новым содержанием (Early Medieval Chinese Texts... 2015, 455), что говорит о популярности текста в течение продолжительного времени. Лишь при Цин текст перестал пользоваться спросом и перепечатывался лишь дважды, в том числе, в составе «Сы ку цюань шу» (Early Medieval Chinese Texts... 2015, 461). Сразу заметно, что в ИВЛЦ серьезно изменены как положение, так и структура географической части: в то время как БТШЧ завершался категориями «Небо» (Тянь 天), «Времена года» (Суй ши 歲時), и «Земля» (Ди 地), то ИВЛЦ начинается с них же в том же порядке. Следом за категорией «Ди» в ИВЛЦ следуют «Чжоу» 州 («Области»), «Цзюнь» 郡 («Округи»), «Шань» 山 («Горы») и «Шуй» 水 («Воды») — таким образом, в ИВЛЦ вместе рассматриваются как физическая, так и административная география, причем большая часть физической географии рассматривается после

административной. Учитывая то, что географическая часть в БТШЧ не включала в себя описание административной географии вообще, можно предположить, что такая кардинальная перестановка положения этой части в ИВЛЦ связана как раз с появлением разделов об округах и областях страны, то есть с утверждением важности унифицированного административного деления и единства империи как таковых.

В эпоху Лючао был создан еще целый ряд *лэйшу*, не сохранившихся к настоящему времени: при лянском У-ди 梁武帝 (502–549) было инициировано создание сразу двух энциклопедий, поводом к составлению которых был, том числе, пожар в императорской библиотеке Южной Ци 南齊 (479 – 502 гг.) (The Cambridge History of Chinese Literature 2010, 253–255). Это были «Шоу гуан шу юань» 壽光書苑 («Собрание книг из [зала] Шоугуан»), составленный Лю Яо 劉杳 (487–536), объемом 200 *цзюаней*, и незаконченный труд «Лэй юань» 類苑 («Собрание [выдержек, разбитых] по категориям»), составленный Лю Сяобяо 劉孝標 (462–521), объемом 120 *цзюаней*. Несколько позже Сюй Мянлином 徐勉領 (466–535) была составлена «Хуа линь бянь люэ» 華林編略 («Отредактированное изложение [из сада] Хуалинь») объемом 620 *цзюаней*, фрагменты которого содержатся в ИВЛЦ (причем структура последней, как считается, восприняла прямое влияние первой). (Ху Даоцзин 1982, 45) В конце Лючао, в период Северной Ци 北齊 (550–577), была создана «Сюйвэньдянь юйлань» 修文殿御覽 («Высочайше одобренное обозрение из [павильона] Сюйвэньдянь») объемом 360 *цзюаней*, фрагменты которой содержатся в «Тайпин

юйланы» 太平御覽 («Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин»).

Хотя лючаоские *лэйшу* либо не дошли до нас, либо сохранились в виде отдельных фрагментов, в свое время они играли важную роль и были довольно популярны до тех пор, пока не создавались более объёмные энциклопедии, опирающиеся на большее количество источников. Неслучайно утрата «Хуа линь бянь люэ» относится к периоду между Тан и Сун (Ху Даоцзин 1982, 46), а утрата еще двух лючаоских *лэйшу* — к периоду Сун («Шоу гуан шу юань» и «Лэй юань» числились в «Цзю Тан шу», однако в «Синь Тан шу» и «Сун ши» их уже нет). Создание при Тан ИВЛЦ, ставшего образцом для последующих работ в этом жанре, а также более позднее появление «Четырёх великих книг [эпохи] Сун» («Сун сы да шу» 宋四大書)⁸ избавляло от необходимости пользоваться более древними *лэйшу* и способствовало их ранней утрате.

Изучим подробнее особенности рассмотренных источников на примере содержания и построения их географической части.

О преемственности описания географии в ФСТИ по отношению к БХТ

Вновь вернемся к ханьским источникам. ФСТИ содержит в себе отдельную главу, посвященную географии, под названием «Шань цзэ» 山澤 («Горы и водоёмы»). Она в значительной мере раскрывает понятия физической географии, что можно видеть из названия её разделов: «У юэ» 五嶽 («Пять [священных] пиков»)⁹, «Сы ду» («Четыре [главнейших] реки»)¹⁰ 四瀆, «Линь» 林 («Леса»), «Лу» 麓 («Леса у подножия гор»), «Цзин» 京 («Высокие холмы»), «Лин» 陵 («Возвышенности»), «Цю» 丘 («Холмы»), «Сюй» 墟 («Большие голые холмы»), «Фу» 阜 («Земляные холмы»), «Пэй» 培 («Насыпи»), «Соу» 藪 («Болотистые озера»), «Цзэ» 澤 («Болота»), «Хан» 沆 («Заболоченные земли»), «Пэй» 沛 («Заросшие болота»), «Ху» 湖 («Озера»), «Бэй» 陂 («Пруды»), «Цюй» 渠

⁸ В это понятие включали «Тайпин гуан цзи», «Тайпин юй лань», «Вэнь юань ин хуа» и «Цэ фу юань гуй» 冊府元龜 «Изначальная черепаха [для гадания императорского] книгохранилища».

⁹ В понятие «У юэ» входили пять гор, ориентированных по пяти традиционным сторонам света, выделяемым в Китае: г. Тайшань 泰山 на востоке (совр. пров. Шаньдун), г. Хэншань 衡山 на юге (совр. пров. Хунань 湖南), г. Хуашань 華山 на западе (совр. пров. Шэньси 陝西), г. Хэншань 恒山 на севере (совр. пров. Хэбэй 河北), г. Суншань 嵩山 в центре (совр. пров. Хэнань 河南). Их почитание имело место и до эпохи Хань и было зафиксировано в текстах «Чжоу ли» и «Ли цзи». Подробнее об этом см. (Рифтин 2007, 638–639). Вероятно, духам горы Суншань и реки Хуанхэ поклонялись еще в эпоху Шан, подробнее об этом см. (Ено 2009, 41–103).

¹⁰ В понятие «Сы ду» входили реки Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ 淮河 и Цишуй 濟水. Хотя поклонение крупным рекам также известно в Китае с глубокой древности, однако ритуал почитания данной группы четырех рек, как и пяти пиков, окончательно сложился лишь в эпоху Хань. При этом даже касательно Хань сложно судить, насколько систематично это почитание исполнялось. Судя по всему, совершать жертвоприношения рекам и горам мог не только император; в особых случаях, например, продолжительной засухи, император мог отдавать приказ удельным князьям совершить его. Подробнее о почитании гор и рек в эпоху Хань см. (Bujard 2009, 804–808).

(«Каналы»), «Гоу» 溝 («Канавы»), «Сюй» 洫 («Рвы»). Из этих названий можно видеть, что ФСТИ как бы балансирует между вниманием к сакральной и физической географии. С одной стороны, глава «Шань цзэ» открывается разделами «У юэ» и «Сы ду», самыми объёмными и подробными во всей главе, где описываются ритуал почитания императором великих гор и рек. С другой стороны, после них даётся характеристика понятий физической географии, то есть глава строится от описания идей сакральной центральной власти вначале к условной периферии в конце, когда, например, речь заходит о конкретных холмах или озёрах на территории страны.

В трактате БХТ значительно больший акцент уделяется описанию сакральной географии, нежели физической. Более того, информация по географии не сведена в нём в одну главу, а разбросана по главам «Тянь ди» 天地 («Небо и Земля»), «Сюнь шоу» 巡狩 («Инспекционные поездки [императора]») и «Цзин ши» 京師 («Столичный округ»). Помимо параллельных фрагментов, обнаруженных Цзэн Чжусэнем, которые упоминались выше, между главой «Сюнь шоу» в БХТ и «Шань цзэ» в ФСТИ есть еще целый ряд параллельных фраз, которые были отмечены китайскими комментаторами БХТ (Бай ху тун шу чжэн 1994, т. 1, 291–301). Они относятся к описанию Пяти

священных пиков («У юэ») Китая, а именно к глоссам и определениям, данным к названиям гор. В то время как в БХТ раздел начинается с описания цели инспекционных поездок правителя и заканчивается перечислением Пяти священных пиков и Четырёх главнейших рек («Сы ду»), «Шань цзэ» начинается с разделов, посвященных Пяти пикам и Четырём рекам, переходя затем к описанию менее значимых географических единиц.

На первый взгляд, можно было оставить эту особенность без внимания, если бы сходные черты не наблюдались еще в ряде глав двух трактатов.

Например, глава БХТ «Ли юэ» 禮樂 («Ритуал и музыка») по большей части посвящена рассуждению на тему важной роли ритуала и музыки в государстве и заканчивается глоссами к понятиям *у шэн* 五聲 («пять звуков») ¹¹ и *ба инь* 八音 («восемь звучаний») ¹², а также пояснениями к ним. В это же время музыкальная глава ФСТИ «Шэн инь» 聲音 («Звуки и звучания») после краткой аннотации начинается с разделов, названных «У шэн» и «Ба инь», а затем повествует о конкретных видах музыкальных инструментов.

Помимо этого, БХТ содержит в себе две главы, посвященные ритуальному церемониалу, — это «У сы» 五祀 («Пять видов жертвопри-

¹¹ У шэн, или «пять звуков», представляли собой пять ступеней китайской гаммы: гун 宮, шан 商, цзяо 角, чжи 徵, юй 羽.

¹² Ба инь, или «восемь звучаний», издаваемых восемью типами древнекитайских музыкальных инструментов. К ним относились окарины сюнь 埙, губные органчики шэн 笙, барабаны гу 鼓, бамбуковые дудки гуань 管, гусли сэ 瑟, каменные гонги цин 磬, колокола чжун 鐘, резонирующий ящик чжу 柷.

ношений») и «Шэ цзи» 社稷 («Божества Земли и Злаков»). Они освещают особенности проведения соответствующих жертвоприношений, указывая на то, кем, в какое время и каком объёме должен проводиться тот или иной ритуал. Одновременно с этим ритуальная глава ФСТИ под названием «Сы дьянь» начинается с описания жертвоприношений божеству Земли Шэ-шэнь 社神 и божеству злаков Цзи-шэнь 稷神, после чего описание переходит к ритуалам, совершаемым на местном уровне. Три данных сравнительных примера наталкивают на мысль о том, что Ин Шао, вероятно, преемствовал описанию, заданному в БХТ, как эталону, отталкиваясь от него и одновременно развивая его в сторону описания локальных и частных примеров в разных сферах.

Описание географии в ФСТИ и ранних лэйшу

Строение географической части в БТШЧ более сложное. Первая часть разделена по категориям, являющимся общими терминами, характеризующими твёрдую земную поверхность: «Ди» 地 («Земля»), «Цю» 丘 («Холмы»), «Лин» 陵 («Возвышенности»), «Ган» 岡 («Бугры»), «Сянь» 峴 («Низкие обрывистые горы»), «Дуй» 堆 («Груды»), «Фу» 阜 («Земляные холмы»), «Лун» 隴 («Насыпные холмы»), «Бань» 阪 («Косогоры»), «Пэй» 培 («Насыпи»), «Кэн» 坑 («Канавы»), «Ку» 窟 («Ямы»), «Гу» 谷 («Ущелья»), «Дун» 洞 («Пещеры»), «Сюэ» 穴 («Гроты»).

Вторая часть, посвященная гидрографии, описывает, главным образом, конкретные име-

на собственные на карте Китая: «Шуй» 水 («Воды»), «Хай» 海 («Моря»), «Цзян» 江 (совр. Янцзы), «Хэ» 河 (совр. Хуанхэ), «Хуай» 淮 (совр. Хуайхэ), «Хань» 漢 (совр. Ханьшуй), «Цзи» 濟 (совр. Цзишуй), «Ло» 洛 (совр. Лошуй), «Вэй» 渭 (совр. Вэйхэ), «Цзин» 涇 (совр. Цзинхэ). После этого описание переходит к общим понятиям, связанным с водой: «Ша» 沙 («Песок»), «Ни» 泥 («Глина»), «Ху» 湖 («Озёра»), «Сицзянь» 溪澗 («Горный ручей»), «Чи» 池 («Водоёмы»), «Чао» 潮 («Приливы»), «Цзин» 井 («Колодец»), «Бин» 冰 («Лёд»).

Наконец, в последней части описаны знаменитые горы, начиная с Пяти священных пиков, и категориями вновь, по большей части, выступают имена собственные, вот только касаются они вновь твёрдой земной поверхности: «Ши» 石 («Камни»), «Шань» 山 («Горы»), «Тайшань» 泰山, «Хуашань» 華山, «Хэншань» 衡山, «Хэншань» 恒山, «Суншань» 嵩山, «Мин шань» 名山 («Знаменитые горы»).

Таким образом, помимо расширения количества категорий, в БТШЧ чередуются принципы описания: характеристика географии твердой земной поверхности идет от обобщающих терминов к именам собственным, а водных объектов — наоборот. Такая структура дает возможность комплексно рассмотреть географию страны, хотя и не вполне понятно, была ли мотивирована чем-то противоположная модель описания гидрографии и географии твердой земной поверхности в этом тексте.

Приведем для сравнения содержание категории «Фу» 阜 («Земляные холмы») в ФСТИ и БТШЧ.

ФСТИ: 謹按：詩云：「如山如阜。」春秋左氏傳：「魯公伯禽宅曲阜之地。」阜者，茂也，言平地隆踊，不屬於山陵也。今曲阜在魯城中，委曲長七八里，雒北芒阪，即為阜也。(Фэн сун и цзяоши 1980, 382)

Скромно замечу, что в «Стихах» говорится: «Словно горы, словно земляные холмы». В «Комментарии Цзо к “Веснам и Осеням”» [сказано]: «Место, где в Цюйфу проживает луский гун Бо Цинь». «Фу» (bu^B)¹³ означает «заросший» (mu^C), [так] называют возвышения на равнинах, [их] не относят к горам и высотам. В настоящее время Цюйфу располагается в пределах крепостной стены княжества Лу, простирается в длину на семь-восемь ли; склон горы Ман к северу от [реки] Ло считается земляным холмом.

БТШЧ:

Раздел «Земляные холмы» 阜 в БТШЧ начинается с нескольких кратких определений к этому понятию, взятых из авторитетных источников:

大阜曰陵。韓壽云積土高大曰阜大阜曰陵。無石曰阜。博雅云山無石曰阜細土也。土山曰阜。地圖云土山曰阜阜高厚也。芒坂曰阜。風俗通曰阜者茂也言平地隆踊，不屬於山陵也。(БТШЧ 1779, цз. 157, 8-9)

Большие земляные холмы называются возвышенностями (лин). У Хань Шоу¹⁴ говорится: «Нагроможденная земля, высокая и круп-

ная, называется земляными холмами, а большие земляные холмы называются возвышенностями (лин)». [Горы], не имеющие камней, называются земляными холмами (фу). В «Расширении [словаря] “[Приближение] к классике”» говорится, что «горы, не имеющие камней, называются земляными холмами, [они состоят из] мелкой земли». Земляные горы называются земляными холмами (фу). В «Изображениях Земли» говорится: «Земляные горы называются земляными холмами, земляные холмы высокие и пышные». Поросшие склоны называются земляными холмами (фу). В «Проникновении в поветрия и обычаи» говорится: «“Фу” (bu^B) означает “заросший” (mu^C), [так] называют выступы на равнинах, [их] не относят к горам и возвышенностям».

Раздел продолжается условной второй частью, где перечисляются разновидности земляных холмов, известных на территории Китая:

琨瑤之阜。吳都賦云其琛賂則琨瑤之阜銅錯之根(垠)火齊之寶駭雞之珍。培塿小阜。沙州記云塞北有數山皆培塿小阜。岷阜。華陽國志云玄道縣有岷阜江水所出之處。曲阜。左傳云魯公伯禽宅曲阜之地今曲阜在魯城內中委曲長七八裏。厲阜。齊地記云高密縣城西北十五裏有厲阜鄭康成所筮處。大阜。詩云升彼大阜從其羣醜。(БТШЧ 1779, цз. 157, 9)

[Земляные холмы из драгоценных камней] Куньяо¹⁵. В «Оде о столице У»¹⁶ говорится: «Что до тамошних драгоценных вещей, то

¹³ Здесь и далее для переводов фрагментов из ФСТИ приведены реконструкции восточноханьского чтения знаков, взятые из работы А. Шюсслера (Schuessler 2009).

¹⁴ Хань Шоу (? -300) – чиновник и поэт времен Западной Цзинь (265–315).

[они происходят] с земляных холмов, полных драгоценностей, с берегов, богатых медью и белым железом, это сокровища [вроде] самоцветов, это диковинки, [подобные] рогу носорога». **[Насыпные] небольшие холмы Поулоу.** В «Записях о Шачжоу» говорится: «К северу от границ имеется несколько гор, все они являются [насыпными] небольшими холмами Поулоу». **[Земляные холмы] Чифу.** В «Трактате о царствах к югу [от горы] Хуа» говорится: «[В волости] Сюаньдаосянь есть [земляные холмы] Чифу, это то, откуда вытекают воды [реки] Цзян». **[Петляющие земляные холмы] Цюйфу.** В «Комментарии Цзо» говорится: «Князь [царства] Лу Бо Цинь заселил [земли на петляющих земляных холмах] Цюйфу». Ныне [холм] Цюйфу находится в пределах городской стены Лу и простирается в длину на семь-восемь *ли*. **[Крутые земляные холмы] Лифу.** В «Записях о землях Ци» говорится: «[В волости] Гаомисянь¹⁷, в пятнадцати *ли* к северо-западу от крепостной стены есть [крутые земляные холмы] Лифу». Это место, где гадал Кан Чэн из [царства] Чжэн. **[Крупные земляные холмы] Дафу.** В «Стихах» говорится: «Мы взойдем на [крупные земляные холмы] Дафу, будем преследовать их стада и табуны».

Из приведённых переводов можно заметить, что описание в ФСТИ и БТШЧ объединяет то, что составители нигде прямо не высказыва-

ли личную точку зрения, а фиксировали данные из других источников, причем в БТШЧ активно используются не только классические каноны, но и локальные географические сочинения, появившиеся во время Восточной Хань и активно развивавшиеся как жанр в эпоху Лючао (Chittick 2003). По-видимому, для составителей они были более информативными в деталях и содержали актуальные сведения о местонахождении тех или иных топонимов. Ин Шао, хотя и не опирался, судя по дошедшему до нас тексту, на локальные географические сочинения, но неоднократно добавлял сведения о современной топонимике после канонических цитат, начиная фразу со слова «Ныне...» (*цзинь* 今). Также нельзя не отметить, что в БТШЧ был целиком процитирован текст раздела из ФСТИ, причем отчасти без кавычек.

Теперь соотнесём описание в географической части ФСТИ и ИВЛЦ. Ввиду отсутствия в дошедшем до нас тексте ИВЛЦ категории «земляных холмов», возьмём для примера категорию «Ху» 湖 («Озёра») в обоих текстах.

ФСТИ:

謹按：春秋國語：「伍子胥諫吳王：『與我爭五湖之利，非越乎？』及越滅吳，范蠡乘扁舟於五湖。」湖者，都也，言流瀆四面所猥都也，川澤所仰以溉灌也。今廬江臨湖、丹陽蕪湖縣是也。(Фэн су тун и цзяоши 1980, 390–391)

¹⁵ Исходя из текста, остаётся не совсем ясным, являются ли перечисленные разновидности земляных холмов именами собственными или просто определениями к ним.

¹⁶ Автором «Сань ду фу» 三都賦 («Оды о трёх столицах»), в которые входит «У ду фу», был цзиньский поэт Цзо Сы 左思 (ок. 250–305).

¹⁷ В эпоху Суй Гаомисянь располагался в пров. Шаньдун, к юго-востоку от совр. уезда Гаомисянь.

Скромно замечу: [согласно] «Речам царств Весен и Осеней»¹⁸, «У Цзысуй увещевал вана У: “[Ведете] со мной спор о пользе [озера] Уху, разве [это] не [из-за] Юэ?”»¹⁹. Когда Юэ погубило У, Фань Ли, сев на небольшое судно, [поплыл] по Уху. «Ху» (ga) [означает] «скопление вод» (ta), [здесь] говорится о [том, что это] то, где потоки и реки с четырех сторон собираются [вместе]²⁰; причина, почему возлагают надежды на потоки и озера, — это полив и орошение. [Территории, о которых] здесь [говорится], — это нынешние уезд Линьху²¹ округа Лунцзян и уезд Уху²² округа Даньян²³.

Описание категории «озёр» в ИВЛЦ (И вэнь лэй цзюй 1985, т. 1, 168–170) довольно пространное: во-первых, в нем использовалось значительно большее число источников (23 в этом фрагменте), цитаты из которых расположены по степени убывания значимости источника: начиная со словаря «Шо вэнь цзе цзы» 說文解字 («Разъяснение простых и анализ составных знаков») и ханьских трактатов и заканчивая цитатами из локальных географических сочинений и поэзии. Во-вторых, сами ци-

таты тоже не состоят из одной-двух фраз, а представляют собой законченные по смыслу большие фрагменты текста. Внутри описания также один раз цитируется ФСТИ:

風俗通曰越滅吳范蠡乘舟於五湖。(И вэнь лэй цзюй 1985, т. 1, 168)

В «Проникновении в поветрия и обычаи» говорится: «[Когда] Юэ погубило У, Фань Ли, сев на судно, [поплыл] по Уху».

Любопытно, что сам Ин Шао указал точный источник этой цитаты, которым являлся «Го юй», на что не обратили внимание составители *лэйшу*, указав в качестве источника сам ФСТИ.

Рассмотрим также самую первую цитату в описании озёр в ИВЛЦ:

說文曰湖大陂也楊州浸有五湖水澤所仰以溉灌也。(И вэнь лэй цзюй 1985, т. 1, 168)

В «Разъяснении простых знаков» говорится: «[Что касается] озера, [то это] крупный водоем, для ирригации Янчжоу имеется Уху; причина, почему возлагают надежды на потоки и озёра, — это полив и орошение».

Хотя глоссы, приведенные для знака «озеро», в ФСТИ и ИВЛЦ не совпадают дослов-

¹⁸ Здесь У Шупин отмечает, что «Речи царств Весен и Осеней» есть то же самое, что «Речи царств» («Го юй» 國語) (Фэн су тун и цзяоши 1980, 391).

¹⁹ У Шупин (Фэн су тун и цзяоши 1980, 391) и Ван Лици (Фэн су тун и цзяочжу 2010, т. 2, 480) отмечают, что в тексте «Речей царств» данный вопрос звучит из уст Фань Ли, который дает советы Юэскому вану Гоу Цзяню, а также называет причиной спора царство У, а не Юэ, поэтому в тексте «Фэн су тун и» в данном случае имеются ошибки. См. полный перевод в (Го юй 1987, 303).

²⁰ У Шупин отмечает, что термином «вэй доу» 隈都 назывались скопления вод в излуцинах или изгибах (Фэн су тун и цзяоши 1980, 391).

²¹ Уезд Линьху располагался на территории юго-запада совр. уезда Увэй 無爲 пров. Аньхой.

²² Находился к востоку от г. Уху 蕪湖 совр. пров. Аньхой.

²³ Округ Даньян находился на территории к северу от реки Даньцзян 丹江, соединяющей совр. пров. Шэньси и Хэнань.

но, однако Ван Лици отмечал, что в тексте ФСТИ сразу после глоссы имеется явная параллель с текстом из «Шо вэнь цзе цзы» (Фэн сун и цзяочжу 2010, т. 2, 481), поэтому здесь также можно наблюдать общность в выборе источников между двумя текстами.

Местами в ИВЛЦ внутри цитат из локальных географических сочинений приводились короткие народные предания и суеверия, связанные с конкретными озёрами на территории страны. Еще в ряде цитат из таких источников стиль описания подражал «Шань хай цзину», например:

鄧德明《南康記》曰：平固縣覆笥山上，有太湖，週數十里，靈果異物，皆不可識。又有石雁，浮在湖中，每至秋天，石雁飛鳴，如候時也。(И вэнь лэй цзюй 1985, т. 1, 168)

В «Записях о Нанькане»²⁴ Дэн Дэмина говорится: «На [горе] Фусышань²⁵ в [волости] Пингусянь²⁶ есть [озеро] Тайху, по периметру [составляет] несколько десятков *ли*, [около озера есть] чудесные плоды и необыкновенные существа, ни одно из них нельзя узнать. Также [там] есть каменные гуси, [они] плавают по озеру, каждый раз с наступлением осени каменные гуси с криками летают, словно встречают сезон».

Обильное включение подобных легенд или упоминаний необычайных явлений в тексте проводит серьезное отличие между ИВЛЦ и ФСТИ: в то время как Ин Шао посвятил тому, чтобы разоблачить истории, содержащие суеверия или описания сверхъестественного, от-

дельную критическую главу «Гуай шэнь» 怪神 («Чудища и божества»), *лэйшу* вобрали в себя богатый материал по этим темам, накопленный в эпоху Лючао, как бы лишней раз утвердив популярность жанра *чжигуай* 志怪 («описание удивительного») в то время.

Выводы

Энциклопедические тексты в Китае демонстрировали мастерство древней культуры и литературы. Составители *лэйшу* не ставили перед собой задачу выработать новые определения для рассматриваемых понятий, а давали им объяснение через те сведения, которые сохранились о них в древних текстах.

На примере анализа текста БХТ и ФСТИ видно, что, по крайней мере, часть содержания этих трактатов имеет черты непосредственных предшественников *лэйшу*: в них так же, как и в *лэйшу*, даются глоссы и определения для ключевых терминов главы; в большом количестве цитируются классические тексты для раскрытия рассматриваемых терминов; а в БХТ часто приводится несколько точек зрения по одной проблеме (ФСТИ не содержал этого ввиду того, что его составлял один Ин Шао, однако в обзорных главах он также избегал выражения личной оценки).

На примере описания географии можно заметить, что энциклопедические тексты, начиная с ФСТИ, пытались достигнуть сразу двух целей: с одной стороны, собрать цитаты по темам из имеющихся текстов, а с другой стороны, предоставить

²⁴ Находится на территории совр. пров. Цзянси 江西.

²⁵ Находится ныне в уезде Сингосянь 興國縣 пров. Цзянси.

²⁶ Относился к округу Нанькан.

сжатые данные об актуальной топонимике.

Для *лэйшу*, судя по исследованным в статье источникам, не существовало жестких жанровых критериев, помимо, собственно, деления на категории, отраженного в названии понятия: в разное время вплоть до начала Тан в Китае появлялись *лэйшу*, по структуре сходные с простым справочником (как «Хуан лань» и отчасти БХТ, например), флорилегием (как БТШЧ и ИВЛЦ, а также обзорные главы ФСТИ), а после Тан — и с антологиями.

Список литературы

1. *Leishu* 類書, encyclopaedias. URL: http://www.chinaknowledge.de/Literature/Terms/leishu_genre.html (дата обращения 02.05.2023)
2. *Early Medieval Chinese Texts: a bibliographical guide* / ed. by C.L. Chennault, K.N. Knapp, A.J. Berkowitz, A.E. Dien. Berkeley: University of California, 2015.
3. Dewoskin K. *Lei-shu* 類書. *The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature*. / ed. by W.H. Nienhauser. Bloomington/Indianapolis: Indiana University Press, 1986. С. 526–529.
4. *Po Hu T'ung: Comprehensive Discussions in the White Tiger Hall* / transl. and comment. by Dr. Tjan Tjoe Som. Leiden: E. J. Brill, 1949. In 2 vol.
5. Loewe M. *Pai hu t'ung* // *Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide* / ed. by M. Loewe. Berkeley: Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, University of California, 1993. Pp. 347–356.
6. Nyman M. *Feng su t'ung yi: an Exploration of Problems in Han Dynasty Political, Philosophical and Social Unity*. A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Princeton: Princeton University, 1982.
7. «Проникновение в смысл поветрий и обычаев» с комментариями (風俗通義校注) / сост. Ин Шао, ред. Ван Лици (應劭撰; 王利器校注). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2010. В 2-х тт. (на кит.яз.)
8. *Большой толковый словарь китайских иероглифов* (漢語大字典) / гл.ред. Сюй Чжунъе (徐中野主編). Чэнду: Сычуань цышу чубаньшэ, 2010. В 9 тт. (на кит.яз.)
9. *Книга [эпохи] Поздняя Хань (後漢書)* / сост. Фань Е (范曄撰). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965. В 12 т.
10. Бонч-Осмоловская О.А. *Конфуцианская экзегетика в древности и раннем Средневековье: историческая типология конфуцианского комментария: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. СПб, 2020.
11. *Книга [эпохи] Суй (隋書)* / Сост. Вэй Чжэн (魏徵撰). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. В 6 тт. (на кит.яз.)
12. Ху Даоцин (胡道靜). *Книги с [разбиением] на категории в Древнем Китае* (中國古代的類書). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. (на кит.яз.)
13. *Отредактированный и откорректированный текст «Канонической и [прочей] литературы Нефритового моря»* (玉海藝文校證) / ред. и коррект. У Сючэн, Чжао Шуян (武秀成, 趙庶洋校證). Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2013. (на кит.яз.)
14. «Августейшее обозрение» и еще одно про-

- изведение (皇覽及其他一種) // *Собрание литературы в первом издании* (叢書集成初編) / гл. ред. Ван Юньбу (王雲五主編). Чанша: Шанъу иньшугуань, 1937. Т. 0172. (на кит.яз.)
15. *The Cambridge History of Chinese Literature* / Ed. by Kang-i Sun Chang, Stephen Owen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1: To 1375.
 16. «Всепроницающие [дискусии в зале] Белого Тигра» с аргументированным комментарием (白虎通疏證) / сост. Бань Гу (班固撰), комм. Чэнь Ли (陳立注). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1994. В 2-х тт. (на кит.яз.)
 17. Рифтин Б.Л. У юэ. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т.* – М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. Мифология. Религия.
 18. Eno R. Shang State Religion and the Pantheon of the Oracle Texts. *Early Chinese religion* / ed. by John Lagerwey and Marc Kalinowski. Leiden: Brill, 2009. Pp. 41–102.
 19. Bujard M. State and Local Cults in Han Religion. *Early Chinese religion* / ed. by John Lagerwey and Marc Kalinowski. Leiden: Brill, 2009. Pp. 777–812.
 20. «Проникновение в смысл поветрий и обычаев» с замечаниями и комментариями (風俗通義校釋) / сост. Ин Шао; замеч. и коммент. У Шупина (應劭撰, 吳樹平校釋). Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1980. (на кит.яз.)
 21. *Высочайше утвержденное полное собрание книг по четырём разделам* (欽定四庫全書). / сост. Юй Шинань (虞世南撰). [Б. м.]: [Б. изд.], 1779. Раздел «Мыслители», ч. 11, Выдержки из книг в Северном Зале (子部十一北堂書鈔) Цз. 1 –157. (на кит.яз.)
 22. Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: a Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009.
 23. Chittick A. The Development of Local Writing in Early Medieval China / *Early Medieval China*, 2003:1. Pp. 35–70.
 24. Го юй («Речи царств») / Пер. с китайского, вступл. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1987.
 25. *Собрание канонической и прочей литературы, [разбитое] по категориям* (藝文類聚) / сост. Оуян Сюнь (歐陽詢撰), ред. Ван Шаоин (汪紹楹校). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1985. В 2-х тт. (на кит.яз.)

References

1. *Leishu* 類書, encyclopaedias. URL: http://www.chinaknowledge.de/Literature/Terms/leishu_genre.html (accessed: 02.05.2023)
2. *Early Medieval Chinese Texts: a bibliographical guide* / ed. by C.L. Chennault, K.N. Knapp, A.J. Berkowitz, A.E. Dien. Berkeley: University of California, 2015.
3. Dewoskin K. *Lei-shu* 類書 *The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature*. / ed. by W.H. Nienhauser. Bloomington/ Indianapolis: Indiana University Press, 1986. С. 526–529.
4. *Po Hu T'ung: Comprehensive Discussions in the White Tiger Hall* / transl. and comment. by Dr. Tjan Tjoe Som. Leiden: E. J. Brill, 1949. In 2 vol.

5. Loewe M. *Pai hu t'ung. Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide* / ed. by M. Loewe. Berkeley: Society for the study of early China, Institute of East Asian studies, University of California, 1993. Pp. 347–356.
6. Nylan M. *Feng su t'ung yi: an Exploration of Problems in Han Dynasty Political, Philosophical and Social Unity*. A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in candidacy for the degree of Doctor of Philosophy. Princeton: Princeton University, 1982.
7. "Penetrating into the Meaning of Traditions and Customs" with Commentaries (風俗通義校注) / compiled by Ying Shao, ed. By Wan Liqi (應劭撰;王利器校注). Beijing: Zhonghua shuju, 2010. In 2 vol. (In Chinese)
8. *Great Compendium of Chinese Characters* (漢語大字典) / ed. in chief Xu Zhongye. Chengdu: Sichuan cishu chubanshe, 2010. In 9 vol. (In Chinese)
9. *Book of the Later Han* (後漢書) / compiled by Fan Ye (范曄撰). Beijing: Zhonghua shuju, 1965. In 12 vol.
10. Bonch-Osmolovskaya O.A. *Confucian exegetics in ancient and early medieval china: towards a historical typology of confucian commentary*: Thesis for a candidate degree in historical science. Saint-Petersburg, 2020. (In Russ.)
11. *Book of the Sui* (隋書) / compiled by Wei Zheng (魏徵撰). Beijing: Zhonghua shuju, 1982. In 6 vol. (In Chinese)
12. Hu Daojing (胡道靜). *Classified Books in Ancient China* (中國古代的類書). Beijing: Zhonghua shuju, 1982. (In Chinese)
13. *Edited and Corrected Text of "The Canonical and [Other] Literature of the Jade Sea"* (玉海藝文校證) / ed. and corrected by Wu Xiucheng, Zhao Shuyang (武秀成, 趙庶洋校證). Nanjing: Fenghuang chubanshe, 2013. (In Chinese)
14. "August Review" and Another Work (皇覽及其他一種). *Collection of Literature in the First Edition*. (叢書集成初編) / ed. in chief Wang Yunwu. Changsha: Shangwu yinshuguan, 1937. Vol. 0172. (In Chinese)
15. *The Cambridge History of Chinese Literature* / ed. by Kang-i Sun Chang, Stephen Owen. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. 1: To 1375.
16. "The All-penetrating [Discussions in the Hall] of the White Tiger" with Proved Commentary (白虎通疏證) / compiled by Ban Gu (班固撰), commentary by Chen Li (陳立注). Beijing: Zhonghua shuju, 1994. In 2 vol. (In Chinese)
17. Riftin B.L. Wu Yue. *Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vol. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2007. Vol. 2. Mythology, Religion*. (In Russ.)
18. Eno R. Shang State Religion and the Pantheon of the Oracle Texts. *Early Chinese religion* / ed. by John Lagerwey and Marc Kalinowski. Leiden: Brill, 2009. Pp. 41–102.
19. Bujard M. State and Local Cults in Han Religion. *Early Chinese religion* / ed. by John Lagerwey and Marc Kalinowski. Leiden: Brill, 2009. Pp. 777–812.
20. "Penetrating into the Meaning of Traditions and Customs" with Remarks and Comments (風俗通義校釋) / compiled by Ying Shao, remarks and comments by Wu Shuping (應劭撰, 吳樹平校釋). Tianjin: Tianjin renmin chubanshe, 1980. (In Chinese)

21. *Supremely Approved Complete Collection of Books in Four Sections* (欽定四庫全書) / compiled by Yu Shinan (虞世南撰). [S.l.]: [s.n.], 1779. Juan 1–157. Section "Thinkers", P. 11, Scribed Texts from the Northern Hall (子部十一北堂書鈔) (In Chinese)
22. Schuessler A. *Minimal Old Chinese and Later Han Chinese: a Companion to Grammata Serica Recensa*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009.
23. Chittick A. *The Development of Local Writing in Early Medieval China / Early Medieval China*, 2003:1. Pp. 35–70.
24. *Guo yu ("Discourses of the states")* / transl., introduction and comment. by V.S. Taskin. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ.)
25. *A Categorized Collection of Literary Writing (藝文類聚)* / compiled by Ouyang Xun (歐陽詢撰), ed. by Wang Shaoying (汪紹楹校). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1985. In 2 vol. (In Chinese)

Сведения об авторе

Клементьева Татьяна Владимировна,

Аспирант 1 курса, м.н.с. Института восточных рукописей РАН (Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18 лит. А); тьютор Санкт-Петербургской школы социальных наук и Востоковедения Научно-исследовательского института Высшая школа экономики (Российская Федерация, 190068, г. Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123).

tklementeva1297@mail.ru

Information about the author

Tatiana V. Klementeva

1st year postgraduate student, junior researcher at the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (Russian Federation, 191186, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 18 A); tutor at St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies of Higher School of Economics (Russian Federation, 190068, Saint Petersburg, Griboedova Canal emb., 123).

tklementeva1297@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Features of South Korean Cosmetics and its Promotion in the 21st century: K-Beauty Phenomenon

Особенности южнокорейской косметики и её продвижения в XXI в.: феномен K-Beauty

Хренов Валентин Валерьевич¹

Шкляева Полина Антоновна²

¹Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

²Лингвистический центр ReloD, Киров, Россия

Автор, ответственный за переписку:

val-khrenov@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0000-0002-1820-2407>

Valentin V. Khrenov¹

Polina A. Shklyayeva²

¹Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

²Linguistic center ReloD, Kirov, Russia

Corresponding author:

val-khrenov@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0000-0002-1820-2407>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-140-157](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-140-157)

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является влияние феномена K-Beauty на формирование особенностей продвижения корейской косметики. Хронологические рамки статьи охватывают период с начала XXI в. по настоящее время. Выбор хронологических рамок связан с появлением на рубеже XX-XXI вв. понятия «корейская волна», под которой понимается распространение культуры, а вслед за ней и южнокорейских товаров по всему миру, что стало основополагающим фундаментом для развития косметической промышленности Республики Корея, получившей известность как K-Beauty. Корейская косметика стала своеобразным трендом, за которым стоит множество производителей

ABSTRACT

The subject of the research is the influence of the K-Beauty phenomenon on the formation of promotion features of Korean cosmetics. The chronological framework of the article covers the period from the mid-1990s to the present. The choice of the chronological framework is related to the emergence of the concept of the "Korean wave" in the late 20th century, which implied the spread of culture, followed by South Korean products around the world. It became a fundamental basis for the development of the cosmetics industry in the Republic of Korea that got known as the K-Beauty phenomenon. Korean cosmetics have become a kind of trend, behind which there are many manufacturers of both budget and luxury seg-

как бюджетного, так и люксового сегмента. Корейские биохимики и маркетологи все больше и больше превосходят коллег из Японии и США и по дизайну упаковки, и по качеству продукции. Корейская косметика во всем мире считается натуральной и безопасной, так как государство осуществляет строгий контроль производства косметики: качество состава продукции, его подлинность, экологичность упаковок, а также осуществляет ее продвижение на международном рынке. Совершенно не похожая на другие, косметическая промышленность Южной Кореи пользуется большой популярностью во всем мире, внося свой вклад в мировую индустрию красоты, что обусловило актуальность темы исследования.

Источниковая база представлена прежде всего материалами периодической печати Республики Корея. Новизна исследования заключается в попытке комплексного рассмотрения особенностей продвижения южнокорейской косметической продукции, обусловленных феноменом K-Beauty. В статье проводится анализ динамики развития косметической индустрии Республики Корея, методов стимулирования сбыта продукции, создания уникального имиджа южнокорейских косметических брендов, делаются обоснованные выводы.

Ключевые слова. Корейская косметика, косметические компании, продвижение косметики, K-Beauty, косметическая промышленность

Для цитирования: Хренов В.В., Шкляева П.А. Особенности южнокорейской косметики и её продвижения в XXI в.: феномен K-Beauty. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 140-157 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-140-157>

ments. Korean biochemists and marketers are increasingly surpassing their Japanese and U.S. counterparts in both packaging design and product quality. Korean cosmetics are considered natural and safe all over the world, as the government carries out strict control over the production of cosmetics: the quality of product composition, its authenticity, environmental friendliness of packages, and also promotes it in the international market. Completely unlike other cosmetics industry, the one of South Korea has not gone unnoticed, is very popular around the world, contributing to the global cosmetics industry, which made the topic of the research relevant.

The source base is primarily represented by the materials of the periodical press of the Republic of Korea. The novelty of the research lies in the attempt to consider the peculiarities of promotion of South Korean cosmetic products due to the K-Beauty phenomenon in a comprehensive way. The article analyzes the dynamics of the development of Korean cosmetic industry, the methods of product sales promotion, the creation of a unique image of South Korean cosmetic brands, and draws reasonable conclusions.

Keywords. Korean cosmetics, cosmetics companies, cosmetics promotion, K-Beauty, cosmetics industry

For citation: Khrenov V.V., Shklyayeva P. A. Promotion of South Korean cosmetics in the 21st century: K-Beauty phenomenon. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 140-157 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-140-157>

В Южной Корее с середины 1990-х гг. XX в. начал набирать популярность такой феномен, как «корейская волна» (кор. яз. 한류 «халлю»), которая проявляется в глобализации традиционной и современной культурной индустрии страны. Поскольку «халлю» охватывает как национальное потребление, так и экспорт корейской культуры, она считается национальным и транснациональным явлением [Сок, Р. 22]. Будучи одним из ключевых инструментов «мягкой силы» Республики Корея, «корейская волна» объединяет в себе фильмы, сериалы, популярную корейскую музыку, моду и косметику — K-Beauty [Хамзина]. Термин K-Beauty (т.е. Korean Beauty) включает в себя все средства по уходу за кожей, телом, макияж, произведенные в Южной Корее и экспортируемые в другие страны. По мере роста интереса людей ко всему, что ассоциируется с «халлю», корейские косметические средства также стали пользоваться спросом не только в Южной Корее, но и за рубежом. На 2012 г. зафиксировано увеличение экспорта косметических средств до \$1,07 млрд, что на 30,3% превышает аналогичный показатель 2011 г. При этом впервые в истории Республики Корея объемы экспорта косметики превысили объемы импорта, который составил в 2012 г. \$978 млн. В 2014 г. экспорт южнокорейской косметики удвоился, составив \$1,92 млрд [Сок, Р. 26], а к 2019 г. достиг \$6,58 млрд. при объеме импорта лишь \$1,63 млрд. Основными импортерами корейской косметики являются Япония, Китай, Гонконг, но эту тенденцию быстро подхватывают другие азиатские страны и США. По итогам 2019 г. экспорт корейской косметики в КНР составил почти по-

ловину от общего объема экспорта — \$3,07 млрд. Далее следуют Гонконг (\$926,3 млн), США (\$530,3 млн), Вьетнам (\$223,8 млн) и Япония (\$42,4 млн) [Квон Док Чхоль, С. 74]. Экспорт в пять ведущих стран-импортеров составляет примерно 71,5% от всего экспорта корейской косметики.

Несмотря на распространение COVID-19 и международные ограничения, корейская косметика прочно зарекомендовала себя как ведущая экспортная отрасль Южной Кореи. Так, несмотря на пандемию COVID-19 в 2020 г., Республике Корея удалось стать четвертым экспортером косметики в мире, достигнув самого большого объема экспортных поставок, составивших \$7,5 млрд [Квон Док Чхоль, С. 74]. K-Beauty стала символом глобальной тенденции, в основе которой лежит разработка инновационных косметических продуктов и их продвижение посредством «корейской волны».

Косметическая промышленность Южной Кореи, являющаяся одним из самых прибыльных источников дохода страны, стала неотъемлемой частью корейской культуры. Важность косметической индустрии для южнокорейской экономики достигла таких масштабов, что в 2021 г. министр здравоохранения и социального обеспечения Республики Корея Квон Док Чхоль выступил с докладом о подготовке новой национальной стратегии по продвижению корейской косметической продукции за рубежом [Хамзина]. Министр акцентировал внимание на важности развития потенциала рынка K-Beauty, считая необходимым продолжать поддержку среднего и малого бизнеса, а также

исследовательских разработок южнокорейскими косметическими компаниями. Правительство заявило о намерении субсидировать создание информационной платформы, которая позволит отечественным производителям работать с данными, касающихся особенностей типов кожи различных рас и национальностей. Подобные меры призваны увеличить объём экспорта южнокорейской косметики, адаптированной к коже потенциальных потребителей из разных стран мира с учетом климатических и генетических факторов [Хамзина].

Стоит заметить разницу в понимании роли косметических средств потребителей Азиатского региона, Европы и США. Для европейского человека целью использования косметики является маскировка недостатков кожи и внешнего вида, что предполагает кратковременный эффект. Многие западные производители косметики сосредотачивали внимание на разработке простых косметических продуктов, применяемых с целью улучшения внешнего вида, а именно: тональных кремов, теней для век, помады для губ [Claire, P. 6]. Азиатская же косметика имеет совершенно противоположную цель и предназначена для устранения факторов, оказывающих негативное влияние на внешний вид. Так, корейская косметическая продукция сумела быстро завоевать популярность благодаря своей функциональности, направленной на борьбу с морщинами, акне, пигментными пятнами и защиту кожи от солнца. Более того, существует концепция K-Beauty под названием «skin first», которая подразумевает приоритет ухода за кожей и ликвидацию различных дерматологических проблем на

начальной стадии развития, что впоследствии могло бы свести к минимуму использование макияжа для маскировки недостатков кожи. Помимо акцента на натуральность корейская косметическая индустрия стала выделяться комплексным подходом к уходу за кожей. С этой целью была разработана продукция, подходящая потребителям любой возрастной категории, а также предназначенная для решения конкретных дерматологических проблем, что подчеркивает адаптивность южнокорейских производителей к нуждам покупателей [Хамзина].

Последние несколько лет K-Beauty известна своим десятиступенчатым уходом за кожей, что стало настоящим новшеством в мире красоты. Для достижения идеально ровного тона кожи, корейские женщины ежедневно выполняют многоэтапную процедуру очищения и увлажнения кожи с десятком или более различных средств в строгом порядке: снятие макияжа с помощью гидрофильного масла, умывание очищающей пенкой, использование скраба или геля-пилинга для обновления кожи, общее увлажнение тономом, дополнительное питание при помощи эссенции или эмульсии, нанесение ампульной сыворотки для восстановления наружного слоя эпидермиса, использование тканевой маски для комплексного тонизирования, нанесение крема для век, чтобы разгладить мимические морщинки, а затем увлажняющего крема для лица. И последнее, но не менее важное – нанесение солнцезащитного крема с фактором SPF, препятствующего пигментации и старению кожи [March]. Именно такая корейская методика десятиступенчатого

ухода за кожей стала визитной карточкой корейских косметических брендов, что в немалой степени способствовало успешному продвижению K-Beauty на международном рынке. Корейские производители сделали акцент на разработке средств, которые будут способны выделить их продукцию из множества товаров других косметических брендов.

Так, продвигаемые южнокорейской индустрией красоты представления о роли косметики создали резкий контраст с европейской и американской модой на «инстаграмные лица», где предпочтение отдавалось плотному макияжу с большим количеством тональных средств и пудры. Если для европейского макияжа всегда было принято, чтобы кожа выглядела матовой с эффектом фотошопа, а лишний блеск считался признаком неухоженности, то для корейцев наоборот: здоровая кожа должна обладать легким влажным сиянием и упругостью. Такой эффект получил название «чокчок» (кор. яз. *촉촉*), что по мнению многих корейцев, придает лицу молодость и нежность. Поэтому большинство различных корейских косметических средств имеют сатиновый финиш, на наличии которого южнокорейские бренды стали делать акцент в своей рекламе [Хамзина]. Развитие такой тенденции в корейском обществе можно объяснить тем, что в Южной Корее большое внимание уделяется внешнему виду, поэтому корейская косметическая отрасль и производимые средства по уходу за кожей ориентированы на эффективное улучшение внешнего вида с помощью натуральных эссенций и пропитанных сыворотками тканевых масок.

Для более комплексного понимания особенностей продвижения корейской косметики следует обозначить основные элементы стандартов красоты, сложившиеся в современном корейском обществе. В южнокорейской культуре существуют определенные стандарты красоты, которым стараются следовать многие корейцы, нередко прибегая к пластическим операциям, не ограничиваясь одной лишь дорогостоящей косметикой [Claire, P. 4]. В корейском языке даже появились неологизмы, отражающие идеал корейской внешности, которые со временем превратились в своеобразные субкультуры: так называемые «момчан» (кор. яз. *몸짱*) и «ольчан» (кор. яз. *얼짱*). Приверженцы «момчан» поддерживают красоту своего тела и фигуры, в то время как представители «ольчан» делают акцент на лицо и миловидную внешность. Тот, кто не стремится быть, независимо от половой принадлежности, «красивым человеком» («миин», кор. яз. *미인*), тот принадлежит к «низшему классу красоты» («миин хауи кегып», кор. яз. *미인 하위 계급*), что, с точки зрения корейцев, оказывает негативное влияние на социальное благополучие такого человека. Внешний вид является важным и решающим фактором в социальной жизни жителей Южной Кореи, что отражает их социальный статус, репутацию, благополучие, являясь выражением внутреннего состояния и этикета [Gelézeau, P. 10]. Именно поэтому в корейском обществе так распространена пластическая хирургия: блефаропластика (операция на двойное веко) и ринопластика (операция на нос) являются одними из самых распространенных операций, при этом все более популярными

и доступными также становятся операции по изменению формы челюсти и увеличению лба [Bropleh, P. 23-24]. Нередко подросткам в Южной Корее родители дарят пластическую операцию в качестве подарка на день рождения или выпускной, а метро и улицы усеяны многочисленной рекламой хирургических клиник, расположенных как правило в таких районах Сеула, как Апкучжон и Каннам.

Считается, что на формирование корейских идеалов красоты оказали определенное влияние западные черты внешности, а именно: светлая кожа (благодаря чему корейские компании начали производить крема для отбеливания), большие глаза, аккуратный нос и пухлые губы, которых и пытаются добиться корейцы с помощью высококачественных уходовых средств и пластической хирургии [Gelézeau, P. 3]. Однако стоит отметить, что сейчас среди европейцев наметилась тенденция следовать азиатским стандартам красоты, поскольку корейская косметика пользуется огромным спросом далеко за пределами самой Южной Кореи [Claire, P. 4].

Существует ряд основных черт лица, которые в корейском обществе считаются наиболее идеальными и благовидными. Симметрия лица — самая важная черта, которая является символом гармонии и спокойной жизни. Высокий лоб ассоциируется у корейцев не только с умом, но и с богатством и властью. Нос должен быть прямым, с маленькой переносицей и округлым кончиком. Красивыми также считаются пухлые губы с красноватым оттенком с маленькой выпуклостью на верхней губе

[Bropleh, P. 21], а также большие глаза с двойным веком, ярким взглядом. Пухлые мешки под глазами, получившие название «смеющиеся глаза» («эгёсаль», кор. яз. 애교살), нередко специально прорисовывают с помощью косметики или создают при помощи пластической хирургии [Claire, P. 10]. Идеальные корейские брови не должны быть слишком редкими, тонкими, а лучшей формой считаются прямые брови. Следующая особенность корейских стандартов красоты — это слегка выступающие скулы и длинные и пропорциональные уши [Bropleh, P. 23]. Неотъемлемой частью корейского идеального внешнего вида является V-образный короткий, немного заостренный подбородок и почти белая кожа.

Во многом такие идеалы красоты практически недостижимы в реальной жизни, однако им строго должны следовать кейпоп-артисты (т.е. исполнители корейской поп-музыки, англ. яз. K-Pop (т.е. Korean Pop), которые при любых обстоятельствах обязаны оставаться в образе и выглядеть безупречно для поддержания внимания многочисленной аудитории. У большинства корейских девушек-айدолов (т.е. артистов с привлекательным внешним видом) симметричное лицо с мягкими (например, как у Айрин (Irene) из женской K-Pop группы Red Velvet), а у мужчин-айдолов — волевыми чертами (например, у актера Пак Со Джуна) [Claire, P. 8]. Многим айдолам приходится делать операции и использовать активный сценический макияж, чтобы соответствовать стандартам. Например, корейская певица CL обладает нетипично маленькими глазами, но с помощью длинных черных стрелок и ресниц создает эффект больших

глаз. Несмотря на множество подобных примеров, есть айдолы, которые идут против классических стандартов красоты и устанавливают новые. Ярким примером является певица Хваса (HwaSa) из женской группы Mamamoo. В мире айдолов эта девушка настоящая редкость, потому что ее внешность по корейским меркам считается необычной: волевые черты лица, плотное телосложение и загорелая кожа, что делает ее исключением среди многих представительниц современного корейского шоу-бизнеса, которые в основном обладают бледной кожей и стройным телосложением [Claire, P. 9].

Корейские кейпоп-исполнители стали неотъемлемой частью рекламы косметических продуктов. Миллионы поклонников склонны равняться на своих кумиров, стремятся выглядеть настолько же идеально, как и они, поэтому спешат приобрести косметику, которую рекомендует та или иная популярная личность. Эта маркетинговая тенденция существует с тех пор, как появился феномен «корейской волны», и косметические компании стали часто использовать такой подход в продвижении своей продукции. Косметика крупных корпораций и мелких производителей в настоящее время рекламируется исключительно известными корейскими айдолами [Сок, P. 38]. Ярким примером тому является увеличение продаж бренда CNP Cosmetics с 50 млрд вон в 2016 г. до 67,2 млрд вон в 2017 г. после того, как известная певица IU стала главным лицом в рекламной кампании этой марки [CNP Cosmetics...]. С тех пор фирменная ампульная сыворотка стала именоваться «ампула IU» и приобрела популярность среди большого круга людей. Поэтому если космети-

ческая компания выбирает айдола в качестве рекламной модели косметики, то это приводит не только к увеличению продаж бренда, но и обеспечивает артисту интерес со стороны поклонников [Айдол-мужчина...].

Однако рекламными лицами корейских брендов косметики становятся далеко не только девушки. Сегодня в Южной Корее набирает популярность тенденция использовать в качестве рекламы макияжа и косметики моделей-мужчин, что объясняется ростом числа мужчин, проявляющих интерес к уходу за внешностью. Например, участник группы UP10TION Ким У Сок стал моделью для бренда корейской декоративной косметики Clio в 2020 г. Компания опубликовала фотографии артиста с ярким макияжем, объявив о распродаже лимитированной фирменной продукции. Это привело к тому, что на следующий день после публикации продажи косметических средств для губ выросли почти в 20 раз [Айдол-мужчина...], причем во многом благодаря женской половине населения. Ситуацией воспользовались иностранные бренды косметики, такие как Gisi Beauty и MAC, предложив корейским артистам Кан Даниэлю и Хван Мин Хёну из группы NU'EST стать рекламными лицами их брендов [«Косметика для мужчин»...].

Южная Корея размывает гендерные границы в индустрии красоты, где косметика стала товаром не только для женщин, но и для мужчин. Тенденция на мужской макияж начала набирать популярность благодаря кейпоп-исполнителям и актерам корейских сериалов (англ. яз. K-Drama), их поклонникам, а также

стилю, получившему известность в Корее как «мальчики-цветы» («кконминам», кор. яз. 꽃미남). Стиль отличается андрогинной внешностью молодых мужчин со светлой кожей и стал особо популярен после роли актера Ли Мин Хо в корейском сериале «Мальчики краше цветов» (англ.яз. «Boys Over Flowers»), после выхода в 2009 г. на экраны которого многие корейские мужчины начали открыто наносить легкий макияж и уделять больше внимания уходу за кожей. Так, согласно опросам 2020 г., 58,7% корейских мужчин пользуются косметикой. Причем 9,1% опрошенных респондентов заявили, что регулярно наносят макияж, 8,4% из которых были в возрасте от 20 до 24 лет [Айдол-мужчина...].

Южнокорейский рынок мужской косметики является самым крупным в мире. По данным Euromonitor, продажи косметики для мужчин в Республике Корея выросли с 730 млрд вон в 2010 г. до 1,4 трлн вон в 2020 г. [Компания по разработке...]. Согласно данным корейской косметической компании AmorePacific, в 2013 г. объем продаж уходовых средств для мужчин составил \$635 млн, что в два раза превысило аналогичный показатель 2007 г. [AmorePacific...]. Несмотря на то, что сегодня мировой рынок средств для ухода за кожей для женщин в десятки раз превосходит рынок средств для мужчин, рынок мужских уходовых средств демонстрирует ежегодный прирост в среднем 4,6% [AmorePacific...].

В Южной Корее мужская косметика выпускается как специализированными брендами, так и специальными линейками продуктов

на базе существующих женских брендов [Сок, Р. 34], адаптированными к мужскому типу кожи. Так, в 2019 г. AmorePacific запустила бренд косметики для мужчин BeReady с линейкой мужской тональной основы в пяти оттенках под названием «Level Up Foundation for He-goes» [«Косметика для мужчин»...]. Innisfree также обновила свою продукцию универсальной эссенций «Forest Foreman All-in-One» для мужчин. Продукт включает в себя функции, необходимые для ухода за мужской кожей: от увлажнения до укрепления кожного барьера. Belif – один из ведущих брендов косметической компании LG Household & Health Care — укрепляет позиции в мужском сегменте косметики, выпуская мужские уходовые средства Belif Manology [«Косметика для мужчин»...]

Рынок южнокорейской косметики считается одним из самых наукоемких в Азиатском регионе, так как расходы на НИОКР ежегодно увеличиваются: в 2019 г. инвестиции производителей косметики в НИОКР увеличились на рекордные 13,9% до 522,9 млрд вон [Квон Док Чхоль, С. 84]. Например, крупнейшая компания AmorePacific имеет более 140 патентов в области красоты, спонсирует создание исследовательских лабораторий по всей стране и научно-исследовательскую работу косметических компаний. Благодаря регулярным инвестициям в НИОКР в 2015 г. компания вошла в рейтинг ста самых инновационных компаний по версии Forbes [Our History].

Невероятная востребованность средств для ухода за кожей, а также высокие требования местных потребителей, заставляют южно-

корейских производителей все время совершенствовать свою продукцию. Большинство инновационных продуктов — это средства по уходу за кожей, которые формируют крупнейший сегмент косметической промышленности, на долю которого приходится более 50% всех продаж [Cok, P. 37]. Корейским потребителям свойственно часто менять бренды, тестировать новинки и досконально изучать продукцию перед покупкой [Стойчевич]. Справедливым будет упомянуть, что именно на южнокорейском рынке впервые появились такие инновационные продукты, как патчи для глаз и тканевые маски, позволяющие максимально быстро увлажнить кожу, визуальное осветлить ее и разгладить мимические морщинки [Хамзина]. Настоящим новшеством в мире косметики стал ВВ крем (Blemish Balm Cream) — тональное средство, представляющее собой смесь тонального, солнцезащитного и увлажняющего крема, которое обладает высокой пигментацией, стойким пудовым покрытием и содержит множество увлажняющих компонентов [Хамзина]. В 2008 г. AmorePacific впервые разработала так называемый «кушон» [Постникова], представляющий из себя компактную упаковку, напоминающую пудреницу: средство можно легко наносить на кожу, прикоснувшись аппликатором к пористому спонжу, пропитанному тональным продуктом (чаще всего ВВ кремом). Сейчас компания выпускает «кушоны» под разными брендами. Изобретение такого продукта было абсолютным коммерческим успехом, так как многие западные компании начали копировать технологию. Например, европейский бренд Lancôme начал выпускать свою версию

«кушона» под названием Miracle Cushion [Cok, P. 33]. Настоящим открытием стал выпуск более инновационной версии ВВ крема — СС крема (Color Control Cushion), который отличается более легкой текстурой, эффектом цветокоррекции лица и фактором SPF [Cha].

Еще одной особенностью корейской косметической продукции стало использование натуральных ингредиентов животного и растительного происхождения, ранее практически не использовавшихся в производстве косметики: муцин улитки, пчелиный и змеиный яд, зеленый чай, вулканические кластеры и пр. Корейцы изготавливают вытяжки из водорослей, сок бамбука, экстракты красного женьшеня и белой шелковицы. Также нередко производители опираются на рецепты народной медицины и используют редкие травяные ингредиенты, имеющие ограниченный ареал произрастания (например, остров Чеджу) [Хамзина].

В последние годы клеточные технологии стали первоосновой в южнокорейской науке и косметической индустрии. Плацентарная косметика в Южной Корее считается самой ценной и эффективной среди средств, сохраняющих молодость кожи. Плацента содержит огромное количество витаминов, микроэлементов и аминокислот, стимулирует развитие новых клеток кожи и активизирует выработку коллагена, даря коже упругость. Корейские специалисты научились создавать косметические продукты на основе плаценты как человеческой, так и свиной (наиболее близкой по составу к человеческой) [Стойчевич]. В странах Европы и США плацентарные препараты запрещены

по этическим соображениям, а в России запрещено использовать в косметических средствах человеческую плаценту, однако при производстве таких продуктов живым существам ущерб не причиняется. Плацента берется только от идеально здоровых доноров, а после получения очищается от генетического материала и перерабатывается в лабораториях для дальнейшего использования в косметических средствах. Еще большую популярность обрели средства на основе пептидов, которые зарекомендовали себя, как безопасные продукты, решающие проблемы кожи с максимальным эффектом. Средства с пептидами являются лучшим средством от старения, поскольку они повышают выработку коллагена и эластина, помогая вернуть коже упругость и гладкость, а также выступают в роли активного антиоксиданта. Проблема антивозрастного ухода актуальна всегда, поэтому корейские производители косметики уделяют ей особое внимание [Стойчевич]. В средствах от бренда Dr. Jart+ в состав входит целый комплекс пептидов, а также натуральный экстракт цветков персика.

Чтобы косметические компании имели возможность выработать лучшую маркетинговую стратегию, весь косметический рынок делится на более мелкие ценовые сегменты: люкс, масс-маркет, мидл-маркет и др. Это особенно актуально для косметических компаний, которые владеют множеством брендов. Например, чтобы охватить все возможные сегменты рынка, AmorePacific делит рынок на сегменты класса «люкс» (40,8% продаж), «премиум» (24,2%) и «массовый рынок» (11,5%) [Cок, Р. 34]. Более мелкие компании, такие как Missha, ориентиро-

ваны на один определенный сегмент. Несмотря на то, что европейские бренды тоже делятся на ценовые категории, можно заметить, что цена корейских косметических товаров будет заметно ниже, чем у европейских аналогов. Ввиду объемов производства и невероятной конкуренции внутри страны, южнокорейские производители вынуждены поддерживать баланс цены и качества, чтобы оставаться на вершине рейтинга продаж.

Одним из популярных методов стимулирования сбыта и продвижения в косметической индустрии является семплинг, то есть пробное использование средства в виде небольшой порции продукта, предоставленного потребителю бесплатно. Такая реклама считается самой действенной, так как покупатели могут оценить функциональность средства перед покупкой полноценного продукта. В Корее семплинг весьма распространен, так как такой метод лучше всего мотивирует клиентов к покупке и повышает их лояльность к бренду. Любой косметический бренд заинтересован в привлечении покупателей, особенно в условиях высокой конкуренции, поэтому проходим раздают пробники, приглашая заглянуть в их магазины. Нередко продавцы раздают пробники, стоя в дверях магазинов в ярких образах. Хотя такой вид маркетинга весьма дорогостоящий, это вызывает эмоции у потенциальных покупателей и мотивирует их делать спонтанные покупки [Cок, Р. 39].

Корейцы сильно заботятся о своем внешнем виде и придают большое значение упаковке и дизайну косметического продукта. Упаковка является очень важным аспектом, который

не только защищает средство от загрязнений и повреждений, но и внешне привлекает внимание покупателей. Согласно опросу Международного семинара по упаковкам косметики в Корее (англ. яз. International Cosmetics Packaging Seminar in Korea), 92% южнокорейских респондентов считают, что упаковка влияет на принятие решения при покупке косметики и что она должна быть яркой и модной. Именно поэтому косметические компании тратят много ресурсов на изготовление уникальной упаковки своей продукции. Производители стремятся удовлетворить вкусы любых полов и возрастов: от роскошных и элегантных футляров для люксовой косметики до упаковки в форме фруктов или животных для подростков [Cок, Р. 40]. Бренд Etude House компании AmorePacific, известен своими яркими, оригинальными тематическими упаковками (например, тинт для губ «Dear Darling Tint» в стеклянном флаконе в форме мороженого). Бренд Tony Moly также изображает милых животных на упаковках, а для дизайна упаковок кремов использует формы фруктов и овощей: манго, помидор и персик. Особую популярность приобрела линия декоративной и уходовой косметики «Tony Moly Panda's Dream» в баночках в виде панды.

Косметические компании продумывают уникальный стиль и имидж, способные повысить эффективность рекламы и способствовать увеличению продаж. Фирменный стиль каждого бренда создается маркетологами компании, повышает конкурентоспособность бренда, имеет смысловую нагрузку и передается через логотип, слоган и название [Ли Чон Хи, С. 165].

Благодаря этим факторам потребители узнают конкретный бренд среди множества других.

Логотип бренда — это не просто знак, а визуальная характеристика бренда, которая дает общую информацию о самом продукте и оказывает влияние на потребителей. Проведем анализ логотипов корейских косметических брендов, которые используют в составе своей продукции натуральные растительные ингредиенты и формулы традиционной медицины. По мнению корейского исследователя На Су Им, такая косметика относится к люксовому сегменту рынка, поэтому нуждается в более агрессивной маркетинговой стратегии [На Су Им, С. 129]. Большинство логотипов подобных брендов создают загадочные и роскошные образы, чтобы подчеркнуть функциональный аспект своей продукции. Цветовая палитра логотипов в большинстве случаев включает в себя черный и белый, а также золотой и благородные оттенки фиолетового и красного. Ахроматические цвета помогают подчеркнуть четкость знака темного цвета на светлом фоне и успешно используются брендами Sooryehan, Danahan и Nanyul. Более часто встречаются элементы золота в качестве символа роскоши и элегантности, способные привлекать женскую аудиторию (Olbit, The history of hoo) [На Су Им, С. 132]. Бренд Sulwhasoo в качестве цветового решения выбрал сочетание черного и золотого. Большая часть логотипов отличается абстрактными символами и цветочными мотивами, делая акцент на натуральных ингредиентах и женственности [На Су Им, С. 133].

В дизайне логотипов косметики восточной медицины широко используется каллиграфический шрифт на основе английского, корейского или китайского языка, что ориентировано на привлечение покупателя изысканностью дизайна и должно вызывать ассоциацию с восточными традициями. Использование китайских иероглифов продолжает лидировать в дизайне логотипов, так как наиболее точно отражает названия косметики восточной медицины. Хотя английские и другие европейские языки не совпадают с названиями лечебной косметики, доля использования английского языка постепенно увеличивается. Такие бренды как Sulwhasoo, Sansim и Vichy gain в своем логотипе применяют китайское написание, бренды The history of hoo и Donginbi используют сочетание китайского и английского, а Sooryehan — только корейский язык.

Проанализируем специфику названий косметических брендов, которые включают в себя информацию о торговой марке и её функциональности. Многие корейские бренды вкладывают в название смысл красивой внешности и утонченности, подразумевая, что если использовать их продукцию, то внешность станет настолько же привлекательной и красивой. Например, название «Sooryehan» буквально означает «невероятно красивая», а «Danahan» — «изящная», привлекая тем, что такая косметика сделает кожу каждой женщины роскошной. Название бренда «Nanyul» расшифровывается как сочетание слов «Республика Корея» и «ритм», что передает смысл гармонии красоты кожи и корейской мудрости, скрытой в природе [На Су Им, С. 135].

Не менее уникальным стилем обладают бренды, ориентированные на экологию и натуральный состав. В нем сочетаются все оттенки зеленого и символы природы. Так, например, бренд Innisfree основан на идеях сохранения природы и натуральной красоты: логотип темно-зеленого цвета изображает лес, символизирующий жизненную силу природы острова Чеджу. Слоган Innisfree в полной мере отражает суть образа бренда: «Забота о коже — забота о Земле». Концепция бренда Nature Republic основана на использовании натуральных ингредиентов в сочетании с инновационными технологиями, не причиняющих вред экологии. Лозунг «Чувство начала» заставляет задуматься потребителей о своем начале, которым несомненно является природа [Есть ли маркетинг в слогане...].

В частности, важную роль в косметической промышленности играет фактор экологических проблем и безопасности клиентов, что также оказывает влияние на их решение о покупке товара. Корейские косметические компании прилагают усилия для защиты окружающей среды и прав животных, а также этичного использования химических ингредиентов в производственных процессах. Сейчас все больше южнокорейских производителей выпускают экологичные упаковки и отказываются от тестирования косметики на животных, равно как и использования ингредиентов животного происхождения. Ярким примером такого подхода является веганская косметика [От макияжа до моды...]. Новый феномен так называемой «чистой красоты» сочетает в себе экологичность и устойчивые принципы этики:

использование ингредиентов и упаковок, не наносящих вреда окружающей среде, и отказ от вредных для человеческого организма синтетических ингредиентов [Этичные ингредиенты...]. В качестве примера можно привести, косметический бренд Belif от компании LG Household & Health Care, который занимается производством косметических продуктов по формуле, основанной на концентратах трав и витаминов В3 и С. Также бренд Beyond выпускает эссенцию «Miracle Forest Capsule In Essence», содержащую инулин, извлеченный из семян гималайских трав и корней цикория. Все эти продукты имеют сертификат «Веган» [Этичные ингредиенты...].

В мае 2022 г. крупнейшая мультибрендовая сеть в Южной Кореи Olive Young запустила «кампанию веганской красоты», которая познакомила всех желающих с тенденциями веганской косметики представленной в магазинах сети. С начала 2022 г. Olive Young запустила в продажу веганскую косметику, сертифицированную различными учреждениями, такими как Корейский институт веганской сертификации и услуг (англ. яз. Korea Agency of Vegan Certification and Services), Британское веганское общество (англ. яз. The Vegan Society) и Вегетарианская ассоциация Франции (фр. яз. Association Végétarienne de France) [От макияжа до моды...]. В будущем ожидается, что рынок веганской косметики продолжит увеличиваться, а тенденция «чистой красоты» станет ключевым элементом K-Beauty [Этичные ингредиенты...].

Таким образом, феномен K-Beauty является неотъемлемой частью продвижения корейской косметики как внутри страны, так и за рубежом, с каждым годом увеличивая объемы её экспорта. Косметика является ключевым элементом корейской культуры, характеризующейся строгими стандартами красоты и высоким уровнем пластической хирургии. Благодаря этому корейцы создают высокоэффективные средства, способные создать конкуренцию на международном рынке. Ажиотаж вокруг корейских средств по уходу за кожей способствовал абсолютному успеху K-Beauty и распространению корейских стандартов красоты во всем мире. Производители заинтересованы поддерживать внимание потребителей, используя такие методы стимулирования сбыта и маркетинговой коммуникации, как реклама продукции популярными корейскими артистами и раздача бесплатных образцов товара. Также производители косметики уделяют большое внимание не только натуральному составу своих продуктов, но и внешнему виду упаковок, делая их запоминающимися. Создание уникальных имиджей косметических брендов сыграло важную роль в продвижении корейской косметики: оригинальные дизайны логотипов, замысловатые названия и слоганы, раскрывающие концепцию брендов. Бренды лечебной косметики используют каллиграфию и контрастные цвета, подчеркивая функциональное назначение продуктов, бренды масс маркета прибегают к более ярким и доступным дизайнам, а бренды экологичной и веганской косметики используют цвета и стиль, ассоциирующийся с природой.

Список источников

1. Постникова И. Торговцы лицом: История AmorePacific, создавшей косметический рынок Кореи. URL: <https://secretmag.ru/trends/players/torgovcy-licom-80-letnyaya-istoriya-amorepacific-glavnoi-kosmeticheskoi-kompanii-korei.htm> (дата обращения 20.11.2021)
2. Стойчевич К. Корейские товары для индустрии красоты: восточное волшебство на базе инноваций, качества и доступной цены. URL: <https://www.krasivo.biz/korejskie-tovary-dlya-industrii-krasoty-vostochnoe-volshebstvo-na-baze-innovatsij-kachestva-i-dostupnoj-tseny/> (дата обращения 28.02.2022)
3. Хамзина Л. Феномен K-Beauty: почему «выстрелила» корейская косметика? *Asia Business Blog*. URL: https://asiabblog.com/2021/10/k-beauty/#_ftnref1 (дата обращения 10.12.2021)
4. Bropleh M. Incongruent Premodern and Modern Beauty Ideals: A Case Study of South Korea and India's Reconciliation of Current Beauty Trends With Foundational Religious Ideals. CMC Senior Theses. Paper 814. 2014. 65 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/84113367.pdf> (accessed 13.12.2022)
5. AmorePacific Corporation and Subsidiaries. Consolidated Financial Statements. *Amorepacific 2020 Audit Report*, 2021. 77 p. URL: <https://www.apgroup.com/int/en/investors/amorepacific-corporation/ir-reports/audit-reports/audit-reports.html> (accessed 18.04.2022)
6. Cha F. Complete Korean cosmetics shopping guide. *CNN Travel*. URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/korean-cosmetics-shopping-guide/> (accessed 02.03.2022)
7. Claire L., Siena B. The Korean Beauty Industry: How does it affect its Society? MOSSIAT Amélie Mémoire 2019/2020. 40 p. URL: [https://lem.lu/pdf/memoires/201920/BARONE,%20Siena;%20LEONARD,%20Claire_\(3CG\)_The%20Korean%20Beauty%20Industry.pdf.pdf](https://lem.lu/pdf/memoires/201920/BARONE,%20Siena;%20LEONARD,%20Claire_(3CG)_The%20Korean%20Beauty%20Industry.pdf.pdf) (accessed 12.05.2022)
8. Cok M. Marketing Korean cosmetics in Italy: a feasibility study of market entry. Master's Thesis. Ljubljana: University of Ljubljana, 2015. 85 p. URL: <http://www.cek.ef.uni-lj.si/magister/cok2017-B.pdf> (accessed 20.01.2023)
9. Gelézeau V. The body, cosmetics and aesthetics in South Korea. The emergence of a field of research. *C.C.J. Occasional Papers*. №2. 2015. 14 p. URL: <https://shs.hal.science/halshs-01211686/document> (accessed 31.01.2023)
10. March B., Dyer G. Everything you need to know about Korean skincare routines. *UK Cosmopolitan*. URL: <https://www.cosmopolitan.com/uk/beauty-hair/beauty-trends/a42942/korean-skincare-routine-explained/> (accessed 03.05.2022)
11. Our History. *AmorePacific Since 1945*. URL: <https://www.apgroup.com/int/en/about-us/amorepacific/our-history/our-history.html> (accessed 23.11.2021)
12. Отчет по анализу косметической промышленности за 2020 год. (2020 화장품산업)

- 분석 보고서) *Корейское агентство по продвижению индустрии здравоохранения (한국보건산업진흥원)*, 2020. 91 с. URL: https://kcia.or.kr/home/industry/industry_01.php?type=view&no=13874&ss=page%3D%26skind%3D%26sword%3D%26ob%3D (дата обращения 04.03.2022) (на кор. яз.).
13. И Чон Хи, Чхве Мун Хи. (이정희, 최문희) Исследование восприятий потребителями изображений логотипов косметических брендов. (화장품브랜드 로고에 대한 소비자의 감성 이미지 분석) *Исследования бренд-дизайна (브랜드디자인학연구)*. Т. 14(1). 2016. С. 159–170 (на кор. яз.).
 14. Есть ли маркетинг в слогане и фирменных магазинах косметики? (화장품 브랜드숍, 슬로건 속에 마케팅 있다?) *Бьюти Хангук (뷰티한국)*. URL: <http://www.beautyhankook.com/news/articleView.html?idxno=8768> (дата обращения 22.05.2022) (на кор. яз.).
 15. От макияжа до моды «веганство» — это тренд... а экологичность? (화장품부터 패션까지 '비건'이 대세...친환경은 "글썸") *Хангук Ильбо (한국일보)* <https://www.hankookilbo.com/News/Read/A2022050314260005250?did=NA> (дата обращения 21.05.2022) (на кор. яз.).
 16. На Су Им. (나수임) Характеристика логотипов брендов в корейской лечебной косметике. (국내 한방화장품 브랜드 로고 구성요소의 특성) *Общество корейской моды университета Санмён (상명대학교, 한국패션비즈니스학회)*. Т.19. №5. 2015. С. 128–138 (на кор. яз.).
 17. «Косметика для мужчин» ... в прошлом году рынок мужской косметики составил 1,28 трлн вон. (남성 위한 화장품이 뜬다'... 지난해 '남성 화장품' 시장 1조 2800억 원) *Диджитал Чосон Ильбо (디지털조선일보)*. URL: http://digitalchosun.dizzo.com/site/data/html_dir/2019/10/24/2019102480216.html (дата обращения 17.05.2022) (на кор. яз.).
 18. Компания по разработке мужской косметики «Серма». (남성화장품 개발기업, '세르마'). *KBS World*. URL: https://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=k&menu_cate=business&id=&board_seq=399061&page=0 (дата обращения 17.05.2022) (на кор. яз.).
 19. Этичные ингредиенты — это основа... Устойчивая и этичная косметика завоевывает популярность. (착한 성분은 기본... 지속 가능하고 윤리적인 화장품 뜬다) *Мэиль Кёндже (매일경제)*. URL: <https://www.mk.co.kr/news/economy/view/2022/01/37086/> (дата обращения 21.05.2022) (на кор. яз.).
 20. CNP Cosmetics обрела успех благодаря дерматологам и сыворотке от IU. (피부과 원장님이 만들어 대박난 '아이유 앰플' CNP 코스메틱스 성공 비결) *Инсайт (인사이트)*. URL: <https://www.insight.co.kr/news/207816> (дата обращения 01.04.2022) (на кор. яз.).
 21. Айдол-мужчина снялся в рекламе макияжа с красной помадой. (빨간 립스틱 남자 아이돌, 메이크업 광고 점령하다) *The JoongAng Ilbo*. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/23855818> (дата обращения 15.05.2022) (на кор. яз.).

References

1. Postnikova I. Face Traders: The Story of AmorePacific, which created the Korean cosmetics market. <https://secretmag.ru/trends/players/torgovcy-licom-80-letnyaya-istoriya-amorepacific-glavnoi-kosmeticheskoi-kompanii-korei.htm> (accessed 20.11.2021) (In Russ.)
2. Stoichevich K. Korean products for the beauty industry: oriental magic based on innovation, quality and affordable price. <https://www.krasivo.biz/korejskie-tovary-dlya-industrii-krasoty-vostochnoe-volshebstvo-na-baze-innovatsij-kachestva-i-dostupnoj-tseny/> (accessed 28.02.2022) (In Russ.)
3. Khamzina L. The K-Beauty phenomenon: why did Korean cosmetics "shoot"? *Asia Business Blog*. https://asiablog.com/2021/10/k-beauty/#_ftnref1 (accessed 10.12.2021) (In Russ.)
4. AmorePacific Corporation and Subsidiaries. Consolidated Financial Statements. *Amorepacific 2020 Audit Report*, 2021. 77 p. <https://www.apgroup.com/int/en/investors/amorepacific-corporation/ir-reports/audit-reports/audit-reports.html> (accessed 18.04.2022)
5. Bropleh M. Incongruent Premodern and Modern Beauty Ideals: A Case Study of South Korea and India's Reconciliation of Current Beauty Trends With Foundational Religious Ideals. CMC Senior Theses. Paper 814. 2014, 65 p. <https://core.ac.uk/download/pdf/84113367.pdf> (accessed 13.12.2022)
6. Cha F. Complete Korean cosmetics shopping guide. *CNN Travel*. <https://edition.cnn.com/travel/article/korean-cosmetics-shopping-guide/> (accessed 02.03.2022)
7. Claire L., Siena B. The Korean Beauty Industry: How does it affect its Society? MOSSIAT Amélie Mémoire 2019/2020, 40 p. [https://lem.lu/pdf/memoires/201920/BARONE,%20Siena;%20LEONARD,%20Claire_\(3CG\)_The%20Korean%20Beauty%20Industry.pdf.pdf](https://lem.lu/pdf/memoires/201920/BARONE,%20Siena;%20LEONARD,%20Claire_(3CG)_The%20Korean%20Beauty%20Industry.pdf.pdf) (accessed 12.05.2022)
8. Cok M. Marketing Korean cosmetics in Italy: a feasibility study of market entry. Master's Thesis. Ljubljana: University of Ljubljana, 2015, 85 p. <http://www.cek.ef.uni-lj.si/magister/cok2017-B.pdf> (accessed 20.01.2023)
9. Gelézeau V. The body, cosmetics and aesthetics in South Korea. The emergence of a field of research // *C.C.J. Occasional Papers*. 2015. No. 2, 14 p. <https://shs.hal.science/halshs-01211686/document> (accessed 31.01.2023)
10. March B., Dyer G. Everything you need to know about Korean skincare routines. *UK Cosmopolitan*. <https://www.cosmopolitan.com/uk/beauty-hair/beauty-trends/a42942/korean-skincare-routine-explained/> (accessed 03.05.2022)
11. Our History. *AmorePacific Since 1945*. <https://www.apgroup.com/int/en/about-us/amorepacific/our-history/our-history.html> (accessed 23.11.2021)
12. Cosmetics Industry Analysis Report 2020. *Korean Health Industry Promotion Agency*, 2020, 91 p. <https://kcia.or.kr/home/industry/>

- industry_01.php?
type=view&no=13874&ss=page%3D%
26skind%3D%26sword%3D%26ob%3D
(accessed 04.03.2022) (In Korean)
13. Lee Jung-Hee, Choi Mun-Hee. Research of consumers' perceptions of images of logos of cosmetic brands. *Brend dijainhakyongoo*. 2016. No. 14(1), pp. 159–170. (In Korean)
14. Is there any marketing in the slogan and branded cosmetics shops? (화장품 브랜드숍, 슬로건 속에 마케팅 있다?) *Beauty Hankook*. <http://www.beautyhankook.com/news/articleView.html?idxno=8768> (accessed 22.05.2022) (In Korean)
15. From make-up to fashion, “veganism” is trending.. and sustainability? *Hankook Ilbo* <https://www.hankookilbo.com/News/Read/A2022050314260005250?did=NA> (accessed 21.05.2022) (In Korean)
16. Na Soo-Yim. Characteristics of brand logos in Korean medical cosmetics. *Sangmyung Daehakkyo Hangukpaesion Biznisyhakhwe*. 2015. Vol. 19. No. 5, pp. 128–138. (In Korean)
17. “Cosmetics for men” ... last year, the men's cosmetics market amounted to 1.28 trillion won. *Digital Chosun Ilbo*. http://digitalchosun.dizzo.com/site/data/html_dir/2019/10/24/2019102480216.html (accessed 17.05.2022) (In Korean)
18. Serma, a men's cosmetics development company. *KBS World*. https://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=k&menu_cate=business&id=&board_se
[q=399061&page=0](https://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=k&menu_cate=business&id=&board_se) (accessed 17.05.2022) (In Korean)
19. Ethical ingredients are at the heart of... Sustainable and ethical cosmetics are gaining popularity. *Maeil Kyungje*. <https://www.mk.co.kr/news/economy/view/2022/01/37086/> (accessed 21.05.2022) (In Korean)
20. CNP Cosmetics has found success with dermatologists and IU's serum. *Insight*. <https://www.insight.co.kr/news/207816> (accessed 01.04.2022) (In Korean)
21. Male idol starred in red lipstick make-up advertisement. *The JoongAng Ilbo*. <https://www.joongang.co.kr/article/23855818> (accessed 15.05.2022) (In Korean)

Сведения об авторах

Хренов Валентин Валерьевич,

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры востоковедения

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

val-khrenov@yandex.ru

Шкляева Полина Антоновна,

Преподаватель корейского языка

Лингвистический центр ReloD

610020, Киров, ул. Пятницкая, 56

shklyeva_polina@mail.ru

Information about the authors

Valentin V. Khrenov

PhD in History, Associate Professor,
Chair of Oriental Studies

Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

val-khrenov@yandex.ru

Polina A. Shklyayeva

Teacher of Korean

Linguistic center "ReloD"
56, Pyatnitskaya Str., 610020 Kirov, Russia

shklyayeva_polina@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Outline of the history of the Korean studies in the IOM RAS

Очерк истории корееведения в ИВР РАН

Анофриева Дарья Сергеевна

Институт восточных рукописей РАН,

Санкт-Петербург, Россия

daria-anofrieva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0011-1478>

Darya S. Anofrieva

St. Petersburg Institute of Oriental Studies RAS,

St. Petersburg, Russia

daria-anofrieva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0011-1478>

УДК 811.531 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-158-179](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-158-179)

АННОТАЦИЯ

Уникальная традиция корееведческих исследований в Институте восточных рукописей РАН (до 2007 г. — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) возникла и развивалась в рамках санкт-петербургской (ленинградской) школы востоковедения, чью основу составляет изучение традиционной культуры стран Дальнего Востока, и в первую очередь — классических памятников дальневосточной литературы. Статья представляет собой краткий очерк истории корееведения в ИВР РАН с момента создания японо-корейского кабинета в 1930-х гг. и вплоть до 2022 года. Автор дополняет имеющиеся публикации по данной теме за счет привлечения ранее не публиковавшихся материалов Архива востоковедов ИВР РАН и расширения хронологических рамок исследования.

ABSTRACT

The unique tradition of the Korean studies at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (until 2007, the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies RAS) developed within the framework of the St. Petersburg (Leningrad) school of Oriental studies. It is based on the study of the traditional culture of the countries of the Far East, and, first of all, the classical monuments of the Far Eastern literature. The article is a brief outline of the history of the Korean studies at the IOM RAS since the establishment of the Japanese-Korean cabinet in the 1930s until nowadays. The article is based on previously unpublished materials from the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Studies RAS. The main emphasis is placed on the introduction of the biobibliographical data of those who worked at the IOM RAS: D. M. Sklyarov and L. K. Koreyan, mem-

Основной акцент сделан на введении в научный оборот библиографических данных исследователей-корееведов, работавших в ИВР РАН: Д. М. Склярова и Л. К. Кореяна, сотрудников японо-корейского кабинета, которые впервые в ИВ РАН начали изучение Кореи; А. А. Холодовича, первым в нашей стране описавшего грамматику корейского языка; Д. Д. Елисеева, переводчика и исследователя средневековой корейской прозы малых форм; М. И. Никитиной, специалиста по древней и средневековой корееязычной поэзии; А. Ф. Троцевич, историка корейской литературы и переводчика традиционной прозы; Л. В. Ждановой, изучавшей и переводившей корейскую средневековую поэзию на литературном китайском языке; С. О. Курбанова, специалиста по истории и идеологии Кореи; Ю. В. Болтач, занимающейся источниковедением ранней истории Кореи.

Ключевые слова. Корееведение, история корееведения, корейская традиционная литература, источниковедение Кореи, история востоковедения, ИВР РАН

Для цитирования: Анофриева Д. С. Очерк истории корееведения в ИВР РАН. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 158-179 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-158-179>

Уникальная традиция корееведческих исследований в Институте восточных рукописей РАН (до 2007 г. — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН) возникла и развивалась в рамках Санкт-Петербургской

Ленинградской школы востоковедения, чью основу составляет изучение традиционной культуры стран Дальнего Востока, и в первую очередь — классических памятников дальневосточной литературы. История корееведения

members of the Japanese-Korean cabinet, who for the first time in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences began to study Korea. Special attention is paid to the works of A. A. Kholodovich, who was the first in our country to describe the grammar of the Korean language; D. D. Eliseev, a translator and researcher of the medieval Korean prose of small forms; M. I. Nikitina, a specialist in ancient and medieval Korean-language poetry; A. F. Trotsevich, a historian of Korean literature and translator of traditional prose; L. V. Zhdanova, who studied and translated Korean medieval poetry from the literary Chinese language; S. O. Kurbanov, an expert on the history and ideology of Korea; Yu. V. Boltach, who is engaged in the study of sources of early Korean history.

Keywords. Korean studies, history of Korean studies, Korean traditional literature, source study of Korea, history of oriental studies, the IOM RAS

For citation: Anofrieva D.S. Outline of the history of the Korean studies in the IOM RAS. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 158-179 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-158-179>

(Ленинградской) школы востоковедения, чью основу составляет изучение традиционной культуры стран Дальнего Востока, и в первую очередь — классических памятников дальневосточной литературы. История корееведения

в стенах ИВР РАН насчитывает уже более 80 лет. Были разные периоды в истории развития корееведения, когда в ИВР РАН не оставалось ни одного специалиста по корейскому языку, а в какие-то годы корееведение было представлено целой группой ученых, занимающихся изучением и переводом памятников корейской культуры.

Для дальнейшего развития науки важно знать, над чем именно работали и что изучали наши предшественники. В свое время, в 70-е г., описание деятельности ученых-корееведов в ЛО ИВАН было поручено Д. Д. Елисееву и М. И. Никитиной, и в конечном итоге их статья была опубликована в сборнике «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР» (Елисеев, Никитина 1972).

Целью же данной работы является более детальное и подробное дополнение существующих публикаций, с использованием ранее неопубликованных архивных материалов.

Развитие политических и экономических отношений России и Кореи послужили причиной зарождения корееведения на территории России. Впервые корейский язык начали преподавать в 1897 году в Санкт-Петербургском Императорском университете на кафедре восточных языков. В Азиатском музее (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР, с 1956 г. — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с 2007 г. — Институт восточных рукописей РАН), фонд корейских рукописей начал формироваться еще в 1864 г. (Петрова 1956, 3), но корееведение появилось лишь в 30-х годах XX века. Корейские письменные матери-

алы, монеты и другие предметы материальной культуры, которые поступали в Азиатский музей обрабатывались представителями других востоковедных направлений. В силу сложившейся исторической ситуации, в то время Корея представляла интерес только в связи с колониальной политикой Японии.

В 1930 г. был создан Японо-корейский кабинет, который возглавил член-корреспондент АН СССР Н. И. Конрад (1891–1970). Именно он первым обратился к изучению Кореи и в январе 1931 прочитал доклад «Распространение японского империализма в Корею» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 200.).

Также среди сотрудников кабинета вопросами японской экспансии в Корею занимались Д. М. Скляр (1907–1939) и Л. К. Кореян (1904–1937). Так, Д. М. Скляр подготовил доклад «Распространение японской экспансии в Манчжурии и Корею» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 277.) и прочитал его в 1932 г. на заседании Ученого совета ЛО ИВАН. Темой Л. К. Кореяна в 1932 г. были «Аграрные отношения в Корею» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 277.). Кроме того, в том же году в рамках коллективной работы «Октябрь и Восток» он подготовил раздел «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Корею». Также Л. К. Кореян входил в группу, которая под руководством Н. А. Невского (1892–1937) занималась латинизацией корейской письменности.

К 1936 г. в кабинете по разным причинам¹ не осталось ни одного корееведа. Однако руководители кабинета осознавали важность

развития данной области востоковедения и поэтому Н. И. Конрад в докладной записке от 2 апреля 1936 г. писал о необходимости привлечения не менее двух сотрудников и двух аспирантов (по лингвистике и истории Кореи) (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 476.).

В 1936 г. в качестве научного сотрудника в японо-корейский кабинет приняли А. А. Холодовича (1906–1977), который ранее, еще не будучи сотрудником ЛО ИВАН, работал по договору над корееведческой темой «Грамматика корейского языка». Эта работа была закончена и утверждена к печати в 1937 г. (Холодович 1937). Также А. А. Холодович в рамках темы «Русская транскрипция корейских слов» 2 октября 1937 г. прочитал доклад «О русской транскрипции корейских чтений китайских иероглифов», а в 1938 г. опубликовал «Строй корейского языка» (Холодович 1938).

Во время войны 1941-1945 гг. А. А. Холодович эвакуировался в Саратов, в 1942 г. уволился из Института и больше в ИВ не работал. Из-за этого в 1943 г. в Японо-корейском кабинете снова подняли вопрос о дальнейшей судьбе корееведения в стенах ИВ, и поэтому на заседании кабинета было принято решение о зачислении двух аспирантов по истории Кореи и корейскому языку (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 815.).

В 1946 г. была образована Московская группа Института востоковедения, т.к. часть сотрудников, под руководством И. Ю. Крачков-

ского (1883–1951) были эвакуированы в Москву и работали там во время блокады. После снятия блокады И. Ю. Крачковский вернулся в Ленинград, а руководителем группы был назначен Н. И. Конрад (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 879.). Московское отделение работало по общему плану с ИВ, составляло ежегодные и пятилетние планы, утверждаемые ИВ. Однако уже в 1950 г. Институт переехал в Москву, а с 1956 г. в Ленинграде было образовано отделение Института востоковедения (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1154.).

Пятилетний план научных работ сотрудников был един для московских ученых и для Ленинградского отделения, поэтому в архивных документах есть следующие темы исследований на 1951-1955 гг.: «Очерки новейшей истории Кореи» (мл.науч.сотр. Ф. И. Шабшина); «Очерки экономики Кореи» (д-р. экон. наук Н. К. Вайнцвайг): «Корея (научный справочник)» (коллектив авторов под руководством д-р. экон. наук Н. К. Вайнцвайг) (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1089).

На следующую семилетку 1959-1965 гг. в общем плане ИВ и ЛО ИВАН были заявлены следующие темы, посвященные изучению Кореи: «Очерки новейшей истории Кореи» (канд. ист. наук Ф. И. Куликова); «Очерки истории рабочего движения в Кореи» (канд. ист. наук Г. Ф. Ким); «Аграрный вопрос в Южной Корее» (канд. экон. наук И. С. Казакевич); «Вопросы формирования корейской

¹ Д.М. Склярков был арестован в 1936 г. и умер в тюремной больнице в 1939 г., Л.К. Кореян был арестован в 1935 и расстрелян в 1937 г. (Васильков 2003)

нации» (канд. ист. наук Ф. И. Куликова); «Рабочий класс Кореи — руководящая сила революции и строительная сила народно-демократического государства» (канд. ист. наук Г. Ф. Ким); «КНДР на путях строительства социализма» (канд. ист. наук Ф. И. Куликова); «Экономический строй КНДР» (канд. ист. наук Г. Ф. Ким); «Очерки новой истории Кореи (1860-1900 гг.)» (канд. ист. наук Г. Ф. Тягай); «Современная историография о Корее» (канд. ист. наук Г. Ф. Ким); «Большой корейско-русский словарь» (канд. филол. наук Ю. Н. Мазур совместно с коллективом научных сотрудников Института языкознания и литературы АН КНДР); «Участие корейцев в борьбе за установление советской власти на Дальнем Востоке в годы гражданской войны» (канд. ист. наук С. А. Хан); «Народное движение в Корее в первой половине XIX в.» (канд. ист. наук Г. Ф. Тягай); «Развитие экономического и культурного сотрудничества СССР и КНДР» (канд. экон. наук Л. С. Багрянская); «Южная Корея под гнетом США» (коллектив авторов, канд. ист. наук Г. Ф. Ким); «Творческий путь Ли Ги Ена» (В. И. Иванова) (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1311.).

Формирование Ленинградского отделения ИВ АН привело к разделению научных интересов. Московские ученые сфокусировали свое внимание на современной истории, политической и экономической обстановке на Корейском полуострове, в то время как ленинградские специалисты приступили к изучению традиционных памятников литературы. Данная тенденция сохраняется и на сегодняшний день.

С 1943 г. корееведение не было представлено в стенах ИВ и только в 1950 г. был сформирован Сектор Монголии и Кореи. В него вошла О. П. Петрова (1900–1993), которая начала заниматься исследованиями корейского языка. Так, в 1950 г. она подготовила сообщение «Обзор корейского языковедческого журнала “Чосон ёнгу”» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1074.).

В 1951 г. было постановлено, что «... большое значение и теоретическое и практическое приобретают так же: а) проблема образования национальных языков социалистических наций и б) проблема образования общенациональных литературных языков в странах народной демократии на Востоке (МНР, Китай, Корея, Вьетнам)» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1089.). Так, на пятилетие 1951-1955 гг. намечено было издать корейско-русский словарь, учебную грамматику корейского языка. Таким образом, О. П. Петрова была назначена исполнителем темы по созданию учебника корейского языка, который должен был «охватывать фонетику, морфологию и синтаксис корейского языка и содержать иллюстрационные материалы в виде соответствующе расположенных по градации трудности текстов с приложением упражнений, необходимыми для овладения языком (Там же).

В 1952-1953 гг. О. П. Петрова занималась описанием корейских рукописей и в 1954 г. вышло из печати «Собрание корейских письменных памятников Института востоковедения Академии наук СССР». О. П. Петрова продолжила работать над составлением описания корейской литературы на китайском языке и в 1956

г. опубликовала «Описание письменных памятников корейской культуры. Выпуск I» (Петрова 1956), второй выпуск вышел в 1963 г. По заказу от Института языкознания АН КНДР О. П. Петрова написала статью «Очерки истории изучения корейского языка в России и СССР» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1125.).

В 1954 г. в ЛО ИВАН приняли Д. Д. Елисеева (1926–1994) в качестве младшего научного сотрудника. Помимо изучения и переводов корейских памятников, Д. Д. Елисеев также занимался технической работой по описанию корейского фонда (в дальнейшем эти описания вошли в перечень О. П. Петровой). Основной сферой интересов Д. Д. Елисеева стали корейские новеллы, и в первые годы в ЛО ИВ АН, помимо описания корейских памятников, он выпустил статью посвященную данной теме (Елисеев 1957) и готовил к публикации ксилографическое издание произведения Ким Нипху «Пэкрён Чхохе» (Пэкрён чхохе 1960), которое было опубликовано в 1960 г.

В 1957 г. в связи с приемом на работу М. И. Никитиной (1930–1999) и А. Ф. Троцевич (род. 1930) в составе Дальневосточного кабинета образовалась корейская группа, состоящая из трех корееведов-филологов. Это ознаменовало начало активного изучения корейских памятников литературы.

Следует сказать несколько слов о реорганизации Дальневосточного кабинета в Институте. После образования Сектора Монголии и Кореи в 1950 г. в ИВ АН не было разделения на кабинеты, и только с 1956 г., когда было

создано Ленинградское отделение ИВ, произошло объединение специалистов по Дальнему Востоку в Дальневосточный кабинет во главе со В. М. Штейном (1890–1964), куда и вошли трое корееведов-филологов. В 1966 г. была создана Корейская группа, объединившая специалистов, занимающихся средневековой литературой и изучением письменных памятников корейского рукописного фонда, куда вошли Д. Д. Елисеев, М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич. Позднее, в 1978 г. произошло объединение китайского, японского кабинетов и корейской группы в Дальневосточный сектор под руководством Е. И. Кычанова (в 1983 г. его заменил В. Н. Горегляд). В октябре 2003 г. путем слияния Дальневосточного сектора, сектора Истории и историографии Китая и Центральной Азии (ИИИКЦА) и текстологической группы, руководимой Л. Н. Меньшиковым (1926–2005), был образован сектор Дальнего Востока во главе с А. С. Мартыновым (1933–2013). С 2008 г. и по сегодняшний день данный сектор возглавляет Т. А. Пан (род. 1955).

Уже в 1957 г. М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич приступили к переводу первого тома романа «Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов)» (Никитина, Троцевич 1962) и уже в 1960 г. они отдали его в печать. В том же году Д. Д. Елисеев работал над переводом повести «Предание о золотом колокольчике, или повесть о том, что можно увидеть, но трудно объяснить» (Елисеев 1960), который позднее вошел в совместный сборник переводов трех корееведов (История о верности Чхунхян 1960), а М. И. Никитина закончила перевод и готовила к печати две повести

(«Повесть о том, что однажды приключилось с зайцем» (Там же), «Повесть о Хон Гильдоне» (Никитина 1974)²).

В 1959 г. М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич начали работать над темой «Очерки по истории древней и средневековой корейской литературы», тогда как Д. Д. Елисеев приступил к изучению темы «Корейская новелла XVII-XIX вв.», в рамках которой занимался переводом новеллы «Ёровон яхваги (Ночная беседа в Ёровоне)» (Восточная новелла 1963). Позднее он присоединился к работе над коллективной темой «Очерки по истории древней и средневековой корейской литературы» и написал разделы, посвященные Ким Сисыпу, литературе пхэгванов, жанру пхэсол и супхиль. В 1960 г. Д. Д. Елисеев начал работать над переводом сборника Ким Сисыпа «Кымо синхва» и завершил работу над ним в 1962 г (перевод данного сборника Д. Д. Елисеевым никогда не публиковался³), на основании чего он позднее опубликовал статью «К вопросу о роли Ким Си Сыпа в становлении жанра корейской средневековой новеллы» (Елисеев 1974). Во время работы над разделом, посвященным жанру пхэсол, Д. Д. Елисеев написал большое исследование, которое в 1966 г. защитил как кандидатскую диссертацию, легшую в основу монографии «Корейская средневековая литература пхэсол (некоторые проблемы происхождения и жанра)» (Елисеев 1968) и ряда статей (Елисеев 1966; АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 1724.). Кро-

ме того, в 1961 г. им была завершена работа над переводом «Повести о верном Чхое» (Чхое чхунджон 1971). Помимо работы по основной плановой научной теме, Д. Д. Елисеев продолжал перевод средневековых новелл, которые в дальнейшем вошли его сборник «Средневековая новелла. Корея» (Елисеев 1963).

Результатом работы над темой «Очерки по истории корейской средневековой литературы»⁴ стали две кандидатские диссертации (М. И. Никитина «Средневековая поэзия в жанрах сичжо и чан-сичжо», под руководством А. А. Холодовича; А. Ф. Троцевич «"История о верности Чхун Хян" и жанр повести в корейской средневековой литературе», под руководством А. А. Холодовича) и ряд статей (Никитина 1962; Троцевич 1961). Также в 1961 г. А. Ф. Троцевич начала подготовку к публикации перевода факсимильного издания «Краткая повесть о Чхунхян» (Чхунхян-джон квонджитан 1968). Выбор поэзии как главной темы для диссертации М. И. Никитиной являлся не случайным. Еще в студенческие годы она, совместно с А. А. Холодовичем, Лим Су (1923–2016) и П. Паком, переводила стихотворения сичжо, которые потом использовались как подстрочники поэтических переводов Анны Ахматовой (Корейская классическая поэзия 1956).

В 1967 г. группа корееведов завершила работу над темой «Исследования по истории становления корейской литературы» (Никитина,

² Впервые данный перевод был опубликован в сборнике: Корейские повести / сост. А. А. Холодович. Москва : Худ. лит, 1954

³ На данный момент существует лишь один опубликованный перевод этого памятника (Ким Сисып 1972)

⁴ Названия плановых тем могли меняться / уточняться

Троцевич 1969). В том же году Д. Д. Елисеев закончил перевод и начал подготовку к изданию факсимильного издания «Повести о генерале Ниме» (Ним чангун джон 1975). Кроме того, корейской группой были написаны две статьи по литературе Кореи XVII (Никитина, Троцевич 1987) и XVIII вв. (Никитина, Троцевич 1988) для «Истории всемирной литературы».

В 1968 г. Д. Д. Елисеев начал исследовать тему «Корейская средневековая новелла». Итогом данной работы стала монография «Новелла корейского средневековья (эволюция жанра)» (Елисеев 1977), которая была закончена в 1973 г., и в 1979 г. Д. Д. Елисеев защитил эту монографию как докторскую диссертацию (Троцевич 2004, 35). За это время также были опубликованы статьи для «Истории всемирной литературы» («Литература Кореи в XIV в.», «Литература в Кореи в XV в.») и совместная статья корееведов «Обоснованы ли выводы?» (Елисеев, Никитина, Троцевич 1969). Кроме того, в 1970 г. был опубликован сборник корейских рассказов (Черепуховый суп, 1970), куда вошли переводы Д. Д. Елисеева, А. Ф. Троцевич и Г. Е. Рачкова.

М. И. Никитина в 1968 г. начала работать над темой «Некоторые проблемы средневековой корейской поэзии XV – XVII вв.», в рамках которой она продолжила заниматься переводом стихотворений в жанре *сичжо*. По окончании данной темы в 1973 г. была завершена монография «Некоторые проблемы корейской поэзии на родном языке» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 2239.). Также, совместно с А. Ф. Троцевич, М. И. Никитина продолжала работу над перево-

дом «Самгук юса» (перевод некоторых отрывков данного памятника использовался при работе над «Очерками истории корейской литературы до XIV в.»).

В свою очередь А. Ф. Троцевич исследовала тему «Корейский средневековый роман». В процессе написания монографии она перевела ксилографическое издание романа Ким Манчжуна «Облачный сон девяти». В 1973 г. монография была завершена, а через год была завершена и работа над подготовкой к печати факсимильного издания ксилографа романа Ким Манчжуна «Куунмон (Облачный сон девяти)» (Троцевич 1986). Однако, исследование романа не завершилось на этом, а продолжилось и в дальнейшие годы. Так, с 1975 г. в рамках темы «Корейская аллегория», А. Ф. Троцевич начала сравнительный анализ текстов романа «Куунмон», написанных на литературном китайском и корейском языках. Исследование редакций и вариантов текста романа продолжалось вплоть до 1981 г. и было завершено в виде монографии «“Облачный сон девяти” и корейский средневековый роман» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 2633.).

С 1974 г. и по 1978 г. Д. Д. Елисеев работал над переводами сборника Ким Чегука (Ким Чегук 2004) и рукописных новелл Пак Чонсика (Досужие беседы на постоялом дворе 2016) из собраний Рукописного фонда ЛО ИВАН. Также Д. Д. Елисеев участвовал в коллективной теме «Рукописная книга в культуре народов Востока» и написал раздел, посвященный книге в средневековой Корее (Елисеев 1988).

В 1975 г. к группе корееведов в стенах ЛО ИВАН присоединилась Л. В. Жданова (1946–1999), после того как защитила кандидатскую диссертацию «Поэтическое творчество Чхве Чхивона (IX в.)», под руководством М. И. Никитиной. В следующие несколько лет, главной сферой ее интересов было творчество поэта Чхве Чхивона. Л. В. Жданова начала работать над переводами его стихов в форме *тан си* («танские стихи»). Монография (Жданова 1998), посвященная жизни и творчеству этого поэта была закончена и представлена на обсуждение (АВ ИВР РАН. Ф.152. Оп. 1а. №2581.) в секторе Дальнего Востока в 1980 г.

М. И. Никитина продолжала работать над поэзией по теме «Средневековая корейская поэзия (проблема пространства)», в рамках которой она изучала как сичжо, так и хянга (монография «Сичжо. Семантическая структура жанра») (Никитина 1994). Начиная с 1979 г. интерес М. И. Никитиной привлекла взаимосвязь ритуала и поэзии, что вылилось в ряд статей (Никитина 1979; АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 2538.; Никитина 1985), диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук и монографию «Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом» (Никитина 1982). После этого М. И. Никитина продолжила исследование влияния ритуала на литературу, но уже о взаимосвязи с мифом и начала работу над темой «Миф о Женщине-Солнце в корейской и соседних культурах». Результатом данного исследования стали две монографии «Миф о Женщине-Солнце в корейской и соседних культурах» и «Миф о Женщине-Солнце в культуре стран Дальневосточного региона», что

в итоге были сведены в единую работу (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 2890.).

С 1980 г. Д. Д. Елисеев приступил к написанию монографии «Средневековые писатели Кореи» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 2776.), что была закончена в 1985 г, но так и не вышла в печать. В то же время он работал над статьей, посвященной истории отечественного востоковедения до 1917 г (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 2671.).

Завершив исследования романа Ким Манчжуна «Куунмон» А. Ф. Троцевич начала тему «Проблемы изучения древних корейских текстов» (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. № 2671.) и в то же время она занималась переводом «Повести о Чек Сёные» (Чёк Сёный Чён 1996), который был закончен в 1986 г. Также, совместно с М. И. Никитиной, она занималась изучением темы «История классической корейской литературы», которая была завершена в 1993 г. Кроме того, за время исследования этой темы, был подготовлен к публикации сборник корейской прозы (История цветов 1990), в который вошли переводы Д. Д. Елисеева, М. И. Никитиной, Л. В. Ждановой, Л. Н. Меньшикова, Г. Е. Рачкова, С. Н. Сухачева и самой А. Ф. Троцевич.

После окончания работы над монографией, посвященной Чхве Чхивону, Л. В. Жданова начала работать над переводом и анализом стихотворений корейского поэта XII в. Ли Гюбо. Начиная с 1986 г. научная тема Л. В. Ждановой утверждалась лишь на один год, а не на три, как это было принято, и итог такой работы был представлен в виде цикла статей, посвященных творчеству поэта. Так, ею были рассмотрены

мифологические ассоциации в творчестве Ли Гюбо; мир растений; цвет/свет в ритуале любования хризантемами в Китае и Корее (Жданова 1997), мир цветов и т.д.

В рамках темы «Исследование классической литературы, созданной на корейском и китайском языках» Д. Д. Елисеев в 1986 г. начал работу над комментированным переводом сборника Сон Хёна «Гроздь рассказов Ёнчжэ». Перевести он успел 5 *квонов* (всего сборник состоит из 10 *квонов*), а сам сборник «Гроздь рассказов Ёнчжэ» (Сон Хён 1994) был опубликован уже после его смерти.

Материалы корейского языка продолжали привлекать внимание специалистов, занимающихся сравнительным языкознанием — А. В. Вовин (1961–2022), в то время японист-аспирант, а после м.н.с. ЛО ИВАН, написал несколько статей, посвященных корейскому и древнекорейскому языку, в том числе связям древнекорейского и древнеяпонского языков (Вовин 1986; Вовин 1986; Вовин 1990).

В 1993 г. С. О. Курбанов (род. 1963) в качестве младшего научного сотрудника приступил к работе над темой «Историография Кореи (средневековье и Новое время)» и в течении двух лет занимался исследованием и комментированным переводом ксилографа «Мокчэ касук хвичхан Ёса» («История [Ко]рё. Компиляция школы Мокчэ»⁵) На основании переводов данного памятника С. О. Курбанов в 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию (под руко-

водством Е. И. Кычанова) (Курбанов 1992), а также использовал эти материалы в курсе лекций по историографии Кореи (Курбанов 2002). Кроме того, С. О. Курбанов сделал комментированный перевод предисловия памятника Хон Ёха «Тонгук тхонгам чэгам» («Всеобщее зеркало Кореи. Основные положения») для сравнительного анализа с «Мокчэ касук хвичхан Ёса», написанного тем же автором. По результатам исследования этих памятников была написана статья (Kurbanov 1993). После завершения темы по историографии, С. О. Курбанов посвятил себя исследованию культа предков и сыновней почтительности в Корее. Комментированный перевод источников XV-XVII вв. послужил основой для написания статей (Курбанов 1996; Курбанов 1997), посвященных категории «хё» и ритуалам жертвоприношений духам предков в корейской культуре. Кроме того, материалы исследования сыновней почтительности «хё» легли в основу монографии «Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке» (Курбанов 2007), в которой приводится комментированный перевод памятника с китайского и корейского языков.

М. И. Никитина продолжила изучение взаимосвязи мифа и ритуала в корейской культуре и начала исследование «Миф о Женщине-Солнце и ее родителях и мифы-спутники в ритуальной традиции Кореи и соседних странах». В ходе работы над этой темой М. И. Никитина реконструировала мифы, раскрыла числовой

⁵ Описание этого ксилографа см.: А. Ф. Троцевич, А. А. Гурьева. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. 2. Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской Академии Наук. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2009 г. С. 63.

код мифов, выполнила реконструкцию ритуалов, отражающих мифы и разработала типовой алгоритм ритуала. В это время она не только опубликовала ряд статей (Никитина 1993; Никитина 1994), посвященных разным мифам и написала монографию «Миф о Женщине-Солнце и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и сопредельных стран» (Никитина 2001), а также опубликовала статью о петербургской коллекции рисунков Ким Джунгына (Никитина 1996).

После публикации сборника «История цветов», А. Ф. Троцевич не прекратила свои исследования в области изучения жанров корейской прозы и связей традиционной литературы с литературами других народов, а развивала их дальше. Результатом данного исследования стала монография «Миф и сюжетная проза Кореи» (Троцевич 1996). Также, А. Ф. Троцевич занималась описанием корейских рукописей и ксилографов в Рукописном отделе СПбФ ИВ РАН и в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. Кроме того, она начала составлять учебное пособие по истории корейской прозы (Троцевич 2004) и хрестоматию к нему, которые закончила в 2002 г.

На заседании отдела в 2002 г был обсужден перевод «Жизнеописаний достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» (Какхун 2007), выполненный Ю. В. Болтач (род. 1976). Перевод данного памятника лег в основу диссертации «“Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря” (XIII в.) как источник по ранней истории Кореи», написанную под руководством

А. С. Мартынова, которую Ю. В. Болтач защитила в 2007 г. Начиная с 2004 г. она занималась текстологическим сопоставлением «Жизнеописаний достойных монахов Великой Тан, искавших закон в западных пределах», «Лянских жизнеописаний достойных монахов» и «Жизнеописаний достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря» в рамках темы ««Распространение буддизма в Корею (характеристика источников)». Данное сравнение источников помогло установить расхождения между этими памятниками. После этого Ю. В. Болтач сопоставила «Исторические записи трех государств» и «Жизнеописаний достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря». В том же году, она начала работу над составлением учебного пособия по ханмуну для студентов-корееведов (Болтач 2013).

Следующая же научная тема, над которой Ю. В. Болтач проработала в итоге 12 лет, была связана с переводом памятника XIII в. — «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» («Самгук юса») (Ирён 2018), написанного монахом Ирёном. В рамках темы «Самгук юса: перевод, текстологический комментарий», Ю. В. Болтач занималась комментированным переводом пяти квонов памятника и сопоставлением информации с соответствующими данными из китайских исторических сочинений и династийных хроник. Эта фундаментальная работа была опубликована в 2018 г.

В эти же годы А. Ф. Троцевич и Ю. В. Болтач провели новую инвентаризацию корейского фонда Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН.

В том же году, А. Ф. Троцевич, теперь уже совместно с А. А. Гурьевой (род.1978) (которая

в то время была аспиранткой А. Ф. Троцевич и с декабря 2003 года работала младшим научным сотрудником), продолжила описывать памятники корейской культуры, хранящиеся в научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ и Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН (Троцевич, Гурьева 2009). В ходе работы по описанию фондов А. Ф. Троцевич опубликовала несколько статей, посвященных корейским рукописям из коллекций дипломатов (Троцевич 2007; Троцевич 2008).

Основной сферой интересов А. А. Гурьевой во время обучения в аспирантуре и работы в СПбФ ИВ РАН было изучение ксилографа «Намхун тхэпхён-га» (Песни великого спокойствия при южном ветре, 2019) из коллекции ИВР РАН. Данный памятник представляет собой антологию поэзии, составленную в эпоху Чосон и полностью никогда до этого не переведен. И в 2012 г. А. А. Гурьева защитила кандидатскую диссертацию «Поэтический сборник «Намхун тхэпхён-га», «Песни великого спокойствия при южном ветре» (памятник из рукописного отдела СПб Филиала Института Востоковедения РАН)».

Во время подготовки к публикации «Описания письменных памятников корейской традиционной культуры», А. Ф. Троцевич перевела ранее не исследовавшийся ксилограф В-2⁶, который содержал простонародную версию романа Ким Манчжуна «Сон в заоблачных высях». Результаты сравнительного исследования

данного ксилографа с двумя редакциями романа на корейском языке и тремя на ханмуне использовался в работе по составлению пяти словарей образных средств в рамках темы «Корейская традиционная литература. Проблемы текста». Анализ текстов «Сон в заоблачных высях» и «Скитания госпожи Са по югу» показали, что источником образных средств в корейской литературе (как на ханмуне, так и на корейском языке) послужила китайская классическая литература. Китайские слова, имена, названия вошли в корейский текст без перевода, просто записанные иероглифами в корейском чтении, что намекает на то, что для полного понимания смысла читатель должен был быть хорошо образован и знать сюжеты традиционной китайской литературы (АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 1а. № 3283.).

Кроме того, А. Ф. Троцевич была научным руководителем Ли Сан Юн (1959–2023), которая в 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию «Рассказ в творчестве современных писательниц Республики Корея: Пак Вансо, Син Кёнсук и Ын Хигён». Благодаря вовлеченности в эту тему Ли Сан Юн стала одной из ведущих переводчиц современной корейской женской литературы на русский язык.

С 2022 г. в отдел Дальнего Востока на должность м.н.с. поступила Д. С. Анофриева (род. 1998), научные интересы которой лежат в области изучения средневековой корееязычной литературы.

⁶ Описание этого ксилографа см.: Троцевич А. Ф., Гурьева А. А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. 2. Корейские письменные памятники в Рукописном отделе Института восточных рукописей Российской Академии наук. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2009. С. 148

С момента основания корееведения в стенах ИВР РАН прошло уже почти 100 лет и ученые, работавшие в данной сфере, не только занимались изучением особенностей культуры, истории и языка Кореи, но они также познакомили российских читателей с большим количеством прекрасных переводов литературы разных жанров (повести, рассказы, проза, стихотворения, сичжо). Сотрудники ИВР РАН активно ведут работу по изучению корейских коллекций Рукописного фонда и продолжают знакомить российских читателей с переводами памятников корейской культуры.

Список литературы

1. Архив востоковедов ИВР РАН (152 фонд, опись 1а).
2. Болтач Ю. В. Ханмун : вводный курс. Санкт-Петербург : Гиперион, 2013.
3. Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917 – 1991). Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2003.
4. Вовин А. В. Древнекорейский текст в «Манъёсю» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 2. Москва, 1986. С. 18–21
5. Вовин А. В. О древнекорейско-древнеяпонских языковых связях // Народы Азии и Африки. № 5. Москва, 1986. С. 18–102
6. Вовин А. В. О слове «луна» в древнекорейских хянга // Востоковедение. № 16. Москва, 1990. С. 11–15.
7. Восточная новелла / сост. З. Н. Ворожейкина, О. Л. Фишман. Москва: ИВЛ, 1963.
8. Досушие беседы на постоялом дворе: корейские рассказы XIX века/ пер. с кор. Д. Д. Елисеева. Под редакцией А. Ф. Троцевич. Санкт-Петербург: Гиперион, 2016.
9. Елисеев Д. Д. К вопросу о роли Ким Си Сыпа в становлении жанра корейской средневековой новеллы / Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Москва : Наука 1974. С. 188-195.
10. Елисеев Д. Д. К вопросу о роли рукописной книги в культуре Кореи // Рукописная книга в культуре народов Востока : кн. вторая. Москва: Наука, 1988. С. 271-312
11. Елисеев Д. [Д] Корейские новеллы XIX в., — «Восточный альманах», №1, 1957, стр. 251-280.
12. Елисеев Д. Д. Корейская средневековая литература пхэсол (некоторые проблемы происхождения и жанра). Москва : Наука, 1968.
13. Елисеев Д. Д., Никитина М. И. Корееведение.//Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Редакционная коллегия: А. П. Базиянц, Д. Е. Бертельс (отв. секретарь), Б. Г. Гафуров, А. Н. Кононов (председатель), Е. И. Кычанов,

- И. М. Оранский, Ю. А. Петросян, Э. Н. Тёмкин, О. Л. Фишман, А. Б. Халидов, И. Ш. Шифман. Москва, Наука, 1972. С. 202-208
14. Елисеев Д. Д. Новелла корейского средневековья (эволюция жанра). Москва : Наука, 1977.
 15. Елисеев Д. Д., Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Обоснованы ли выводы? // Вопросы литературы. Москва, 1969, № 5. С. 186-188
 16. Елисеев Д. Д. О характере литературы пхэсоль (предварительные соображения о возникновении художественной прозы в Корее) // Народы Азии и Африки, 1966, № 1. С. 116-120.
 17. Елисеев Д. Д. Предание о золотом бубенчике, или повесть о том, что можно увидеть, но трудно объяснить // История о верности Чхунхян : средневековые корейские повести. Москва : Вост. лит. 1960. С. 548-604.
 18. Елисеев Д. Д. Средневековая новелла. Корея. Переводы семи новелл. Восточная новелла / сост. З. Н. Ворожейкина, О. Л. Фишман. Москва: ИВЛ, 1963.
 19. Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1998.
 20. Жданова Л. В. Цвет в стихотворении Ли Кюбо «Воспеваю хризантемы» // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып.2. СПб, 1997. С. 91-106
 21. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / перев. с ханмуна, вступит. ст., комментю и указат. Ю. В. Болтач. Санкт-Петербург : Гиперион, 2018.
 22. История о верности Чхунхян : средневековые корейские повести. Москва : Вост. лит. 1960.
 23. История цветов : корейская классическая проза / пер. с ханмуна А. Ф. Троцевич, М. И. Никитиной, Д. Д. Елисеева, Л. В. Ждановой, С. Н. Сухачева, Г. Е. Рачкова; сост., вступ. ст. А. Ф. Троцевич ; коммент. Д. Д. Елисеева, Л. Н. Меньшикова. Ленинград : Худож. лит., 1990.
 24. Какхун. Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря (Хэдон косын чоң) / исслед., перев. с ханмуна, коммент. и указат. Ю. В. Болтач. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007.
 25. Ким Сисып. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой черепахи / пер. Д. Воскресенского и В. Сорокина. Москва, 1972
 26. Ким Чегук. Корейские новеллы. Из корейских рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН / Факсимиле рукописей. Перевод с корейского, предисловие и комментарий Д. Д. Елисеева. Под редакцией А. Ф. Троцевич. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004.
 27. Корейская классическая поэзия // пер. Анны Ахматовой; общ. ред., предисл.

- и примеч. А. А. Холодовича. Москва : Гослитиздат, 1956.
28. Курбанов С. О. Историографические аспекты земельных отношений в Корее X–XIV веков по материалам «Составленной истории [Ко]рё». Автореф... дис. канд. истор. наук. Санкт-Петербург. 1992.
 29. Курбанов С. О. Конфуцианский классический “Канон сыновней почтительности” в корейской трактовке. Санкт-Петербург. Изд-во СПбГУ, 2007.
 30. Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2002.
 31. Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры. Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1996. С. 102–111
 32. Курбанов С. О. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее. Вестник Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1997. С. 160–173.
 33. Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом / отв. ред. Л. Р. Концевич. Москва : Наука, 1982.
 34. Никитина М. И. К вопросу о рифме в «сиджо» // Народы Азии и Африки, 1962, № 5. С. 149-154
 35. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Корейская литература XVII в. История всемирной литературы. Т. 4. Москва: Наука, 1987. С. 504–536.
 36. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Корейская литература XVIII в. История всемирной литературы. Т. 5. Москва: Наука, 1988. С. 603-619.
 37. Никитина М. И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сичжо : Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время. Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
 38. Никитина М. И. Легенда о горе Амисан и другие, сходные с ней, в связи с мифом о Женщине-Солнце // Петербургское востоковедение. 1993. Вып. 3. С. 271–287
 39. Никитина М. И. Миф о Женщине-Солнце и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и сопредельных стран. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2001.
 40. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. Москва, 1969.
 41. Никитина М. И. Петербургская коллекция рисунков корейского художника XIX в. Ким Джунгына (Кисана) // Вестник центра корейского языка и культуры. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1996. С. 129–157.
 42. Никитина М. И. Повесть о том, что однажды приключилось с зайцем // История о верности Чхунхян: средневековые корейские повести. Москва : Вост. лит. 1960. С. 288-322.

43. Никитина М. И. Повесть о Хон Гильдоне // Роза и Алый Лотос : корейские повести (XVI–XIX вв.) / сост. и коммент. Л. Концевича. Москва: Худож. лит., 1974. С. 211–361.
44. Никитина М. И. Представления об облике «враждебного адресата», «старшего» и «младшего» в хянга «Песня о разбойниках» // Литературы стран Дальнего Востока. Москва : Наука, 1979. С. 104-111
45. Никитина М. И. Сичжо и хянга. Проблема взаимосвязи (на примере пейзажной поэзии) // Теория жанров литератур Востока. Москва : Наука, 1985. С. 22-44
46. Никитина М. И. Яшма бьяньхэ (Хань Фэйцзы) и чашка чая чхундама (Самгук Юса) в свете мифа о Женщине-солнце и её родителях // Проблемы истории, филологии, культуры. 1994. № 2. С. 229–234.
47. Ним чангун джон (Повесть о полковнике Ниме) / факсимиле ксилографа, текст, перевод с корейского, предисл. и коммент. Д. Д. Елисеева. Москва, 1975.
48. Песни Великого спокойствия при южном ветре / пер. с кор. А. А. Гурьевой. Санкт-Петербург : Гиперион, 2019.
49. Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. Москва; Ленинград, 1956.
50. Пэкрён чхохэ : антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом / изд. текста, перев. и предисл. Д. Д. Елисеева. Москва, 1960.
51. Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ / вступит. ст., перев. и коммент. Д. Д. Елисеева // Петербургское востоковедение. Вып. 5, 1994. С. 25-110
52. Ссяньчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов) / изд. текста, перев. и предисл. М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. Москва, 1962.
53. Троцевич А. Ф. Д. Д. Елисеев // Российское корееведение в прошлом и настоящем. Том 1. Жизнь и труд посвятившие Корею: российские корееведы 2-й половины XX века. Сборник статей. Москва: Первое Марта, 2004. С. 33-41
54. Троцевич А. Ф. За время дипломатической службы... Коллекции корейских книг в Санкт-Петербурге // Восточная коллекция. 2007, № 4 (31). С. 68–77
55. Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.) : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004.
56. Троцевич А. Ф. Корейский средневековый роман. «Облачный сон девяти» Ким Манчжуна. Москва: ГРВЛ, 1986.
57. Троцевич А. Ф. Корейская коллекция У. Дж. Астона в Рукописном отделе Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 10. Санкт-Петербург, 2008. С. 168–188.
58. Троцевич А. Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996.

59. Троцевич А. Ф. Гурьева А. А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. 2. Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской Академии Наук. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2009.
60. Троцевич А. Ф. О создании повести «История о верности Чхун Хян» // Дальний Восток : сб ст. по филологии, истории, философии. Москва: ИВЛ, 1961. С. 91–94.
61. Холодович А. А. Грамматика корейского языка. Ч. 1. Морфология. Москва, Изд-во Московского ин-та востоковедения, 1937.
62. Холодович А. А. Строй корейского языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1938.
63. Черепаховый суп : корейские рассказы XV–XVII вв. Ленинград : Худож. лит., 1970.
64. Чёк Сёный Чён. Квонджи тан (Повесть о Чёк Сёные. В одной тетради). Из корейских ксилографов СПбФ ИВ РАН / факсимиле ксилографа, пер. с кор., предисл., коммент., прил. и указ. А. Ф. Троцевич. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1996.
65. Чхое чхун джон (Повесть о верном Чхое) / факсимиле корейской рукописи, перев., предисл. и коммент. Д. Д. Елисеева. Москва : Наука, 1971.
66. Чхунхянджон квонджитан (Краткая повесть о Чхунхян) // факсимиле ксилографа, перев., предисл. и коммент.

А. Ф. Троцевич. Москва, 1968.

67. Kurbanov S. O. Principles of the Neo-Confucian Working Up of an Historical Text: on the Example of 'Composed History of Koryo' by Mokche // AKSE Newsletter. 1993, № 17. P. 12.

References

1. Archive of Orientalists of IOM RAS (152 fund, 1a inventory)
2. Boltach Yu. V. Hanmun: introductory course. Saint Petersburg: Giperion, 2013. (In Russ.)
3. Vasilkov Ya.V., Sorokina M.Yu. Men and Destiny: A Biographical and Bibliographical Dictionary of Oriental Scholars — Victims of Political Repressions during the Soviet Era (1917-1991). Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. (In Russ.)
4. Vovin A. V. Ancient Korean text in «Man'yoshu» // Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. Ch. 2. Moscow, 1986, pp. 18–21. (In Russ.)
5. Vovin A. V. About Ancient Korean-Ancient Japanese language relations // Peoples of Asia and Africa. № 5. Moscow, 1986, pp. 18–102. (In Russ.)
6. Vovin A. V. About the word "moon" in the ancient Korean hyanga // Oriental studies. № 16. Moscow, 1990, pp. 11–15. (In Russ.)
7. Eastern novella / comp. Z. N. Vorozheikina, O. L. Fishman. Moscow: IVL, 1963. (In Russ.)

8. Idle conversations at the inn: Korean stories of the 19th century / transl. from Korean. D. D. Eliseev. Edited by A. F. Trotsevich. Saint Petersburg: Giperion, 2016. (In Russ.)
9. Eliseev D. D. To the question of the role of Kim Si Sip in the formation of the genre of the Korean medieval novel / Theoretical problems of studying the literature of the Far East. Moscow: Nauka 1974, pp. 188-195. (In Russ.)
10. Eliseev D. D. To the question of the role of the handwritten book in Korean culture // Handwritten book in the culture of the peoples of the East: book two. Moscow: Nauka, 1988, pp. 271-312. (In Russ.)
11. Eliseev D. [D] Korean novels 19th century «Eastern Almanac», №1. Moscow, 1957, pp. 251-280. (In Russ.)
12. Eliseev D. D. Korean mediaval literature phesol' (some problems of origin and genre). Moscow: Nauka, 1968. (In Russ.)
13. Eliseev D. D., Nikitina M. I. Korean studies. // The Asiatic Museum — Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences/ Editorial team: A. P. Baziyants, D. E. Bertels, B. G. Gafurov, A. N. Kononov, E. I. Kyichanov, I. M. Oranskiy, YU. A. Petrosyan, E. N. Temkin, O. L. Fishman, A. B. Halidov, I. SH. SHifman. Moscow, Nauka, 1972, pp. 202-208. (In Russ.)
14. Eliseev D. D. Novel of the Korean mediaval (the evolution of the genre). Moscow: Nauka, 1977. (In Russ.)
15. Eliseev D. D., Nikitina M. I., Trotsevich A. F. Are the conclusions justified? // Questions of Literature. № 5. Moscow, 1969, pp. 186-188. (In Russ.)
16. Eliseev D. D. On the Character of Phesol Literature (Preliminary Considerations on the Origin of Fiction in Korea) // Peoples of Asia and Africa. № 1. Moscow, 1966, pp. 116-120. (In Russ.)
17. Eliseev D. D. The legend of the golden bell, or the story of what can be seen, but difficult to explain // The Story of Chunhyang's Loyalty: Medieval Korean Tales. Moscow: Vost. lit., 1960, pp. 548-604. (In Russ.)
18. Eliseev D. D. Medieval novel. Korea. Translation of the seven novels. Eastern novel / comp. Z. N. Vorozheikina, O. L. Fishman. Moscow: IVL, 1963. (In Russ.)
19. Zhdanova L. V. Poetry of Choi Chiwon. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1998. (In Russ.)
20. Zhdanova L. V. Color in Li Kyubo's Poem "I chant of Chrysanthemums" // Bulletin of the Center for Korean Language and Culture. Issue 2. Saint Petersburg, 1997, pp. 91-106. (In Russ.)
21. Iryeon. Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa) / translation from hanmun Yu. V. Boltach. Saint Petersburg: Giperion, 2018. (In Russ.)
22. The Story of Chunhyang's Loyalty: Medieval Korean Tales. Moscow: Vostochnaya literatura, 1960. (In Russ.)

23. The Story of Flowers: Korean classical prose / transl. from hanmun A. F. Trotsevich, M. I. Nikitinoi, D. D. Eliseeva, L. V. Zhdanovoi, S. N. Sukhacheva, G. E. Rachkova; editor of the introductory article A. F. Trotsevich ; comment. D. D. Eliseeva, L. N. Men'shikova. Leningrad: Khudozh. lit., 1990. (In Russ.)
24. Kakkhun. Lives of Eminent Korean Monks: The Haedong Kosung Chon / researcher., transl. from hanmun, comment. Yu. V. Boltach. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2007. (In Russ.)
25. Kim Si-seup New Tales of the Golden Turtle (Kūmo sinhwa) / transl. D. Voskresensky and V. Sorokin. Moscow, 1972. (In Russ.)
26. Kim Chae-guk. Corean Tales. From Korean manuscripts of the St. Petersburg branch of the Institute of Oriental Studies of RAS / Facsimile of manuscripts. Translation from Korean, preface and commentary by D. D. Eliseev. Edited by A. F. Trotsevich. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. (In Russ.)
27. Korean classical poetry // transl. Anna Akhmatova; total ed., foreword and note A. A. Kholodovich. Moscow: Goslitizdat, 1956. (In Russ.)
28. Kurbanov S.O. Historiographical Aspects of Land Relations in Korea in the 10th–14th Centuries Based on the Materials of the Compiled History of [Ko]ryō . Author's abstract dis. cand. history sciences. Saint Petersburg, 1992. (In Russ.)
29. Kurbanov S. O. The Confucian Classical "Canon of Filial Piety" in Korean Interpretation. Saint Petersburg. Izd-vo SPbGU, 2007. (In Russ.)
30. Kurbanov S. O. Course of lectures on the history of Korea from ancient times to the end of the 20th century. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2002. (In Russ.)
31. Kurbanov S. O. On the importance of studying the category of "hyo" ("filial piety") for understanding Korean culture. Bulletin of the Center for Korean Language and Culture. Issue 1. Saint Petersburg, 1996, pp. 102–111. (In Russ.)
32. Kurbanov S. O. Principles of the Neo-Confucian Working Up of an Historical Text: on the Example of 'Composed History of Koryo' by Mokche // AKSE Newsletter. 1993, № 17. P. 12.
33. Kurbanov S. O. Types, order of performance and essence of ceremonies of sacrifices to the spirits of ancestors in Korea. Bulletin of the Center for Korean Language and Culture. Issue. 2. Saint Petersburg, 1997, pp. 160–173. (In Russ.)
34. Nikitina M. I. Ancient Korean Poetry in Connection with Ritual and Myth / resp. ed. L. R. Kontsevich. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)
35. Nikitina M. I. To the question of rhyme in "sijo" // Peoples of Asia and Africa, № 5. Moscow, 1962, pp. 149-154. (In Russ.)
36. Nikitina M. I., Trotsevich A. F. Korean literature of the 17th century. History of world

- literature. Vol. 4. Moscow: Nauka, 1987, pp. 504–536. (In Russ.)
37. Nikitina M. I., Trotsevich A. F. Korean literature of the 18th century. History of world literature. Vol. 5. Moscow: Nauka, 1988, pp. 603-619. (In Russ.)
38. Nikitina M. I. Korean poetry of the 16th–19th centuries in the sijo genre: The semantic structure of the genre. Image. Space. Time. Saint Petersburg: Tsentr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1994. (In Russ.)
39. Nikitina M. I. The legend of Mount Amisan and others similar to it, in connection with the myth of the Woman-Sun // Petersburg Oriental studies, Vol. 3. Saint Petersburg, 1993, pp. 271–287. (In Russ.)
40. Nikitina M. I. The myth of the Woman-Sun and its "companions" in the ritual tradition of ancient Korea and neighboring countries. Saint Petersburg: Petersburg Oriental studies, 2001. (In Russ.)
41. Nikitina M. I., Trotsevich A. F. Essays on the history of Korean literature up to the 14th century. Moscow, 1969. (In Russ.)
42. Nikitina M. I. The St. Petersburg Collection of Drawings by Korean Artist Kim Jungyn (Kisan) // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. Vol. 2, No 3. Saint Petersburg, 1996, pp. 54-68.
43. Nikitina M. I. The tale of what once happened to the hare // The Story of Chunghyang's Loyalty: Medieval Korean Tales. Moscow: Vost. lit. 1960, pp. 288-322. (In Russ.)
44. Nikitina M. I. Hong Kil-dong // Rose and the Scarlet Lotus: Korean stories (XVI-XIX centuries)/ comp. and comment. L. Kontsevicha. Moscow: Khudozh. lit., 1974, pp. 211– 361. (In Russ.)
45. Nikitina M. I. Ideas about the appearance of the "hostile addressee", "senior" and "junior" in the hyanga "Song of the robbers" // Literature of the countries of the Far East. Moscow: Nauka, 1979, pp. 104-111. (In Russ.)
46. Nikitina M. I. Sijo and hyangga. The problem of interconnection (on the example of landscape poetry) // The theory of genres of literatures of the East. Moscow: Nauka, 1985, pp. 22-44. (In Russ.)
47. Nikitina M. I. Bianhe jasper (Han Feizi) and a cup of chungdam tea (Samguk Yusa) in light of the myth of the Sun Woman and her parents // Problems of history, philology, culture. № 2. Magnitogorsk, 1994, pp. 229–234. (In Russ.)
48. Im Changgun Chŏn (The Tale of General Im) / xylograph facsimile, text, translation from Korean, foreword and comment. D. D. Eliseev. Moscow, 1975. (In Russ.)
49. Songs of Great Calm in the South Wind / transl. from Korean A. A. Gur'eva. Saint Petersburg: Giperion, 2019. (In Russ.)
50. Petrova O. P. Description of written monuments of Korean culture. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1956. (In Russ.)

51. Paekryun chohe: an anthology of lyric poems by ryong-gu with Korean translation / ed. text, transl. and foreword D. D. Eliseev. Moscow, 1960. (In Russ.)
52. Seong Hyeon. Yongjaechonghwa (Assorted Writings of Yongjae) / enter. Art., transl. and comment D.D. Eliseev // Petersburg Oriental studies. № 5. Saint Petersburg, 1994, pp. 25-110. (In Russ.)
53. Ssyan"chkhon kyibon" (Amazing pairing of two bracelets) / ed. text, transl. and foreword M. I. Nikitinoi i A. F. Trotsevich. Moscow, 1962. (In Russ.)
54. Trotsevich A. F. D. D. Eliseev // Russian Korean studies in the past and present. Volume 1. Life and work dedicated to Korea: Russian Korean scholars of the 2nd half of the 20th century. Collection of articles. Moscow: Pervoe Marta, 2004, pp. 33-41. (In Russ)
55. Trotsevich A. F. During the diplomatic service... Collections of Korean books in St. Petersburg // Oriental collection. № 4 (31). Moscow, 2007, pp. 68-77. (In Russ.)
56. Trotsevich A. F. History of Korean Traditional Literature (before the 20th century): textbook. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2004. (In Russ.)
57. Trotsevich A. F. Korean medieval novel. "The Cloud Dream of the Nine" by Kim Man-jung. Moscow: GRVL, 1986. (In Russ.)
58. Trotsevich A. F. The Korean Collection of W. J. Aston in the Manuscript Department of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the RAS // Bulletin of the Center for Korean Language and Culture. Issue. 10. Saint Petersburg, 2008, pp. 168-188. (In Russ.)
59. Trotsevich A. F. Myth and plot prose of Korea. Saint Petersburg: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1996. (In Russ.)
60. Trotsevich A. F., Gur'eva A. A. Description of written monuments of Korean traditional culture. 2. Korean written monuments in the manuscript department of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2009. (In Russ.)
61. Trotsevich A. F. About the creation of «The Story of Chunghyang's Loyalty» // Far East: collection of articles on philology, history, philosophy. Moscow: IVL, 1961, pp. 91-94. (In Russ.)
62. Kholodovich A. A. Grammar of the Korean language. Part 1. Morphology. Moscow, Izd-vo Moskovskogo in-ta vostokovedeniya, 1937. (In Russ.)
63. Kholodovich A. A. Korean language structure. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo gos. un-ta, 1938. (In Russ.)
64. Turtle Soup: Korean Stories from the 15th-17th centuries. Leningrad: Khudozh. lit., 1970. (In Russ.)
65. Jeokseonaejeon. Kwonjitang (The Tale of Chok Senyi. In one notebook). From Korean xylographs of the St. Petersburg Branch of the Institute of Orthopedics of the Russian

Academy of Sciences / facsimile of a xylograph, trans. with short, foreword, commentary, adj. and decree. A. F. Trotsevich. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996. (In Russ.)

66. Choi chung jeong (Tale of Faithful Choi) / facsimile of the Korean manuscript, transl., foreword and comment. D. D. Eliseev Moscow: Nauka, 1971. (In Russ.)

67. Chunhyangjeon (A Brief Tale of Chunhyang) // xylograph facsimile, transl., foreword and comment. A. F. Trotsevich. Moscow, 1968. (In Russ.)

Сведения об авторе

Анофриева Дарья Сергеевна,

Магистр, младший научный сотрудник
ИВР РАН

Институт восточных рукописей РАН
Дворцовая набережная, 18, Санкт-Петербург, Россия

daria-anofrieva@mail.ru

Information about the author

Daria S. Anofrieva

Master's degree, junior researcher
of IOM RAS

Institute of Oriental Manuscripts RAS
Dvortsovaya embankment, 18, Saint Petersburg, Russia

daria-anofrieva@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

Western studies of Miao albums**Западные исследования альбомов мяо**

**Черевко Марина Вячеславовна,
Сомкина Надежда Александровна**

*Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

marina84ch@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7909-6687>

Marina V. Cherevko

Nadezhda A. Somkina

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Corresponding author:

marina84ch@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7909-6687>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-180-196](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-180-196)

АННОТАЦИЯ

Альбомы мяо появились в XVIII в и предназначались для того, чтобы изобразить этнические группы малых народностей, живущих на границах Цинской империи. В альбомы входили не только собственно мяо (хмонги), но и представители многих малых народов юго-востока Китая, т.е. современных провинций Гуйчжоу и Юньнань. Цель данной статьи — дать краткий обзор и оценку западноевропейских и американских исследований альбомов мяо. Исследования альбомов начались в середине XIX в и стали особенно популярны в XXI в. и по большей части выполнялись изолированно, т.е. попавший в руки исследователей объект в большинстве случаев исследовался с приведением минимального контекста. Обычно исследователи переводили и комментировали

ABSTRACT

Miao's albums appeared in the XVIII century and were intended to depict ethnic groups of small nationalities living on the borders of the Qing Empire. The albums included not only the Miao (Hmong), but also many small peoples of southeastern China, i.e. the modern provinces of Guizhou and Yunnan. The purpose of this article is to give a brief overview and assessment of Western European and American studies of Miao albums. Studies of albums began in the middle of the XIX century and became especially popular in the XXI century. Research object is often solely one album that was studied with minimal background. Usually researchers translated and commented on the album, at best comparing it with the collections of other museums and universities. At the present stage, albums are researched in accordance with

памятник, в лучшем случае сравнивая его с коллекциями других музеев и университетов. На современном этапе альбомы исследуются в соответствии с современными же трендами (гендер, этничность и т.п.), исследования часто носят тенденциозный характер, но постепенно становятся более комплексными.

Ключевые слова: этнография Китая, историография, мяо, альбомы мяо, малые народности Китая

Для цитирования: Черевко М.В., Сомкина Н.А. Западные исследования альбомов мяо. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 180-196 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-180-196>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00119, <https://rscf.ru/project/22-28-00119/>

Введение

Альбомы мяо появились в XVIII в. и предназначались для того, чтобы изобразить этнические группы малых народностей, живущих на границах Цинской империи. В альбомы входили не только собственно мяо (хмонги), но и представители многих малых народов юго-востока Китая, т.е. современных провинций Гуйчжоу и Юньнань. Изначально целью создания альбомов было познакомить цинских чиновников с нравами народов тех мест, где им предстояло служить. Большинство альбомов составлены в конце правления Юнчжэна (1723–1735) или в начале царствования Цяньлуна (1736–1796).

modern trends (gender, ethnicity, etc.), research is often tendentious, but grows to be more multifaceted.

Keywords: ethnography of China, historiography, Miao, Miao albums, national minorities of China

For citation: Cherevko M.V., Somkina N.A. Western Studies of Miao Albums. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 180-196 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-158-196>

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00119, <https://rscf.ru/project/22-28-00119/>

Альбомы были рукописными, сочетали прозу и стихи с детально проработанными цветными рисунками и часто переиздавались, при этом рисунки были выполнены часто «по мотивам» оригинальных, а текст зачастую изменялся, в степени от незначительной (варьировались отдельные иероглифы) до радикальной (полностью отличный текст). В настоящее время известно около 80 полностью сохранившихся альбомов мяо. Часть из них оцифрована и выложена в открытый доступ онлайн.

Цель данной статьи — дать краткий обзор и оценку западноевропейских и американских исследований альбомов мяо.

1. Начальный этап исследований

Первопроходцами в изучении альбомов мяо стали в первую очередь английские и североамериканские авторы, проживавшие на территории Китая в составе гуманитарных миссий. Поначалу исследования строились на единичных экземплярах таких альбомов и привлекали внимание, прежде всего, этнографической составляющей. Всплеск интереса западных исследователей, фактически совпал с угасанием интереса к таким альбомам в самом Китае — к моменту, когда альбомы попали в руки исследователей, в Китае их практически перестали выпускать.

Первая волна продолжалась почти столетие — с 1830-х и до 1930-х, после чего исследования практически прекратились, и интерес к альбомам возродился только в конце XX века. Однако с точки зрения глубины исследований, качественная трансформация стала заметна уже на излете первой волны — в начале XX века.

Первый перевод альбома мяо выполнил в 1837 г. Карл Фридрих Нойманн, профессор Мюнхенского университета. Альбом попал ему в руки вместе с 12 тыс. книг и документов, приобретенных им во время обучения и проживания в Китае. Перевод и результаты своего исследования Нойманн опубликовал в ориентальном журнале *Asiatische Studien* (Neumann 1837, 35-120). В альбоме, с которым работал Нойманн, было описано 79 племен.

Исследователь впервые предположил, что «мяо» — это не название отдельной этнической группы, а собирательное название групп коренных народов, проживающих в Гуйчжоу и, возможно, даже более того — во всем юго-западном районе страны. Будучи первопроходцем в изучении коренных народов Китая, Нойманн не мог опереться на опыт предшественников и какие-либо фундаментальные исследования, а потому, как выяснилось много лет спустя, допустил в переводе довольно много ошибок. Кроме того, тональность исследования была довольно тенденциозной — Нойманн оценивал описанные племена с позиции китайской культуры, а потому пришел к выводу об их полной невежественности.

Перечисленные им 79 народностей в целом совпадают с общепризнанным составом из 82 этнических групп, перечисленных в «Цяньцзи» (黔记, «Записи провинции Гуйчжоу») Ли Цзунфана (1779—1846), однако в альбоме, который исследовал Нойманн, порядок их различается. Кроме того, в состав не вошли «чиновница племени лоло 猓鬼女官», которую он определил в раздел, повествующий о племени в целом, а также «дун мяо» («восточные мяо») и «шуйцзя мяо» («водяные мяо»). Племя «и мяо» 侬苗 было приписано к уезду Чжэньфэн (贞丰), который в 1797 году был переименован в Юнфэн. Таким образом, альбом, с которым работал Нойманн, был создан, очевидно, ранее 1797 года (Neumann 1837, 40).

Эта находка стимулировала интерес к альбомам мяо в западных странах. В 1845 году в издании «The Chinese Repository» вышел

анонимный перевод одного из альбомов под названием «Notices of the Miao Tsz», в который вошло описание 41 изображения. Автор статьи не известен, но исследователи склоняются к версии, что им был американский лингвист и китаевед Сэмюэл Уэллс Уиллис (1812 – 1884). Автор рассмотрел этнографическую сторону альбома, не указав, однако, ни названия, ни имени автора, ни данных о его приобретении. Однако, к альбому имелось предисловие, из которого становилось понятно, что автором иллюстраций был человек, много путешествовавший по Гуйчжоу и зарисовавший увиденное собственными глазами. При этом в предисловии не указан ни род занятий автора, ни цель его путешествий (Anonymous 1845, 105-115). Спустя почти 40 лет выступил с аналогичным докладом на одном из заседаний Американского восточного общества (Proceedings at New Haven, Oct. 26th 1881, lxxvii–lxxviii), где скорректировал перевод.

В 1859 году в «The Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society» вышел перевод альбома, содержащего записи о 82 племенах (Bridgman 1959, 257-286). Перевод и комментарии выполнил американский миссионер Элайджа Коулман Бриджман (1801-1861), который долгое время прожил в Кантоне. Будучи переводчиком при Медицинском миссионерском обществе и проведя в Китае более пятнадцати лет, он прекрасно знал китайский язык и помогал Уильямсу с изданием перевода его альбома. Однако, поскольку Уильямс издал лишь половину, Бриджман решил закончить его работу и потому опубликовал полный перевод того же самого альбома. По словам самого

Бриджмана, это самый полный из известных ему альбомов, и единственная точная его копия находится в коллекции доктора Уильяма Локхарта (в настоящее время в коллекции Локхарта в Лондонском музее). Локхарт, к слову, также издал статью «On the Miaotsze or Aborigines of China» в 1861 году (Lockhart 1861, 177-185), при этом не выходя за рамки этнографического аспекта исследования альбома. Ориентируясь на географические названия в тексте, Уильямс предположил, а Бриджман подтвердил, что альбом (или издание, с которого была снята копия) был собран в период между 1741—1797 годами.

Первым, кто выделил альбомы мяо в отдельный жанр, был миссионер Джозеф Эдкинс, опубликовавший в 1870 г. работу «The Miao Tsi Tribes» (Edkins 2010). Помимо перевода доступного ему альбома он предпринял попытки исследовать историю, культуру, язык и обычаи описанных племен. Кроме того, он первым озвучил предположение, что альбомы предназначались не только для пользования в чиновничьей среде с целью расширить их представления о вверенном их власти регионе, но и широкому кругу читателей, для которых подобные альбомы были увеселительным чтением. «Ханьцы находят их быт и традиции весьма занятными, иначе невозможно объяснить подобное количество альбомов, представленных повсеместно», отмечал он (Edkins 2010, 4).

Миссионер Дж.М.Х. Плэйфэйр также написал статью об альбомах под названием «The Miaotzu of Kweichou and Yunnan from Chinese Descriptions» (Playfair 1876, 92-108). Он описывал 42 племени в Гуйчжоу и Юньнани, основываясь

на трех альбомах, приобретенных в Пекине. Статья стала результатом компиляции всех трех. Исходя из количества племен, можно предположить, что издания дошли до автора не полностью (поскольку иногда альбомы издавались в двух и более экземплярах), либо относились к раннему периоду, когда сведений о насельцах юго-западного Китая было довольно мало.

В 1876 году свой перевод одного из альбомов опубликовал Джордж Кларк в статье под названием «Translation of a Manuscript Account of the Kweichau Miao-tzu» (Clark 1883, 363-394). Его основная заслуга состояла в том, что в его распоряжении оказался один из самых ранних альбомов, которые он датирует 1730 годом, причем, никаких аргументов в пользу этого автор так и не привел.

В целом следует отметить, что интерес к альбомам до XX в. был преимущественно этнографическим, издавались в основном исключительно переводы альбомов, а исследовательская и комментаторская работа сводилась к минимуму.

В начале XX века интерес к альбомам мяо претерпел качественные изменения: если раньше он ограничивался переводом текста и словесным описанием иллюстраций, то теперь всё больше исследователей акцентировали внимание на социокультурном и историческом контексте, в которых создавались альбомы, а также их значении для мультидисциплинарных исследований Китая.

2. Исследования альбомов мяо в XX-XXI вв.

Поскольку практически в каждой синологически-заинтересованной стране были собственные экземпляры альбомов мяо, будет уместно разделить исследования по региональному принципу.

2.1 Германия

Существенный интерес к альбомам проявил немецкий исследователь Фритц Йегер, вуделивший особое внимание вопросу датировки альбомов. В период 1915-1918 гг. он описал известные ему альбомы, само явление «этнографических альбомов» и историю их возникновения. Предполагаемым рассветом альбомов мяо он называет период правления императора Юнчжэна (1723-1735), когда цинское правительство начало активную экспансию на юго-западных рубежах страны. Исследователь пришел к выводу, что создание и дальнейшее производство подобных альбомов было необходимо для укрепления позиций новой местной администрации, и нестабильность в данном регионе обуславливала то, что альбомы мяо были неизменно востребованы почти до середины XIX века. Кроме того, он одним из первых установил преемственность между жанром «альбомы мяо» и жанром «чжигунту» (Jäger 1916, 278).

Следующий шаг совершил Цю Чжангун (Chiu Chang-kong), аспирант, а затем директор Гамбургского этнографического музея. В работе «Die Kultur der Miaotse nach alteren chinesischen Quellen» («Культура народов мяо согласно более старым китайским источникам») он приводит

перевод на немецкий язык альбом, подаренный Готской научной библиотеке Фридрихом Хиршем. Переводу предшествует введение, в котором автор описывает историю появления и развития жанра «этнографических альбомов», а также рассматривает источники, на основе которых создавались эти альбомы (Chiu 1937, 5-32).

В 1941 году немецкий синолог Вольфрам Эберхард опубликовал труд «Die Miaotse Alben des Leipziger Volkermuseums» («Альбомы мяо Лейпцигского народного музея»). Исследователь сравнил их с доступными экземплярами из коллекций других немецких музеев, отметив, что, хоть в общей сложности альбомы называют 99 этнических групп, в действительности это все те же классические 82 народности, которые были известны с ранних альбомов. Эберхард пытался систематизировать этнографические знания племен в таблицах, группируя их по ритуалам и обычаям (Eberhard 1941, 125–137).

Херберт Бройтигем в работе «Über Miao-Alben» («Об альбомах мяо») исследовал альбом с 25 иллюстрациями, а также несколько неиллюстрированных альбомов. Он также создал каталог известных ему альбомов в библиотеках разных стран мира и разделил их на категории, а кроме того, попытался датировать альбомы на основании упомянутых географических названий. Также он пытался проследить эволюцию жанра с прародителей-трактатов, первым из которых называет «Цянь шу» (黔书, 1608). Именно он одним из первых высказал предположение, что с усилением Цинского присутствия в регионе альбомы начали дополнять подробностями и жизни племен — с тем, чтобы

облегчить цинской администрации задачу по управлению регионом (Bräutigam 1963, 284-298).

После этого исследования альбомов мяо в Германии прекратились. Новый всплеск интереса начался в XXI веке. К числу недавних работ относится издание «Das Yunnan-Album Diansheng Yixi Yinan Yiren Tushuo: Illustrierte Beschreibung der Yi-stämme im Westen und Süden der Provinz Dian der Sammlung Hermann Freiherr Speck von Sternburg aus Lützschena» (Юньнаньский альбом Дяньшэн Иси Инань Ижэнь Тушо: Иллюстрированное описание племен И на западе и юге провинции Дянь из коллекции Германа Фрейхера Шпека фон Штернбурга из Люцшена, 2003) под редакцией Клауса Деймеля (Deimel 2003). Работа представляет собой цветное издание указанного альбома с переводом и двумя предисловиями. Об этом альбоме известно, что работа над ним завершилась в 1788 году. Автором считается некий мелкий чиновник Хэ Чангэн, чья биография до сих пор остается неизвестной. В Германию альбом был привезен немецким послом Германом фон Штернбургом (1852–1908), который выкупил его в конце XIX века и подарил музею. В альбоме содержатся 44 цветные иллюстрации, каждой народности посвящен отдельный разворот. Иллюстрации разнятся между собой по стилистике и технике, что, скорее всего, указывает на разное время их написания и принадлежность кистям нескольких художников. Помимо истории возникновения жанра и общей информации о попадающих в подобные альбомы народностях редактор приводит статистику имеющихся в разных странах альбомов, ссылаясь, правда, на труды чешского коллеги Владимира Лишчака (Liščák

1991) и американской — Лоры Хостетлер (Hostetler 2005, 24-25). Кроме того, также приведены ссылки на теоретические разработки его соотечественников, упомянутых выше. В настоящий момент это одно из наиболее глубоких и комплексных немецких исследований по данной теме.

2.2. Великобритания

В 1930 году аспирант Оксфордской школы антропологии китайского происхождения Лю Чунши (Chungshee Liu) выполнил перевод семи доступных ему альбомов, который затем опубликовал под названием «The Miao Tribes». Авторство всех семи альбомов он приписал некоему «Ван Цзиню», однако не указал ни источника, который мог бы подтвердить это предположение, ни даже аргументов в пользу того, что все семь альбомов были созданы одним человеком. Несмотря на то, что объектом исследования стали несколько альбомов, а не один, как обычно, автор не произвел попыток анализировать представленные в них данные. Это было, пожалуй, единственным исследованием альбомов в XX веке, — следующие работы появились только в XXI.

Жанру альбомов мяо посвящена статья Хартмута Уоррэвенса «Иллюстрации этнических групп юго-западного Китая» (2003), однако автор уделяет больше внимания примерам иллюстраций, нежели исследованию составляющих жанра (Walravens 2003, 179-193).

Значительный вклад в исследования альбомов мяо внесла научный сотрудник лондонского Музея науки Цзин Чжу. В 2018 году она

защитила докторскую диссертацию на тему «Визуализация этноса на юго-восточных границах: Гендер и репрезентация в позднеимперском и республиканском Китае» (Zhu 2018), а затем на ее основе в 2019 году издала монографию «Империя и визуальное удовольствие: Реинтерпретация альбомов мяо провинций Юньнань и Гуйчжоу» (Zhu 2019). В противовес американской коллеге Лоре Хостетлер, подчеркивающей тесную связь между альбомами мяо, жанром иллюстрации, возникшим в результате колониальной экспансии на юго-западе Китая, и политическим контролем, Цзин Чжу рассматривает их в контексте популярной культуры и акцентирует внимание на широком распространении альбомов вне административных кругов. Изучив данные, собранные из предисловий, стихов, романов, отчетов о путешествиях и местных географических справочников, автор утверждает, что эти альбомы также были популяризированы на рынке и востребованы в гораздо более широких слоях населения, нежели местные органы власти. Исследование состоит из трех разделов: в первом автор рассуждает об эстетических аспектах альбомов мяо, во втором приводит доводы в пользу разнообразия потребителей этих альбомов, в третьем исследует производство и создателей таких альбомов, подчеркивая участие профессиональных художников, а также обращает внимание на масштабы копирования такого рода альбомов. Кроме того, большое внимание Цзин Чжу уделяет гендерным и этническим вопросам в заданном контексте.

В 2020 году в журнале «Irish Journal of Asian Studies» вышла статья Ип Сук Мана «The

Study of Miao Albums: The Purposes of the Compilation and the Image of the Miao People» (Yip 2020). В ней автор задавался вопросом, почему Цины рассматривали альбомы мяо через призму китайской культуры, а не своей маньчжурской. И, хотя ответы на этот вопрос в рамках отечественной синологии даны уже давно, отсюда видно, что западные исследователи наконец-то заинтересовались этой темой.

По сути, статья посвящена только альбому, уже изученному Хостетлер. Автор приводит лишь некоторые выдержки из текста (что в целом оправдано рамками статьи) и размышляет о контексте создания альбомов, а также о концептуальности цинского подхода. Так, автор предполагает, что стандартный набор критериев, по которым описывали ту или иную группу, включал в себя, помимо этнографических, важные для управителей данные: местную власть, организацию хозяйства, уплата податей, законопослушность, умение говорить по-китайски и знание ханьских социокультурных установок. По мнению автора, альбомы были своего рода «пособием» для местной цинской администрации, что в условиях регулярной смены чиновников значительно облегчало новым назначенцам жизнь.

2.3 Чехия

Фактически единственным исследователем альбомов мяо в Чехии стал Владимир Лишчак (Liščák 1991). Его исследования базируются в основном на альбомах, которые хранятся в музее Напрстек в Праге, и некоторых альбомах из коллекций европейских музеев, каталог которых он попытался составить. Кроме того,

автор уделил внимание и истории изучения альбомов мяо в Европе.

В своем исследовании Лишчак называет 82 группы, однако поправляется, что при точном подсчете их более 200. Кроме того, исследователь приходит к выводу, что большинство альбомов были созданы в период военных кампаний против южных регионов в период правления Юньчжэна (1723-1735) и Цяньлуна (1736-1795).

2.4 США

Североамериканский континент практически единолично представлен Лорой Хостетлер — одной из наиболее увлеченных и продуктивных исследователей альбомов мяо.

В 1995 году она защитила диссертацию на тему «Китайская этнография в XVIII в.: альбомы мяо провинции Гуйчжоу» (Hostetler 1995). В диссертации исследуется сбор и категоризация знаний, представленных в иллюстрированных этнографических текстах о населении юго-западной границы Китая XVIII в. Альбомы рассмотрены в контексте исторической, политической и социальной среды, в которой они были созданы; исследуется их генезис и развитие с течением времени; проводится сравнение с другими этнографическими альбомами империи Цин (например, серией альбомов «Чжи гун ту» («Иллюстрированный альбом данников»)); наконец, альбомы рассмотрены в свете научных исследований развития «этнографической репрезентации» на Западе. В общей сложности Хостетлер изучила 82 альбома, хранящихся в музеях и библиотеках Азии, США и Европы. 65 из этих альбомов были

посвящены народам, проживающим в провинции Гуйчжоу, остальные — провинциям Юньнань, Гуандун, Хунань и Тайвань. В диссертации дается полная библиографическая информация по каждому из них. Хостетлер предполагает, что существует связь между «визуализацией» народов меньшинств династии Цин на бумаге и желанием понять, определить и контролировать своих подданных и территорию, поскольку по манере сбора, организации и подачи информации альбомы предполагают определенную степень знакомства с политическими технологиями, которые используют приобретение «научных» знаний для достижения государственных целей (Hostetler 1995, 25–28).

В 2006 году Хостетлер в соавторстве с профессором Дэвидом Дилом выпустила монографию «Искусство этнографии: китайский альбом мяо». Книга представляет собой издание иллюстрированного альбома, содержащего 82 иллюстрации и соответствующий китайский каллиграфический текст, а также аннотированный перевод на английский. Автор альбома не известен, а сам он был создан не раньше 1797 года.

Во введении Хостетлер рассуждает о происхождении и эволюции жанра альбомов мяо, а также о социально-политическом контексте, в котором они впервые были созданы, этнографическом содержании текстов, композиции иллюстраций, авторстве и технологии производства альбомов. Кроме того, китайские альбомы рассмотрены ею в контексте имперской экспансии раннего нового времени на международном уровне, для чего представлены сравни-

тельные примеры из других альбомов мяо, а также некоторых похожих трудов японской и османской этнографии.

Хостетлер возводит истоки жанра «Иллюстрированный альбом данников» («Чжигун ту») к жанру «альбомов мяо», поскольку, хоть тексты и различаются, сама структура композиции и подачи материала в некоторых «демонстрируют поразительное сходство» (Deal, Hostetler 2006, XVII).

Альбом, на котором базируется книга, не назван, не датирован, и автор его не известен. Хостетлер предполагает, что создан он был в 1797 году или позже. Информация была почерпнута из географических трактатов; наиболее ранним называют издания Гуйчжоу тунчжи 1673 и 1682 гг., содержащих 30 и 31 печатную иллюстрацию соответственно. Иллюстрациям уделено пристальное внимание не только с историографической, но и с культурологической и даже искусствоведческой точки зрения. Стоит отметить, что на данный момент ни одно исследование по масштабам и глубине даже не приблизилось к работам Хостетлер.

Одновременно с ней, в 1995 году, альбомы в ходе собственного исследования о самоопределении китайских мяо рассматривала Норма Даймонд (Diamond 1995, 92-116), однако, как и большинство ученых, затронула лишь этнографический аспект и в основном повторила оценочные суждения своих предшественников.

В 2013 Фрэнсис Миллер издал монографию ««Quanqian Miaotu» A Miao Album for All of Guizhou Province: An investigation, explication,

and translation». Исследование посвящено альбому «全黔苗图» из коллекции Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (Penn Museum). В альбоме 40 разворотов, каждый из которых посвящен отдельному субэтносу мяо. Новизну исследования составил непосредственно перевод альбома, в то время как теоретическая часть была написана во многом на основе предшествующих исследований Хостетлер.

Касаясь материалов на французском и итальянском языках, прежде всего стоит отметить, что их вопиюще мало. При наличии довольно солидной коллекции альбомов мяо, интерес к ним выглядит несоразмерно малым. Так, в Италии собрано довольно значительное количество альбомов мяо хорошего качества (как минимум шестнадцать), подавляющая часть которых хранится в библиотеке Географического общества, при этом сколько-нибудь основательного исследования альбомов до сих пор не появилось. Во Франции известно четыре альбома, которые находятся в Национальном музее азиатских искусств Гимэ (Париж), но по сию пору самая примечательная заслуга коллег — только оцифровка бесценного этнографического материала.

2.5. Италия

Если говорить об исследованиях на итальянском языке, прежде всего стоит отметить публикацию Джузеппе Бертуччоли в журнале Итальянского института Африки и Востока «Восток и Запад» (1987) «Китайские книги из библиотеки Итальянского географического общества в Риме, иллюстрирующие жизнь этни-

ческих меньшинств юго-запада Китая» (Bertuccioli 1987). В ней он перечисляет все альбомы мяо из коллекции библиотеки Географического общества Италии и дает их краткую характеристику (название (при наличии), размеры, количество листов). И далее называет наиболее ценные исследования на китайском и европейских языках по исторической этнографии данного региона, которые непосредственно касались альбомов мяо. Он перечисляет известные ему к тому времени источники, начиная с самых ранних упоминаний. Основную часть публикации с 12 по 40 страницу составляет перевод на английский подписей к 18 изображениям из альбома под номером хранения Inv. 57 «Цянь шэн мяо ту» («Изображения мяо провинции Гуйчжоу»), затем следуют копии листов альбома с рисунками и подписями. (Bertuccioli 1987, 410-437). Именно этот альбом Бертуччоли называет самым интересным с художественной точки зрения, отмечая качество и искусность рисунков. В действительности изображения цветные, но в журнале они представлены в черно-белом варианте. В дополнение Бертуччоли перечисляет китайские исторические документы, которые, скорее всего, стали источниками информации для этого альбома, не останавливаясь на их подробном разборе. Кроме иллюстраций данного альбома в статье также можно найти по два изображения из альбомов с шифрами Inv.61 и Inv.64, и по одному из альбомов Inv.65 и Inv.70.

В 2008 году с 16 февраля по 4 мая в Национальном музее восточного искусства Джузеппе Туччи (Рим) проходила выставка, на которой

были представлены альбомы мяо, перечисленные в статье Бертуццоли из библиотеки Итальянского географического общества, кроме того, еще вертикальный свиток с изображением народностей северной части Гуйчжоу — черных мяо и лоло уезда Дадин (大定) провинции Гуйчжоу — всего 16 единиц хранения. Предположительно все они были приобретены в 1927 году из коллекции итальянского дипломата Джузеппе Роса (1883–1948). Это собрание считается одним из самых крупных в Европе (для сравнения в Британской библиотеке хранится 10 альбомов мяо, а во Франции в музее Гимэ лишь четыре). К выставке был подготовлен иллюстрированный каталог (*L'altra faccia della Cina* 2008). Данное издание состоит из 142 страниц, при этом помимо копий иллюстраций из этих альбомов мяо с 11 по 48-ю страницу размещены научные статьи ряда исследователей, посвященных народности мяо и представленным на выставке альбомам. Среди авторов статей отметим Марию Луизу Джорджи, Оскара Налезини (Nalesini 2008) и др. В заключительной части каталога помещены два очерка о реставрации и хранении альбомов. Куратор выставки Мария Луиза Джорджи в своем очерке приводит около ста альбомов мяо, которые хранятся по всему миру, включая Китай, данный перечень претендует на абсолютную полноту. Однако в аннотации к этому каталогу Лионелло Ланчотти с сожалением отмечает, что Джорджи не учла альбом мяо из 74 изображений, который находится в Итальянском институте Африки и Востока (итал. IsIAO) (Lanciotti 2007). Это интересное замечание, поскольку практически нигде о нем нет упоминаний.

Дополнительно заметим, что в каталоге представлена часть рисунков из различных альбомов коллекции Географического общества. Все иллюстрации сопровождаются переводом сопутствующих каллиграфических подписей и комментарием.

В числе материалов на итальянском языке также можно упомянуть дипломную работу Кьяры Проссо на факультете иностранных языков и литератур Университета Ка-Фоскари (Венеция), специально посвященная альбомам мяо (Pross, С. 2012). Следует сделать оговорку о том, что данная работа не была издана, однако доступна в Интернет сети. В действительности, содержание диплома Кьяры Проссо практически полностью повторяет уже ранее опубликованные материалы и отличается большим количеством длинных цитат и обилием ссылок на исследования предшественников (среди которых целых 190 выдержек из двух книг Лоры Хостетлер). С другой стороны, при подготовке текста использована обширная библиография и сведена воедино информация из источников на разных европейских языках, включая итальянский, немецкий и французский. Отдельного внимания заслуживает третья глава, дающая характеристику альбомов мяо на примере тех экземпляров, которые хранятся в Итальянском географическом обществе. В этой главе рассматривается представление об инородцах на примере альбомов мяо, их содержание, сюжеты, эволюция и распространение. Представлено описание изобразительного материала альбомов мяо из коллекции Итальянского географического общества. Указано различие оформления альбомов, материалов

обложек, наличие или отсутствие авторства, качества исполнения рисунков. Также прослеживается изменение художественной стороны альбомов с течением времени, от XVIII в. к XX в. Больше внимания уделяется их оформлению, признается как историческая, так и художественная ценность. Это не могло не отразиться на их назначении. В заключении сделан вывод о значимости альбомов мяо, с одной стороны в качестве источника историко-этнографической информации, с другой стороны в качестве наглядного пособия в помощь местным чиновникам.

2.6 Франция

На французском языке нет отдельных монографий, посвященных изучению альбомов мяо. Однако упоминания о них или отдельные изображения мы встречаем в различных статьях французских миссионеров, как, например, Алоиз Шоттер (Schotter 1908; Schotter 1909; Schotter 1911), Ф.-М. Савина (Savina 1924) и путешественников (например, записки лионской торговой миссии [Chambre de Commerce]). Одно из первых упоминаний об альбомах во франкоязычных изданиях — это путевые заметки от поездки по центральному и южному Китаю Лионской торговой миссии, которая состоялась с 1895 по 1897 гг. и состояла из 13 участников. В 1898 по результатам путешествия Коммерческой палатой Лиона была издана книга, состоящая из 859 страниц и носящая название миссии — Лионская торговая миссия. В пятой главе на странице 267 мы находим четыре рисунка из альбома мяо без указания их происхождения и без каких-либо комментариев (Chambre de Commerce de Lyon 1898, 267).

Отдельного внимания заслуживают публикации представителя французской католической миссии пастора Алоиза Шоттера, проповедовавшего в Гуйчжоу в округе Синъи. В сущности, речь идет об одной статье, которая была разделена на три части и вышла в свет в трех номерах журнала Антропос за 1908, 1909 и 1911 годы. Во вступлении он говорит о классификации и количестве типов инородцев в провинции Гуйчжоу (Schotter 1898, 400). Здесь он ссылается на некоего живущего по соседству китайского чиновника, который в свободное от службы время создавал изображения для альбома мяо, включавший 108 типов этнических групп. На что Шоттер отмечает, что в известных ему альбомах количество разных видов инородцев обычно определяется как 82 или менее того (Шоттер указывает числа 30 или 39). Однако затем высказывает предположение, что цифра 82 — довольно условная и искусственная, вероятно, в некоторых альбомах в одной этнической группе могут выделять подгруппы, по-разному их именуя, или же иногда несколько этнических групп объединены под одним названием. Число же 108 Шоттер связывает с буддийской символикой, что также является условностью, а не объективным фактом, отражающим реальную дифференциацию малых этнических групп юго-западного Китая.

И, наконец, среди исследований на французском языке нельзя не назвать книгу Клодин Ломбар-Сальмон «Образец китайской культурной ассимиляции: провинция Гуйчжоу в XVIII в.», где упоминаются материалы альбомов, хранящихся во Франции в Музее азиатского искусства Гимэ, служащие для подтверждения

и иллюстрации содержания книги (Lombard-Salmon 1972). С полной уверенностью, можно назвать это издание краеугольным камнем многих последующих исследований народности мяо, поскольку оно отличается высокой цитируемостью и достоверными сведениями из проверенных источников как китайских, так и западных. Монография Ломбар-Сальмон является практически единственным за последнее время трудом на французском языке, при подготовке которого использованы историко-географические описания династий Мин и Цин, а также альбомы мяо из французской коллекции. Чаще французские ученые опираются на результаты полевых исследований. В конце книги представлена обширная библиография, включающая китайские источники разных династий, а во введении подробно разобраны источники информации по истории инородцев юго-западного Китая. Альбомы упоминаются во вступительной части в разделе «Источники периода Цин» (Lombard-Salmon 1972, 34-35), а также в конце приводятся несколько иллюстраций (Lombard-Salmon 1972, 453-454]. Отметим, что автором книги дается не очень высокая оценка информации, содержащейся в альбомах мяо, к тому же высказываются сомнения по поводу ее точности и верности. Вероятно, по этой причине теме альбомов не уделяется большее внимание. Несмотря на то, что это не специальное исследование, посвященное альбомам мяо, они рассматриваются в ряду источников, приведены цитаты и изобразительный материал из них. Ценность книги Ломбар-Сальмон в подробном описании различных групп инородцев юго-западного Китая и в том, что это

одно из немногих французских исследований конца XX века, где фигурируют альбомы мяо. В XXI веке, к сожалению, также не проводилось изысканий на эту тему французскими учеными.

В целом во французской синологии и этнографии альбомы мяо не получили должного внимания, несмотря на четыре экземпляра, которые хранятся во Франции в библиотеке Музея Гимэ. Это не в последнюю очередь связано с особенностями французской колониальной политики и французскими владениями в Индо-Китае, а также потребностями миссионерской деятельности. Во-первых, основной объем исследований народности мяо и других близко проживающих национальных меньшинств связан с территорией Лаоса и Вьетнама (особенно Тонкина), поскольку это отвечало государственным интересам (Michaud 2014). Инородцы Гуйчжоу и Юньнани изучаются в основном миссионерами-иезуитами (Claus Deimel 2004). Во-вторых, с тематической точки зрения, большинство исследований нацелены на изучение местных наречий и языков для создания письменности, и облегчения проповеди христианства. Кроме того, часто освещаются темы восстаний, бунтов и недовольства инородцев, разбору подлежат прецеденты и причины, это связано с историей колоний Индо-Китае.

Можно констатировать, что степень изученности альбомов мяо в Италии и Франции, где хранятся достаточно оригинальных экземпляров, нельзя назвать высокой. Специальные исследования по альбомам мяо мало численны, а упоминания в других опосредованных публикациях косвенные и точечные.

Заключение

1. Во всем мире осталось не так много копий альбомов мяо, и ценность их возрастает, поскольку, как показывает практика, в настоящее время не существует ни одной полной копии одного и того же альбома; несмотря на тематическое и концептуальное сходство изображений, они выполнены разными художниками и сопровождаются разными текстами.

2. Исследования альбомов по большей части выполнялись локально, т.е. попавший в руки исследователей объект в большинстве случаев исследовался сам по себе, в отрыве от братьев по жанру. Обычно исследователи переводили и комментировали памятник, в лучшем случае сравнивая его с коллекциями других музеев и университетов, в худшем только лишь изолированно. Исключение составляют американский историк и антрополог Лора Хостетлер, чьи исследования действительно могут называться комплексными.

3. Исследования на ранних этапах включали в себя констатацию предметов на картинках, в лучшем случае сопровождающей исторической справкой. Вопрос о происхождении сопроводительного текста и иллюстраций в целом не поднимался.

4. На современном этапе альбомы исследуются в соответствии с современными же трендами (гендер, этничность и т.п.), исследования часто носят тенденциозный характер, однако постепенно становятся все более комплексными или, по крайней мере, междисциплинарными.

Выводы

Несмотря на довольно высокую ценность альбомов мяо для этнографии, этнологии и этнопсихологии, исследований альбомов западными учеными в настоящий момент недостаточно. В связи с этим необходимо:

1. Изучать альбомы в общей своей массе, с учетом альбомов из коллекций музеев и университетов других стран (США, Франция, Германия, Великобритания, Япония, Китай)

2. Изучать альбомы системно, а не аспектно, поскольку каждый аспект важен именно в контексте.

3. Сопоставить уже произведенные исследования друг с другом, поскольку частные исследования альбомов в совокупности могли бы стать основой общего системного изучения альбомов мяо как историографического и этнологического явления.

References

1. Neumann, K. F. Die Urbewölkung einiger Provinzen des chinesischen Reiches. Asiatische Studien. Mit einer lithographierten Beilage. Leipzig: J. A. Barth. 1837. Band 1, pp. 35-120.
2. Anonymous. Notices of the Miao-tsze or Aboriginal Tribes, inhabiting various highlands in the southern and western provinces of China Proper. The Chinese Repository, 1845, 14 (3), pp. 105-115.
3. Proceedings at New Haven, Oct. 26 th, 1881. Journal of the American Oriental Society.

- Philadelphia: American Oriental Society. 1885, vol. 11, pp.lxxvii–lxxviii.
4. Bridgman, E. C., transl. Sketches of the Miau-Tsze. *Journal of the Royal Asiatic Society, North China Branch*, 1959, no.3, pp. 257-286.
 5. Lockhart, W. On the Miaotsze, or Aborigines of China. *Transactions of the Ethnological Society of London*, 1861, vol.I, pp. 177-185.
 6. Edkins, J. *The Miau tsi Tribes*. London: The British Library, 2010.
 7. Playfair G.M.H. The Miaotzu of Kweichou and Yunnan from Chinese description. *China review*, 1876, vol.5, pp. 92-108.
 8. Clark G.W. Translation of a Manuscript Account of the Kwei-chau Miao-tzu. A. R. Colquhoun. *Across Chryse*. 1883, pp. 363-394.
 9. Jäger F. Über chinesische Miaotse-Albums. *Ostasiatische Zeitschrift*, 1916, no. 4.
 10. Chiu C.K. Die kultur der Miao-tse nach älteren chinesischen quellen. Kommissionsverlag Friederichsen, De Gruyter & Company m.b.h., 1937.
 11. Eberhard W. Die Miaotse-Alben des Leipziger Volkmuseums, *Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel*. Braunschweig, Friedr. Vieweg & Sohn. 1941, pp.125–137.
 12. Bräutigam H. Über Miao-Alben. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*, 1963, № 9, pp. 284-298.
 13. Claus Deimel (ed.), *Das Yunnan-Album Di-*
 - ansheng Yixi Yinan Yiren Tushuo. *Illustrierte Beschreibung der Yi-Stämme im Westen und Süden der Provinz Dian der Sammlung Hermann Freiherr Speck von Sternburg aus Lützschena*. Leipzig: Museum für Völkerkunde zu Leipzig, 2003.
 14. Liščák V. 'Miao Albums': Their Importance and Study. *Český Lid*, 1991, vol.78, no. 2, pp. 96–101. <http://www.jstor.org/stable/42701083> (date of access 14.12.2022)
 15. Hostetler L. *Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
 16. Walravens, H. *Illustrations of Ethnic Groups in Southwestern China*. *Pearls of the Orient: Asian Treasures from the Wellcome Library*. London: Serindia Pub. 2003, pp. 179-193.
 17. Zhu J. *Visualising Ethnicity in the Southwest Borderlands: Gender and Representation in Late Imperial and Republican China*. Unpublished PhD thesis, University of Edinburgh, 2018. https://www.academia.edu/42346256/Visualising_Ethnicity_in_the_Southwest_Borderlands_Gender_and_Representation_in_Late_Imperial_and_Republican_China
 18. Zhu, J. *Empire and Visual Pleasure: Reinterpreting the Miao Albums of Yunnan and Guizhou*. *British Journal of Chinese Studies*, 2019, vol.8 (2), pp. 29-62.
 19. Yip Suk Man. *The Study of Miao Albums: The Purposes of the Compilation and the Image of the Miao People*. *Irish Journal of Asian*

- Studies, 2020, № 6.
20. Hostetler L. Chinese ethnography in the eighteenth century: Miao albums of Guizhou Province. Dissertation. University of Pennsylvania, 1995.
 21. Deal, D.M., Hostetler L. The Art of Ethnography: A Chinese "Miao Album". Seattle: University of Washington Press. 2006.
 22. Diamond N. Defining the Miao: Ming, Qing, and Contemporary Views. Cultural Encounters in China's Ethnic Frontiers. Seattle: University of Washington Press. 1995, pp. 92-116.
 23. Bertuccioli G. Chinese Books from the Library of the Italian Geographical Society in Rome Illustrating the Lives of Ethnic Minorities in South-West China. East and West, 1987, vol. 37, no. ¼, pp. 399-438. <http://www.jstor.org/stable/29756826> (date of access 14.12.2022)
 24. L'altra faccia della Cina. L'etnia Miao negli Album della Società Geografica Italiana / Giorgi M. L. (a cura di). Roma: Società Geografica Italiana, 2008.
 25. Nalesini O. Hmong/Miao: una cultura tra Cina e Asia sud-orientale. L'altra faccia della Cina. L'etnia Miao negli Album della Società Geografica Italiana. Roma: Società Geografica Italiana. 2008, pp. 30-39.
 26. Lanciotti L. Review of L'altra faccia della Cina. L'etnia Miao negli Album della Società Geografica Italiana. East and West, 2007, vol. 57, no. ¼, pp. 415-415. <http://www.jstor.org/stable/29757743> (date of access 14.12.2022)
 27. Pross, C. Gli 'album dei Miao'. Un esempio di rappresentazione dell'Altro: Diss., 2011/2012. Firenze, 2012. <http://dSPACE.unive.it/handle/10579/2338>. (date of access 14.12.2022)
 28. Schotter A. Notes ethnographiques sur les tribus du Kouy-tcheou (Chine): Introduction. Anthropos, 1908, vol. III, pp. 397-425.
 29. Schotter A. Notes ethnographiques sur les tribus du Kouy-tcheou (Chine): IIème partie: Les différentes tribus des Miao, chaps. 1-4. Anthropos, 1909, vol. IV, pp. 418-453.
 30. Schotter A. Notes ethnographiques sur les tribus du Kouy-tcheou (Chine) : IIème partie: Les différentes tribus des Miao, chaps. 5-9 et Récapitulation. Anthropos, 1911, vol. VI, pp. 318-344.
 31. Savina F.M. Histoire Des Miao. Imprimerie de la Societe des Missions Etrangeres, Hongkong, 1924.
 32. Rey A. Chambre de Commerce de Lyon, La Mission Lyonnaise d'Exploration Commerciale en Chine 1895-1897. 1898.
 33. Lombard-Salmon C. Un exemple d'acculturation chinoise: la province de Gui Zhou au XVIIIe siècle. Paris: Ecole Francaise d'Extreme-Orient. 1972.
 34. Michaud J. Incidental Ethnographers French Catholic Missions on the Tonkin-Yunnan Frontier, 1880-1930. Leiden: BRILL. 2014.
 35. Culas C., Michaud J. A contribution to the

study of Hmong (Miao) migrations and history. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. Leiden. 1997, 153, no. 2, pp. 211-243 <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI9532199> (date of access 14.12.2022)

Сведения об авторах

Черевко Марина Вячеславовна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский Государственный
Университет. Санкт-Петербург, Россия

marina84ch@yandex.ru

Сомкина Надежда Александровна

доцент

Санкт-Петербургский Государственный
Университет. Санкт-Петербург, Россия

n.somkina@spbu.ru

Information about the authors

Marina V. Cherevko

Senior lecture

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

marina84ch@yandex.ru

Nadegda A. Somkina

Assistant Professor

Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia

n.somkina@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

**Soviet-Turkish relations in 1922
(according to the pages of documents)**

**Советско-турецкие отношения 1922 г.
(по страницам документов)**

Гришин Яков Яковлевич

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет*

Автор, ответственный за переписку:

bakhmetkarimov@gmail.com

Yakov Ya. Grishin

Bulat G. Akhmetkarimov

Kazan (Volga region) Federal University

Corresponding author:

bakhmetkarimov@gmail.com

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-197-209](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-197-209)

АННОТАЦИЯ

Как известно, в 1921 г., 16 марта, в Москве между РСФСР и Турцией подписывается Договор о дружбе и братстве¹. С советской стороны документ подписали нарком иностранных дел Г. В. Чичерин и член ВЦИК Дж. КORKMASOV, с Турецкой стороны — Юсуф Кемаль, Али Фуад и Риза Нур, уполномоченные правительства Великого Национального Собрания Турции (далее ВНСТ). Договор вступил в силу 22 сентября 1921 г. Он имел для Турции существенное значение, являясь первым официальным признанием её независимости и равноправия с другими державами. РСФСР и Турция обмениваются послами. В Анкару полпредом направляется Семен Иванович Аралов, а в Москву прибывает турецкий посол генерал Али Фуад.

ABSTRACT

As you know, in 1921, on March 16, In Moscow, an Agreement on Friendship and Fraternity is signed between the RSFSR and Turkey. On the Soviet side, the document was signed by the People's Commissar of Foreign Affairs G. V. Chicherin and a member of the Central Executive Committee J. Korkmasov, from the Turkish side — Yusuf Kemal, Ali Fuad and Riza Nur, authorized representatives of the Government of the Grand National Assembly of Turkey (hereinafter VNST). The Treaty entered into force on September 22, 1921. It was of significant importance for Turkey, being the first official recognition of its independence and equality with other powers. The RSFSR and Turkey exchange ambassadors. Semyon Ivanovich Aralov is going to Ankara as a plenipotentiary,

¹ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960 – С. 64-67

Любой договор чего-то стоит, если последовательно выполняется обеими сторонами. Особенно важен первый период, в ходе которого закладывается фундамент будущих отношений. Вот об этом первоначальном этапе и пойдёт речь в данной статье. Авторы при этом ограничиваются 1922 годом, годом укрепления двусторонних связей. Об этом свидетельствуют опубликованные документы внешней политики СССР, мемуарные источники (К. Ататюрк, С.И. Аралов), которые стали основой предлагаемого материала.

Ключевые слова. К. А. Ататюрк, С. Аралов, А. Фуад, Г. Чичерин, Л. Карахан.

Для цитирования: Гришин Я.Я. Ахметкаримов Б.Г. Советско-турецкие отношения 1922 г. (по страницам документов). *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 197-209 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-197-209>

Советский полпред прибывает в Турцию в начале января 1922 г. Через некоторое время он совершил официальный визит к министру иностранных дел Юсуфу Кемалю-бею где обговаривается вопрос о вручении верительных грамот (день, час).

На следующий день (30 января 1922 г.) полпред принимается руководителем новой Турции К. Ататюрком. В ответ на переданные ему приветы от Советского правительства

And the Turkish ambassador, General Ali Fuad, is arriving in Moscow.

Any contract is worth something if it is consistently executed by both parties. The first period is especially important, during which the foundation of future relations is laid. This initial stage will be discussed in this article. At the same time, the authors limit themselves to 1922, the year of strengthening bilateral ties. This is evidenced by the published documents of the USSR's foreign policy, memoir sources (K. Ataturk, S.I. Aralov), which became the basis of the proposed material.

Keywords: K. A. Ataturk, S. Aralov, A. Fuad, G. Chicherin, L. Karakhan.

For citation: Grishin Ya.Ya. Akhmetkarimov B.G. Soviet-Turkish relations of 1922 (according to the pages of documents). *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 197-209 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-197-209>

и лично В. И. Ленина, он выразил благодарность и обещал делать всё возможное, чтобы облегчить и помочь С. И. Аралову выполнять возложенные на него задачи по укреплению дружбы между двумя странами и их народами². После вручения верительных грамот состоялась почти двухчасовая беседа К. Ататюрка с С.И. Араловым³.

В это время в Москве проходит IX Всероссийский съезд Советов. К. Ататюрк — Предсе-

² Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 2 – С. 15

³ Там же. – Док. 3 – С. 16

датель ВНСТ, главком, маршал отправляет в его адрес приветственную телеграмму в которой выражает теплые чувства за поддержку борьбы турецкого народа⁴. Делегаты съезда незамедлительно отреагировали, отправив ему телеграмму. В ней говорилось об искренних дружественных чувствах и симпатии к турецкому народу, который боролся против внешних угроз и о связях народов двух стран.

На телеграмму IX съезда в адрес К.Ататюрка отреагировал турецкий посол в Москве А. Фуад, выразив большую благодарность в своём письме на имя Г.В. Чичерина за “горячую овацию, устроенную съездом по случаю прочтения поздравительного адреса А. Кемалея от имени ВНСТ”. Нарком выразил в свою очередь благодарность А. Фуаду⁵.

После подписания Договора с Турцией РСФСР в меру сил и возможностей оказывает ей помощь, в том числе вооружением. Но с поставками не всегда было гладко. Имели место задержки. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма Г.В. Чичерина Б.В. Леграну — представителю НКВД РСФСР в Закавказских Республиках. В ней нарком пишет, что по сообщению М.В. Фрунзе, часть посылаемых патронов Турции застряли в Батуми. В связи с этим он просит ускорить их доставку.

Одновременно в это время турецкое правительство через своего посла предлагает советской стороне начать в Анкаре совещания по

подготовке Торгового договора, который бы регулировал денежные аспекты, и так же Консульских Конвенций и просило прислать советскую делегацию в Турцию.

Г.В. Чичерин сообщил 11 января 1922 г. Али Фуаду, что советское правительство принимает предложение турецкой стороны и вскоре отправит свою делегацию в Анкару.

В этом же месяце идет подготовка Генуэзской конференции, на которую (по сообщению английской прессы) Турцию не собирались приглашать. Г.В. Чичерин в телеграмме Л.Б. Красину, который был официальным представителем РСФСР в Великобритании, пишет, что сведения совершенно невероятные, которые следует проверить и просит его, чтобы он получил достоверную информацию и сделал всё возможное и необходимое (если слух подтвердится), чтобы обеспечить приглашение ВНСТ на неё⁶.

Л.Б. Красин отреагировал, сделав представление и получил следующую обратную связь от МИДа Великобритании: “Созываемая в Генуе конференция отнюдь не будет рассматривать турецкого вопроса, и во всяком случае вопрос о посылке приглашения на эту конференцию турецкому правительству вряд ли является таким вопросом, который касался бы Российской Торговой делегации в Лондоне или Советского Правительства в Москве”⁷.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 10 – С. 44

⁵ Там же. – Док. 13 – С. 48-49

⁶ Там же. – Док. 21 – С. 59

⁷ Там же. – С. 60

Г.В. Чичерин копию телеграммы Л.Б. Красина направил турецкому послу А. Фуаду, сообщив, что подобные инструкции отправлены так же советским полпредам в Берлин и Рим, поручив им уточнить, на самом ли деле Турцию не пригласили на Генуэзскую Конференцию “и в таком случае принять меры и предпринять шаги для того, чтобы приглашение Правительства Великого Национального Собрания было бы обеспечено”.

Турецкий посол отправил данную информацию в Анкару вр.и.о. Комиссара по иностранным делам правительства ВНСТ Джелал-бею. Последний выразил благодарность и чувство глубокой признательности за содействие советского правительства⁸.

Турция в это время ведет боевые действия с Грецией. Иной раз просит у нашего руководства разрешение перебрасывать боеприпасы на фронт через советскую территорию. При этом иногда возникали недоразумения. Так, Али Фуад 15 февраля 1922 г. сообщил в НКВД, что советский консул в Карсе Норман отказывается визировать документы, которые касались вагонов с боеприпасами, направляемых турецкой стороной через Тбилиси — Батуми на Западно-Турецкий фронт. Г.В. Чичерин незамедлительно отреагировал телеграммой на имя Б.В. Леграна, в которой просил немедленно уведомить Консула о содействии в выдаче туркам визы и оказать необходимую помощь в обеспечении следования турецких боеприпа-

сов по вышеназначенному маршруту⁹.

Однако через два дня Б.В. Легран сообщил Г.В. Чичерину, что Норман, управление и Реввоенсовет не препятствовали перевозке турецких грузов на Батум. От командования Турции лишь требовалась передача данных о числе осей и о характере грузов. Наличие представленных сведений позволило беспрепятственно провозить грузы¹⁰.

Несмотря на недоразумения, сотрудничество двух стран продолжалось, в том числе в области образования. Комиссар народного образования ВНСТ через советских представителей заявил о намерении ориентировать турецкую молодежь в Россию для получения образования в российских учебных заведениях.

Замнаркома иностранных дел Л.М. Карахан в своей ноте на имя Али Фуада сообщил, что советское руководство положительно оценивает перспективу укрепления культурных связей двух народов и выделяет сто мест в российских учебных заведениях для турецких студентов. В последующем квота для турецкой молодежи в российских вузах будет расти.

Л.М. Карахан вместе с тем просит посла довести вышеизложенную информацию до сведения турецкого правительства и сообщить о вузах, в которых хотели бы учиться турецкие студенты.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 22 – С.60

⁹ Там же. – Док. 61 – С. 106-107

¹⁰ Там же. – Док. 65 – С. 109

Али Фуад со своей стороны, получив ноту, отправил ответ в НКВД, в которой сообщил, что он уже проинформировал своё правительство и просил дать ему подробные сведения о российских вузах, о жилье, питании и т.д.¹¹.

Турки нуждались не только в подготовке специалистов, но и в материальной помощи. Несмотря на трудности в самой РСФСР, она решила быстро передать А. Кемалю 3,5 млн рублей золотом. В связи с этим, Л.М. Карахан просит С.И. Аралова оперативно направить в Тифлис приемщика, получив от турок гарантии сохранности на турецкой территории и возложением на турецкую сторону ответственности за безопасность средств. Деньги должны быть переданы лично через советского посла¹².

Турецкое руководство высоко ценило советскую помощь и поддержку, понимая, что восприятие Турции в Европе во многом зависит от позиции Советской России. Об этом, в частности, заявил глава турецкого МИДа Юсуф Кемаль С.И. Аралову и меджлису, после поездки в Европу¹³.

Следует иметь в виду тот факт, что против Ататюрка выступала оппозиция, причём сильная. Реакционные элементы, пробравшиеся в различные правительственные учрежде-

ния, создавали умышленные трудности. Плюс ко всему агрессивная в отношении Турции политика Великобритании. Всё это создавало трудности, в том числе в советско-турецких отношениях.

Примером является событие, произошедшее 21 апреля 1922 г., когда в Москве “были задержаны двое советских граждан, пытавшихся передать секретные документы сотрудникам турецкого посольства. Обнаруженные при обыске документы были опечатаны, а 22 апреля НКВД предложил послу Турции Али Фуаду прислать своего представителя для их просмотра с тем, чтобы возвратить посольству те из них, которые не имеют отношения к военному шпионажу. Однако Али Фуад отклонил это предложение, и 10 мая 1922 года выехал из Москвы вместе с четырьмя сотрудниками посольства, уличенными в шпионаже против Советской России.”¹⁴ Все эти подробности были описаны в ноте Л. Карахана в адрес Али Фуада¹⁵ Последний, по сути дела, взял под защиту турецких нарушителей.

В связи с происшедшим, С.И. Аралову было поручено встретиться с Ататюрком и пояснить, что дружеские связи с Турцией сохраняются и инцидент со шпионажем не подвергает сомнению намерений развивать отношения

¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 76 – С. 130-131

¹² Там же. – Док. 78 – С. 143; До этого, в мае 1921 г., советская сторона предоставила Турции 4 млн. рублей золотом (ДВП СССР, Т. IV М. 1960. – С. 138)

¹³ Там же. – Док. 111 – С. 207

¹⁴ Там же. – Док. 138 – С. 274-276; Примечание, 75 – С. 737

¹⁵ Там же.

между странами. “Никакие отдельные лица, даже Али Фуад, не должны срывать дружбу РСФСР с Турцией своим преступлением или легкомыслием — безразлично”¹⁶.

После инцидента со шпионажем, произошёл ещё один. На этот раз он был связан с захватом двумя турецкими моторными судами греческого парохода “Энозис”, препровождённого ими в Трапезунд, как военный приз. Причём данное судно транспортировало из Стамбула в Новороссийск муку и продовольственные продукты для Народного Комиссариата Внешней Торговли. После оно возвращалось в исходную точку с грузом товаров, которые принадлежат тому же Комиссариату.

В данном случае произошло нарушение обычных норм международного права, которое вело к парализации торговых отношений РСФСР с Константинополем.

Наркомат иностранных дел просил турецкое посольство в Москве оперативно отреагировать и содействовать освобождению парохода с товаром и чтобы турецкие военные корабли не совершали незаконных действий, наносящих ущерб дружественной стране¹⁷. Турецкое посольство ответило на советскую ноту, что оно связалось со своим правительством и сделало все необходимое.

Тем временем, не снимается с повестки дня вопрос о торговых отношениях. С.И. Аралов, в ноте Юсуфу Кемалю пишет, что советская сторона сформировала комиссию для урегулирования коммерческих отношений, которая скоро прибудет в Анкару.

В рамках торговли Россия поставляла в Турцию нефтяные продукты, в том числе керосин и бензин и строительные материалы. Турция, в свою очередь, продавала России орехи, продовольствие, дубильные вещества и хлеб.

Предлагалось создать Русско-турецкий торговый дом, который мог заняться продажей российских изделий в Турции, а также импортом товаров из Турции в Россию. При этом он мог позаботиться о перевозке товаров в Анатолию¹⁸, что было крайне важно.

Советскому полпредству помимо экономических вопросов приходилось заниматься и судьбой русских граждан находящихся, в частности, в районе вилайета Адакы. Их желание вернуться на родину игнорировалось, причем не без помощи французов.

С. И. Аралов в ноте Юсуфу Кемалю предлагает дать распоряжение о прекращении направления российских граждан и передачу их в руки противников Советской России. А тех, кто уже был отправлен в Константинополь, остановить в пути для репатриации через территорию Анатолии, если это еще возможно¹⁹.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 154 – С. 379

¹⁷ Там же. – Док. 155 – С. 380; Док. 222- С. 533

¹⁸ Там же. – Док. 172 – С. 417-418

¹⁹ Там же. – Док. 178 – С. 439-440

Турция, воюя с Грецией, нуждалась, как мы уже видели, в военном обеспечении. Об этом свидетельствует просьба поверенного в делах Зеки Хаки-бея об отпуске 30 тыс. обойм для автоматических ружей французского производства. Л. Б. Карахан сообщил С. И. Аралову об удовлетворении данной просьбы²⁰.

31 июня 1922 г. НКВД вновь вернулся к инциденту с греческим пароходом. В ноте турецкому посольству в Москве содержится просьба принять нужные меры для возвращения советскому правительству убытков, которые оно понесло из-за захвата на “Энозисе” товара, принадлежащего НКВД РСФСР и направляющегося в Константинополь. Убытки эти “происходят от повреждений, причиненных товарам при их разгрузке и во время их хранения, и вследствие расходов по переупаковке и переотправке в Константинополь и составляют сумму в 32 000 бумажных турецких лир”²¹.

Вновь возник вопрос о возвращении в Россию российских граждан, на сей раз молочан, проживавших в Карской области. В ноте Л. Карахана поверенному в делах Турции в РСФСР Азиз-бею говорится о том, что их притесняют, с ними плохо обращаются, требуют от них оплаты определенных налогов, регламентируют объем скота и инструментов. Действия местных властей осложняют ликвидацию имущества молочан, что сказывается на задержке

их эвакуации. Поезда, их перевозящие в Россию, задерживаются, имеют место случаи отбора имущества и т.д.²².

Зам наркома иностранных дел просит разобраться с возникающими проблемами и продлить срок окончания эвакуации до 15 ноября²³. На эту ноту Азиз-бей дал ответ, где отрицал вышеизложенное в советской ноте.

Тем временем происходят важные события на турецко-греческом фронте. Турецкая армия под командованием К. Ататюрка начала 25 августа стремительное наступление и через 5 дней одержала важную победу в бою у Домлу-Пынара. 2 сентября войска Ататюрка продолжили отодвигать греческих солдат в сторону Эгейского моря и освободили город Ушак.

В связи с этим НКВД отправил поздравительную телеграмму председателю Турецкого правительства Реуф-бею²⁴. Последний направил через С. И. Аралова ответ на нее, выражая благодарность и надежду на дальнейшее развитие дружеских отношений между двумя странами²⁵.

Российская сторона не только поздравила Турцию с победой, но и защищала её. Так в ноте Л. Б. Карахана от 12 сентября 1922 г. на имя главы МИД Великобритании Керзона, он подчеркнул, что его правительство видит войну, которую ведет Турция, как борьбу народа за свое будущее и против Севрского договора,

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 186 – С. 454

²¹ Там же. – Док. 222 – С. 533

²² Там же. – Док. 246 – С. 571-572

²³ Там же. – С. 572

²⁴ Там же. – Док. 243 – С. 567-568

²⁵ Там же. – С. 568

отдавшего Турцию, “как суверенное государство, и политическую и экономическую свободу турецкого народа в рабство европейским державам. В этой борьбе все симпатии русского народа на стороне Турции. Россия не только не вправе, но и не хочет мешать турецкому народу защищать свое существование. Наоборот, Россия с величайшим интересом следит за разрыванием этой борьба и за успехами, одержанными Турцией в Малой Азии.²⁶”

Далее заместитель наркома выразил удивление по поводу действий Великобритании, помогающей всеми способами Греции и в то же время упрекающей РСФСР, что она не мешает защищаться туркам. Россия, отметил он, готова сделать все, чтобы война прекратилась, но все ее попытки были категорически отклонены Лондоном. Дважды советское руководство предлагало пригласить Турцию на Генуэзскую конференцию, но этому помешали Великобритания и ее союзники. Хотя Генуя являлась удобной локацией для обсуждения и возможного решения ближневосточных проблем.

Последние события и сообщения являлись свидетельством того, что мир нужен как Турецкому так и Греческому народам. И он стал более возможным после победы Турции над Грецией. Россия готова оказать всевозможное содействие для достижения договоренностей между Турцией и ее противниками. Однако по-

литика последних дает немного поводов полагаться на их намерения решать вопросы мирным путем²⁷ — отметил Л. М. Карахан.

Советское правительство следило за поведением западных держав, особенно Великобритании, которые не соглашались отдать Турции ее земли и проливы. Оно исходило из того, что свобода последних необходима прежде всего Черноморским державам²⁸: это подтверждается и в русско-турецком договоре (ст. V).

Но официальные документы европейских держав, которые затрагивают проливы, признают в этом вопросе лишь участие и интересы великих держав. С их точки зрения они должны контролировать этот морской путь. Против этого естественно Россия и Турция выступили категорически против.

Турция со своей стороны поддерживала Советскую Россию. Так зам. комиссара иностранных дел Турции Риза Нур-бей в присутствии С. И. Аралова отметил, что его правительство будет просить участие Советской России в конференции, если будет сама принимать там участие²⁹. Речь шла о конференции, которую предлагали созвать Англия, Франция и Италия в ноте в адрес Турции. При условии прекращения военных действий с обещанием вывода греческих войск с турецкой территории, а также освобождения оккупированного Константинополя, но после подписания мирного договора³⁰.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 249 – С. 574

²⁷ Там же. – Док. 155 – С. 380; Док. 222- С. 533

²⁸ Там же. – Док. 264 – С. 593

²⁹ Там же. – Док. 261 – С. 590

³⁰ Там же. – Примечание 150; С. 761

Г.В. Чичерин, в выше рассматриваемый период, находился на лечении. 14 октября 1922 г. он приступил к исполнению своих обязанностей и направил в турецкий МИД телеграмму с поздравлениями, по случаю победы над греками, которые были переданы К. Ататюрку³¹.

Наряду с позитивом в двусторонних отношениях в 20-х числах октября 1922 г. появилась проблема, связанная с торговыми отношениями. В преддверии конференции о заключении торгового договора, о которой Турция и Россия говорили еще до победы первой над интервентами, турки неожиданно для советской стороны запросили остановить деятельность Внешторга в Турции.

“Советско-Турецкие переговоры о торговом договоре начались 28 октября 1922 г. в Ангоре. Однако препятствия, чинимые турецкими властями работе представительств Внешторга, вплоть до запрещения выгрузки в турецких портах импортируемых советских товаров, а также позиция турецкой стороны по вопросу о статусе торгпредства РСФСР, привели к неудаче этих переговоров и к длительной дипломатической переписке в течение 1922 г. и последующих лет.”³²

Создалось недостаточно ясное положение между РСФСР и Турцией. НКВД считал, что необходимо срочно прояснить отношения меж-

ду странами, в основе которых лежал Московский договор³³.

В ответ Комиссариат Иностранных дел Турции, отметил, что “Правительство Великого Национального Собрания Турции, полностью сознавая необходимость сохранения в интересах обеих стран политики дружбы между ними и объединяющих их обязательств, никогда не переставало сообразовываться с необходимостью этой политики. Оно сохраняет твердое решение поддержать, как и прежде, тесные отношения, существующие во всей их полной и целостной ясности. Оно вполне убеждено, что Правительство РСФСР сохранит сердечные и твердые дружественные отношения столь ясно установленные договорами и искренностью, объединяющие обе страны.”³⁴

Не все благополучно сказывалось на отношении турецких властей к советским дипломатам. 25 октября 1922 г. появляется нота советского полпредства в Турции. В ней проговаривалось оскорбление депутатом ВНСТ Шевкет-беем сотруднику советской дипломатической миссии в Баязете³⁵. 1 ноября в очередной ноте сообщается, что советский курьер “прибывший в Баязет из Москвы с дипломатической почтой для нашего консула, был арестован, подвергся допросу о причине своего приезда и ему было приказано сдать дипломатическую вализу. Лишь прибытие консула в полицейский участок

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 277 – С. 613-614

³² Там же. – Док. 291 – С. 634-635; Примечание 157

³³ Там же. – Док. 297 – С. 646

³⁴ Там же. – С. 647

³⁵ Там же. – Примечание 163 – С. 765

заставило комиссара освободить курьера.”³⁶ Это происшествие носило оскорбительный характер. Полпредство просило Комиссариат иностранных дел разобраться в случившемся и привлечь фигуранта инцидента к ответственности³⁷.

Тем временем внутри Турции надвигалось чрезвычайно важное знаменательное событие. 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло закон о ликвидации султаната. Этому предшествовали следующие события. В последний день октября 1921 года на собрании парламентской “Группы защиты прав” Мустафа Кемаль Ататюрк призвал к упразднению султанатской монархии. На собрании ВНСТ Ататюрк выступил с содержательной речью, в которой он разделил вопросы о султанате и халифате. Реакция общества на ликвидацию халифата могла быть далеко неоднозначной. Исходя из этого Ататюрк в первую очередь выдвинул вопрос об упразднении султаната. Он призвал изгнать последнего султана Вахдэддина и заявил, что весь суверенитет должен принадлежать ВНСТ.

Естественно, против этого выступила оппозиция, особенно когда обсуждался проект закона о ликвидации султаната осенью 1922 г. Но К. Ататюрк сумел обезвредить маневры своих противников. Проект подписывается 80 депутатами. В прениях открыто выступили про-

тив только два депутата³⁸. Предложение об изгнании султана и отделения Халифата от государственной власти принимается единогласно. Оппозиция – пишет советской полпред, приглашенный на это заседание, побоялась голосовать против³⁹.

17 ноября 1922 г. Вахдэддина покинул дворец. Султан обратился за защитой к англичанам и был принят. ВНСТ объявило Вахдэддина низложенным. Принц Абдул Меджид был избран очередным и последним Халифом⁴⁰. По поводу упразднения султанатского режима Г.В. Чичерин направил К. Ататюрку приветствие⁴¹.

В период ликвидации султаната, между РСФСР и Турцией продолжал разбираться вопрос о советском Внешторге, т.е. его представительстве на турецкой территории. Как явствует нота Полномочного Представительства в Анкаре на имя Комиссариата Иностранных Дел ВНСТ, 13 ноября турецкие жандармы снова потребовали снять государственную символику России в здании отделения Внешторга. Местные власти также потребовали прекращения его деятельности⁴².

На советскую ноту поступила следующая реакция: будто операции торгового представительства РСФСР в Турции противоречат законам. Свободно осуществляться могут только те

³⁶ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 300 – С. 650

³⁷ Там же.

³⁸ Там См. Аралов С. И. – С.144

³⁹ Там же

⁴⁰ Там же

⁴¹ Документы внешней политики СССР, Т.У. – С. – 656

⁴² Там же. – Док. 316 – С. 681-682

торговые операции, которые будут производиться в соответствии с законами Турции. Одновременно Комиссариат Иностранных Дел выражает надежду, что торговые операции турков в России будут пользоваться прежними льготами. В заключение в ноте говорилось, что Правительство ВНСТ начало переговоры о торговом договоре и сохраняет убеждение, что эти переговоры завершаться положительно⁴³.

Этот ответ не удовлетворил советскую сторону. 18 ноября появляется очередная нота, в которой говорится, что остановка деятельности Внешторга в Турции может быть трактован как разрыв экономических отношений между двумя странами.

Причём, как мы видели, филиалы Внешторга предлагалось закрыть с помощью жандармов, снять с них флаги и вывески. Российская сторона не могла оставить без последствий такие действия, решив запретить турецким торговцам поднимать флаг своего государства. Кроме того, советский консул в Артвине перестал выдавать визы гражданам Турции, которые хотели перебраться в Батум. На основе переписки договорились о введении временного режима, в связи с чем было решено отменить решение о невизировании виз.

Заключая, отметим, что в рассматриваемый период линия на сохранение дружбы и сотрудничества России и Турции сохранилась. Вместе с тем следует иметь в виду, что у К. Ататюрка имелись противники сближения

с советской страной, стремившихся к подрыву двусторонних отношений, к торпедированию их развития.

Часть из них находилась в окружении К. Ататюрка. Они внешне демонстрировали дружелюбие к Москве, а за его же спиной интриговали, поддерживали связи с реакционными силами. К ним можно отнести Рауф-бея — ярого противника РСФСР, занимавшего пост премьер-министра. Впоследствии был осужден к изгнанию из Турции на 10 лет. Не лучше его были Вефет-паша, Кязым Кара Бекир, Али Фуад-паша... К. Ататюрк видел и понимал их двойную игру. Но до поры к времени терпел, ибо они имели опору среди компрадорской буржуазии, феодальных военных группировок, крупных помещиков.

Мустафа Кемаль Ататюрк позднее писал в своих воспоминаниях о Рауф-бее следующее: "Как можно поверить в серьёзность, искренность действий людей, которые упорно избегали даже произносить слово "республика" и хотели задушить её в зародыше?.. События показали, что программа Прогрессивно-республиканской партии создана предателями национального движения"⁴⁴.

Немало проблем создавало султанатское правительство в Стамбуле и его приспешники. По словам К. Ататюрка, оно состояло из безнравственных личностей, которые могли грабить национальное достояние и продавать национальную независимость⁴⁵. Но противникам

⁴³ Там же. – С. 683

⁴⁴ Там же. – Док. 320. С. 685-687

⁴⁵ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV/ 1935. С.255-257.

К. Ататюрка не удалось его свергнуть. Более того, 23 октября 1923 г. меджлис объявил Турцию Республикой, а 3 марта 1924 г. упразднился халифат.

В 1925 г. 17 декабря в Париже подписывается советско-турецкий договор о Дружбе и нейтралитете⁴⁶.

Примечания

1. Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960 – С. 64-67
2. Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961, Док. 2 – С. 15
3. Там же. – Док. 3 – С. 16
4. Там же. – Док. 10 – С. 44
5. Там же. – Док. 13 – С. 48-49
6. Там же. – Док. 21 – С. 59
7. Там же. – С. 60
8. Там же. – Док. 22 – С.60
9. Там же. – Док. 61 – С. 106-107
10. Там же. – Док. 65 – С. 109
11. Там же. – Док. 76 – С. 130-131
12. Там же. – Док. 78 – С. 143; до этого, в мае 1921 г., советская сторона предоставила Турции 4 млн. рублей золотом (ДВП СССР, Т. IV М. 1960. – С. 138)
13. Там же. – Док. 111 – С. 207
14. Там же. – Док. 138 – С. 274-276; Примечание, 75 – С. 737
15. Там же
16. Там же. – Док. 154 – С. 377
17. Там же. – Док. 155 – С. 380; Док. 222- С. 533
18. Там же. – Док. 172 – С. 417-418
19. Там же. – Док. 178 – С. 439-440
20. Там же. – Док. 186 – С. 454
21. Там же. – Док. 222 – С. 533
22. Там же. – Док. 246 – С. 571-572
23. Там же. – С. 572
24. Там же. – Док. 243 – С. 567-568
25. Там же. – С. 568
26. Там же. – Док. 249 – С. 574
27. Там же. – С. 576-577
28. Там же. – Док. 264 – С. 593
29. Там же. – Док. 261 – С. 590
30. Там же. – Примечание 150; С. 761
31. Там же. – Док. 277 – С. 613-614
32. Там же. – Док. 291 – С. 634-635; Примечание 157
33. Там же. – Док. 297 – С. 646
34. Там же. – Док. 647
35. Там же. – Примечание 163 – С. 765
36. Там же. – Док. 300 – С. 650

⁴⁶ ДВП СССР Т.8. М. 1965. С. 739-742

37. Там же
38. См. Аралов С. И. – С.144
39. Там же
40. Там же
41. Документы внешней политики СССР, Т.У. – С. – 656
42. Там же. – Док. 316 – С. 681-682
43. Там же. – С. 683
44. Там же. – Док. 320 – С. 685-687
45. Мустафа Кемаль. Путь новой Турции, т. IV, С. 255-257
46. Документы внешней политики СССР. Т. 8, М. 1965 – С. 739

Сведения об авторах

Гришин Яков Яковлевич

Д.ист.наук, профессор

Институт международных отношений

Казанский федеральный университет

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич

Ph.D., доцент

Институт международных отношений

Казанский федеральный университет

bakhmetkarimov@gmail.com

Information about the authors

Yakov Ya. Grishin

Doctor of History, Professor

Institute of International Relations

Kazan (Volga region) Federal University

Bulat G. Akhmetkarimov

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Institute of International Relations

Kazan (Volga region) Federal University

bakhmetkarimov@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

**Development of the US technological infrastructure
in the Pacific Ocean as a factor of competition in Sino-American relations
In the Asia-Pacific region**

**Развитие технологической инфраструктуры США
в акватории Тихого океана как фактор конкуренции
в китайско-американских отношениях в АТР**

*Аликберов Эдуард Шабанович¹,
Аликберова Альфия Рафисовна²,
Балакин Дмитрий Александрович³*

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
dimbalakin73@gmail.com*

¹<https://orcid.org/0000-0002-5094-3010>

²<https://orcid.org/0000-0002-1129-4863>

³<https://orcid.org/0000-0002-9173-6368>

*Eduard Sh. Alikberov ¹,
Alfiya R. Alikberova ²,
Dmitry A. Balakin ³*

*Kazan Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: dimbalakin73@gmail.com

¹<https://orcid.org/0000-0002-5094-3010>

²<https://orcid.org/0000-0002-1129-4863>

³<https://orcid.org/0000-0002-9173-6368>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-210-217](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-210-217)

АННОТАЦИЯ

В работе проанализирована текущая ситуация по технологической обеспеченности США в акватории Тихого океана, включающей подводные телекоммуникационные кабели разных видов. Дана оценка взглядов КНР на наращивание США объёмов своей технологической инфраструктуры в Тихом океане. По результатам исследования сделаны следующие выводы: растущее соперничество между США и Китаем на Тихом океане будет усиливаться,

ABSTRACT

The article analyzes the current situation regarding the technological security of the United States in the Pacific Ocean, including underwater telecommunications cables of various types. The work also proposes the assessment of China's views on the US building up the volume of its technological infrastructure in the Pacific Ocean. According to the results of the study, the following conclusions are made: the growing rivalry between the United States and China in the Pacific

оказывая большее давление на тихоокеанские островные страны. Ключевой задачей руководства тихоокеанских государств будет являться защита национальных интересов и укрепления суверенитета, сопротивляясь диктату со стороны США и их союзников.

Ключевые слова: США, КНР, Тихий океан, инфраструктура, конкуренция, подводный кабель.

Для цитирования: Аликберов Э.Ш., Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Развитие технологической инфраструктуры США в акватории Тихого океана как фактор конкуренции в китайско-американских отношениях в АТР. *Современные востоковедческие исследования*. 2023; Том (3). С. 210-217 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-210-217>

Сочетая современные технологии, дипломатические усилия и согласованные правительственные и коммерческие интересы США создали условия для удержания лидирующих позиций по развитию телекоммуникационной инфраструктуры в Тихом океане.

Подводная коммуникационная инфраструктура является основой современного образа жизни. Около 95 % международного интернет-трафика проходит по подводным волоконно-оптическим кабелям [1]. Этот трафик данных включает в себя все виды коммуникаций, от телефонных звонков до финансовых транзакций или защищенных сообщений военного или разведывательного характера. В случае военного конфликта, данная инфраструктура является приоритетной целью для уничтожения. Усиление противостояния Китая

Ocean will intensify, putting more pressure on Pacific Island countries. The key task of the leadership of the Pacific states will be to protect national interests and strengthen sovereignty, resisting the dictates of the United States and its allies.

Keywords: USA, China, Pacific Ocean, infrastructure, competition, submarine cable.

For citation: Alikberov E.Sh., Alikberova A.R., Balakin D.A. Development of the US technological infrastructure in the Pacific Ocean as a factor of competition in Sino-American relations in the Asia-Pacific region. *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 210-217 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-210-217>

и США в АТР проявляется и в гонке за контролем над международной телекоммуникационной инфраструктурой, в частности, подводными волоконно-оптическими кабелями, которые служат основой современной связи.

Тихий океан является крупнейшим водоемом в мире и является активной зоной противостояния ключевых акторов мировой политики. С момента, как в 1903 году был проложен первый тихоокеанский кабель, количество кабелей по всему Тихому океану ежегодно увеличивается. На 2022 год под водой насчитывается 530 рабочих и прокладываемых кабелей, общей протяженностью более 1 миллиона километров [2]. В настоящее время подводный коммуникационный кабель служит основным средством связи, соединяя между собой континенты и страны.

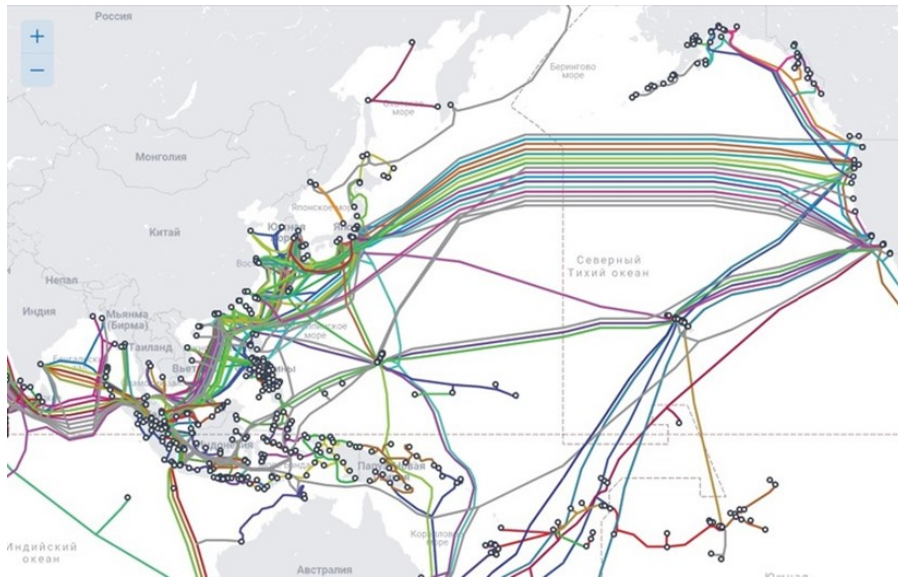

Рис. 1. Подводный коммуникационный кабель.

Pict. 1. Underwater communication cable.

Кабельная инфраструктура является частью нового поля битвы ведущих мировых держав позволяя им контролировать и управлять глобальным трафиком данных и что самое главное - содержание трафика. Следует особо обратить внимание, на то обстоятельство, что контроль над кабельной инфраструктурой позволяет контролировать большую часть электронных финансовых потоков, которые проходят по данной инфраструктуре. Подводные интернет-кабели в мире проводят около 10 триллионов долларов финансовых транзакций в день [3], а также огромные объемы данных, от электронной почты до секретной правительственной информации. Для небольших тихоокеанских островных государств наличие единственного кабеля, соединяющего остров со стольным миром, создает ряд угроз вызванные техническими неисправностями и техногенными катастрофами до зависимости от владельца кабельной инфраструктуры.

Например, в январе 2022 года подводное извержение вулкана и оползень оборвали единственный подводный кабель, соединяющий островное государство Тонга с внешним миром. В результате в течение нескольких недель была нарушена связь с островным государством.

За последние десятилетие в рамках стратегической инициативы «Один по-

яс, один путь» Китай реализовал крупные масштабные инфраструктурные проекты по всему миру и одновременно уделяется большое внимание реализации программ по созданию «Цифро-вого шелкового пути», включающий в себя проекты в области инфраструктуры связи, реализуемые крупными корпорациями, такими как Huawei и China Unicom.

Данные проекты включают в себя предоставление сетевой инфраструктуры с поддержкой 5G для развивающихся стран, так и инфраструктуру подводной связи для подключения тихоокеанских стран к интернет-провайдерам Китая. С этой целью компания Huawei, являющаяся конгломератом по производству электронного оборудования, основала компанию Huawei Marine в 2009 г., для производства оборудования в сфере морских коммуникационных технологий и оказания услуги по обслуживанию инфраструктуры. Huawei Marine поставила перед собой цель навязать конкуренцию в сфере морских коммуникационных

технологий крупнейшим игрокам, как SubCom и Alcatel Submarine Networks специализирующиеся на создании и обслуживании подводной инфраструктуры.

Амбиции китайских технологических компаний вызывает серьезную озабоченность в США. С целью препятствованию развитию китайского технологического сектора и сохранения своего доминирования в сфере коммуникационного оборудования США приступили к традиционной для себя практике — санкционной политике. Резкий прорыв в масштабах прокладки подводных кабелей и соединение ими большинства тихоокеанских стран только подчеркивает борьбу подводных сил двух держав за господство над мировой технологической инфраструктурой. Усиление китайско-американского противостояние в телекоммуникационной сфере рассмотрены на примере двух тихоокеанских островных государств.

Гуам — небольшой тихоокеанский остров, который является самым южным островом в цепи Марианских островов и самым большим островом в Микронезии. Гуам также можно рассматривать, важный транспортно-логистический центр в Тихом океане и представляет интерес ведущих игроков АТР. Гуам был протекторатом ВМС США после окончания испано-американской войны в 1898 году, а затем получил официальное признание в качестве неинкорпорированной организованной территории США. В Гуаме располагается стратегическая военно-морская база США и военный аэродром. Гуам также является крупным перевалочным центром для транспортных и пассажирских морских лайнеров.

Первый транстихоокеанский кабель был проложен на Гуаме в 1904 г., частным предпринимателем. Данный кабель функционировал вплоть до 1950 г., когда из-за неисправности он был выведен из эксплуатации, что в последующем привело к падению качества приема телекоммуникационной связи и данная проблема существовала до появления волоконно-оптический кабелей и привело к росту телекоммуникационной активности, о чем свидетельствует прокладка шестнадцати кабелей в период с 1987 по 2022 год

По состоянию на 2022 год уровень проникновения Интернета среди населения Гуама составлял восемьдесят один процент [4]. Будучи неинкорпорированной организованной территории США на которой сосредоточено большое количество военных объектов, существует попытки в значительной степени изолировать телекоммуникационную сеть Гуама от присутствия китайского поставщиков оборудования и услуг. Существуют заградительные меры контроль за импортом принятые Федеральной комиссией по связи (FCC), в значительной степени препятствуют проникновению китайских компаний в телекоммуникационный сектор Гуама.

Кроме того, в результате стратегического положения Гуама, рассматривая его как ворота в Азию и наблюдаемые тенденций роста в телекоммуникационном секторе многие крупные технологические компании США стремятся инвестировать в центры обработки данных на Гуаме. Эти центры обработки данных будут служить в качестве периферийных хранилищ и вычислительных узлов для

интернет-провайдеров с частными и коммерческими клиентами в АТР. Развитие телекоммуникационной инфраструктуры представляет дополнительную выгоду для местной экономики Гуама, поскольку приток инвестиций в автономные центры обработки данных, которые зависят от постоянного производства электроэнергии и стабильного климата, вероятно, создаст дополнительные возможности для роста рабочих мест и повышения компетенций в области телекоммуникаций.

По этим причинам телекоммуникационный сектор Гуама превратился в драйвер роста национальной экономики и, вероятно, продолжит приносить дополнительную прибыль и создавать мультипликационный эффект по мере развития телекоммуникационной отрасли и реализации крупных инфраструктурных проектов. Поскольку Соединенные Штаты Америки уделяют большое внимание АТР, который будет оставаться наиболее стабильным направлением внешнеполитической стратегии США, которое будет занимать в ней привилегированное место в течение многих лет и десятилетий, экономика Гуама получит дополнительный приток в военную и гражданскую инфраструктуру.

В отличие от Гуама, Соломоновы острова являются суверенным национальным государством, состоящим из сотен островов у восточного побережья Папуа-Новой Гвинеи и к северо-западу от Австралии. Население Соломоновых островов составляет около 700 000 человек, но ВВП составляет всего 1,6 млрд. долл [5]. По сравнению с населением Гуама которое составляет 170 000 человек и ВВП на 2021 г., в размере 5 млрд.долл., наблюдается существенное от-

ставание Соломоновых островов по существу-ет очевидное неравенство уровню развития и производительности. Кроме того, уровень проникновения Интернета на Соломоновых островах составлял около 30% в 2022 году.

В настоящее время развитие телекоммуникационной инфраструктуры в значительной степени отстает от Гуама. Соломоновы острова обслуживаются только одним подводным кабелем в рамках проекта Coral Sea, соединяющий наиболее крупные острова. Работы по прокладке кабеля были завершены в 2020г., и представляет собой оптико-волоконную сеть протяженностью 4700 километров, который соединяет Папуа-Новую Гвинею и Соломоновы острова с основным восточным узлом интернет-связи

Проводя многовекторную политику Соломоновы острова, используя усиливающуюся китайско-американскую конкуренцию в акватории Тихого океана, пытаются получить дополнительные дивиденды от сотрудничества с двумя ключевыми игроками. Экономика островного государства заинтересована в привлечении иностранных инвестиций. Реализация проекта Sea Cable по прокладке кабеля показывает, как конкуренция между Китаем и странами, поддерживающими США, перерастает в конкуренцию за создание телекоммуникационной инфраструктуры.

В 2018 г., правительство Соломоновых островов объявило подписания соглашения с китайской технологической компанией Huawei для прокладки морского волоконно-оптического кабеля, который свяжет острова с двумя соседними государствами: Папуа-Новой Гвинеей и Австралией [6]. Этот

инфраструктурный проект давно назрел, поскольку высокоскоростной интернет не был доступен подавляющему большинству жителей Соломоновых островов. Подписание соглашения с Huawei, вызвало серьезную озабоченность как в Вашингтоне, так и в Канберре. Австралийские власти опасались, что оборудование и программное обеспечение Huawei могут использоваться в качестве инструмента технологического шпионажа, что может нанести угрозу всей австралийской широкополосной сети. В попытке противостоять Китаю Австралия предложила Соломоновым островам заморозить сотрудничество с высокотехнологическими китайскими компаниями и взяла на себя обязательства профинансировать реализацию данного инфраструктурного проекта, выделив 92 млн. долл [7]. Предложение Австралии по финансированию проекта, наряду с дипломатическим давлением со стороны Японии и Соединенных Штатов, вынудило Соломоновы острова отказаться от сотрудничества с Huawei, и тем самым еще больше сдвинули баланс сил в пользу стран, поддерживающих США, в конкурентной гонке в сфере телекоммуникаций. Однако китайским компаниям удается успешно конкурировать даже не смотря на недобросовестную конкуренцию со стороны США и ее союзников. К примеру, в 2019г. в Папуа-Новой Гвинее был завершен проект по прокладке оптоволоконного кабеля, данный проект был реализован в тесном сотрудничестве Huawei.

Хотя правительство Соломоновых островов в конечном итоге заключило партнерские отношения с Австралией определив в качестве подрядчика австралийскую фирму Vocus для

прокладки кабеля Coral Sea, правительство Соломоновых островов продолжало поддерживать тесные контакты с китайской стороной для привлечения китайских инвестиций в инфраструктурные проекты. В 2019 году Соломоновы острова официально прекратили дипломатические отношения с Тайванем, возможно, для обеспечения будущих тесных дипломатических связей с КНР. В 2022 году, Соломоновы острова вновь объявили о сотрудничестве с Huawei для строительства около 200 вышек мобильной связи, финансируемой за счет кредита в размере 66 миллионов долларов выделенных одних из китайских кредитных организацией [8]. Согласно плану, реализацию данного проекта планируется завершить в ноябре 2023 года к моменту начала XVII Тихоокеанские игры для стран и территорий Океании, которые впервые пройдут на Соломоновых островах.

Австралия и другие тихоокеанские партнеры вновь выразили несогласие и обеспокоенность по поводу сотрудничества с Huawei в местную телекоммуникационную инфраструктуру Соломоновых островов.

Дипломатическая позиция Соломоновых островов в отношении инвестиций, ориентированных как на Китай, так и на Австралию и ее союзников, дает им возможность вести переговоры, чтобы получить максимальную выгоду от взаимодействия со всех сторон.

Успех Китая с точки зрения его непрерывного роста как глобальной экономической, технологической державы при сложившейся внутренней уникальной ситуации, когда коммунистический строй сочетается с рыночной экономикой выступает альтернативой, которая

бросает вызов западному либеральному мировому порядку, возглавляемому США.

Стратегическое соперничество между США и Китаем проистекает на фоне изменения динамики потенциалов в технологическом секторе в пользу Китая. Это, в свою очередь, влияет в целом на глобальное управление, международные финансовые институты и валютную систему, а также многосторонние институты. Подъем Китая существенно угрожает существующему балансу сил с точки зрения технологического лидерства и экономической мощи. Экономическая система Китая засасывает экономики Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Азии из-за его огромного рынка и покупательной способности.

Растущее соперничество между США и Китаем на Тихом океане будет усиливаться, оказывая большее давление на тихоокеанские островные страны. Ключевой задачей руководства тихоокеанских государств будет являться защита национальных интересов и укрепления суверенитета, сопротивляясь диктату со стороны США и их союзников.

Список литературы

1. Reuters сообщил о «подводной войне» между США и Китаем. https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/03/2023/641e91979a7947a8eabf58b8 (Дата обращения: 10.07.2023)
Morel C. The Pacific Caught in the World Wide Web? Geopolitics of Submarine Cables in Oceania. Ifri, 2022.
2. Foreword by Admiral James Stavridis, US

Navy (Ret), former NATO Supreme Allied Commander. Policy Exchange. <https://sites.tufts.edu/lawofthesea/foreword/> (Дата обращения: 10.07.2023)

3. Irving G. L. Leaning on the Big Switch in the Pacific: Why The United States Dominates Pacific Telecom Infrastructure. <https://cimsec.org/tag/guam/> (Дата обращения: 10.07.2023)
4. The Solomon Islands GDP and Economic Data. <https://www.gfmag.com/global-data/country-data/the-solomon-islands-gdp-country-report> (Дата обращения: 10.07.2023)
5. Huawei Marine Signs Submarine Cable Contract in Solomon Islands. <https://www.huawei.com/en/news/2017/7/HuaweiMarine-Submarine-Cable-Solomon> (Дата обращения: 10.07.2023)
6. America Is Winning Against China in Oceania. <https://foreignpolicy.com/2023/06/01/china-south-pacific-oceania-solomon-islands-kiribati-papua-new-guinea-australia-new-zealand-geopolitics-military/> (Дата обращения: 10.07.2023)
7. Solomon Islands secures \$100m China loan to build Huawei mobile towers in historic step. <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/19/solomon-islands-secures-100m-china-loan-to-build-huawei-mobile-towers-in-historic-step> (Дата обращения: 10.07.2023)

References

1. Reuters soobshchil o «podvodnoj vojne» mezhdru SSHA i Kitaem. https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/03/2023/641e91979a7947

- a8eabf58b8 (Data obrashcheniya: 10.07.2023)
2. Morel C. The Pacific Caught in the World Wide Web? Geopolitics of Submarine Cables in Oceania. Ifri, 2022.
 3. Foreword by Admiral James Stavridis, US Navy (Ret), former NATO Supreme Allied Commander. Policy Exchange. <https://sites.tufts.edu/lawofthesea/foreword/> (Data obrashcheniya: 10.07.2023)
 4. Irving G. L. Leaning on the Big Switch in the Pacific: Why The United States Dominates Pacific Telecom Infrastructure. <https://cimsec.org/tag/guam/> (Data obrashcheniya: 10.07.2023)
 5. The Solomon Islands GDP and Economic Data. <https://www.gfmag.com/global-data/country-data/the-solomon-islands-gdp-country-report> (Data obrashcheniya: 10.07.2023)
 6. Huawei Marine Signs Submarine Cable Contract in Solomon Islands. <https://www.huawei.com/en/news/2017/7/HuaweiMarine-Submarine-Cable-Solomon> (Data obrashcheniya: 10.07.2023)
 7. America Is Winning Against China in Oceania. <https://foreignpolicy.com/2023/06/01/china-south-pacific-oceania-solomon-islands-kiribati-papua-new-guinea-australia-new-zealand-geopolitics-military/> (Data obrashcheniya: 10.07.2023)
 8. Solomon Islands secures \$100m China loan to build Huawei mobile towers in historic step. <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/19/solomon-islands-secures-100m-china-loan-to-build-huawei-mobile-towers-in-historic-step> (Data obrash-

cheniya: 10.07.2023)

Сведения об авторах

Аликберов Эдуард Шабанович

канд. ист. наук, преподаватель

Аликберова Альфия Рафисовна

канд. ист. наук, доцент

Балакин Дмитрий Александрович

ст.преподаватель

Казанский федеральный университет,
г. Казань, Россия

dimalakin73@gmail.com

Information about the Authors

Eduard Sh. Alikberov

Candidate of History, lecturer

Alfiya R. Alikberova

Candidate of History, Associate Professor

Dmitry A. Balakin

Senior lecturer

Kazan Federal University, Kazan, Russia

dimalakin73@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

The Kala in Champa decoration art**(Proposing solutions to attract visitors to Vietnam's ancient arts)****Художественное оформление "Кала" в Чампе****(Решения по привлечению посетителей к объектам древнего искусства Вьетнама)****Фан Куоэ Ань***Университет Ван Ланга,**Хошимин, Вьетнам**phanquocanhmusic@gmail.com***Ngo Thi Thuy Anh***Van Lang University,**Ho Chi Minh City, Vietnam**phanquocanhmusic@gmail.com*УДК 745/749 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-3-2023-218-230](https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-218-230)**АННОТАЦИЯ**

Архитектурно-декоративное скульптурное искусство Чампа во Вьетнаме — одно из трех известных искусств Юго-Восточной Азии (Ява, Ангкор и Чампа), находящееся под влиянием индийской культуры, но скульптура Чампа обладает своими уникальными ценностями благодаря сочетанию региональных особенностей с религиями коренных народов. Обычно используемые изображения на архитектурных произведениях, статуях, рельефах, обозначают индийских богов и танцоров, защитников, линга — йони, животных с конечностями на ногах (Кала, Макара, Нандин, Нага, Гаруда...). С помощью решений для привлечения отечественных и иностранных туристов, интересующихся древним искусством Вьетнама, а также продвижения практических предметов в школах, обучающихся искусству и дизайну. Исследуя изображение Калы на декоративных скульптурах

ABSTRACT

Champa architectural and decorative sculptural arts of Vietnam is one of the three famous arts in Southeast Asia (Java, Angkor and Champa), under the influence of Indian culture but Champa sculpture has had their own unique values thanks to the combination of regional characteristics with indigenous religions. Commonly used images on architectural works, statues, reliefs, stand for Indian gods and dancers, protectors, linga — yoni, legend animals (Kala, Makara, Nandin, Naga, Garuda...). Through the solutions to attract domestic and foreign tourists interested in Vietnamese ancient art as well as promote in practical subjects at schools training art and design. Researching on the image of Kala on decorative sculptures of Champa, the article proposes solutions to attract domestic and foreign tourists interested in Vietnamese ancient art as well as promote them into practical subjects at art and design schools today.

Чампы, в статье предлагаются решения для привлечения отечественных и иностранных туристов, интересующихся древним вьетнамским искусством, а также для продвижения их в качестве практических предметов в школах искусства и дизайна сегодня.

Ключевые слова: Кала, древнее искусство, Чампа, пластическое искусство, декорации, технологии.

Для цитирования: Фан Куог Ань. Художественное оформление "Кала" в Чампе (Решения по привлечению посетителей к объектам древнего искусства Вьетнама). *Современные востоковедческие исследования*. Том 5 (3). С. 218-230.

1. Introduction

In the context of development, integration and globalization, the issue of traditions is always raised in the trend of cultural contacts and exchanges. The question raised in cultural and artistic activities is how to inherit and promote the quintessence to both maintain cultural identities and promote and pass completely all on to the next generations. The values of Vietnam's Ancient Fine Arts have helped readers get more multi-dimensional perspectives on an ancient art culture of the Cham people in Vietnam, as well as knowledge of antique decorative patterns, introducing the cultural beauties to the world. This is urgent for orientation in the general context of current development "culture is the spiritual foundation, both the goal, as well as the driving force of development"¹.

Keywords: Kala, ancient art, Champa, shaping/plastic art, decoration, technology.

For citation: Ngo Thi Thuy Anh. The Kala in Champa decoration art (Proposing solutions to attract visitors to Vietnam's ancient arts). *Modern Oriental Studies*. 2023; Volume 5 (№3). P. 218-230 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2023-218-230>

The Cham people are a part of the Vietnamese ethnic community, having been the owners of a flourishing culture with unique characteristics. In which, the art of architecture and sculpture with significant Champa features contributes to the diversity of arts of Vietnam. Champa faith bears considerable imprint of the religions adopted from India, especially Hinduism (mainly the form of Shiva). Throughout the history of the Champa people, these religious ideologies have dominated and strongly influenced all aspects of life, both materialistically and spiritually. Indian religions bear many similarities with the beliefs of the Champa people, so "they voluntarily assimilated quickly with that religious culture"². In the spiritual life, religion plays an important role, worshipping

¹ Ha An (2021) [6]

² Le Dinh Phung (2005), Learn the history of Champa Tower Architecture, Culture and Information Publishing House, Hanoi.

many gods to protect the kingdom and the nation. The gods are created as artistic symbols expressing strong creativity, attributing to the special attraction of Champa culture.

During the field trip to find materials for the subject, the writer came to survey the Tra Kieu area — Quang Nam Province, which was the capital of Simhapura during the reign of King Bhadravarman around the fourth century with now only the rampart buried in the stone cliffs remain, and was led to a collection of antiquities by the late Father Anton Nguyen Truong Thang. The late priest also kept a number of antefixes with the decorative patterns of Champa art style in Tra Kieu and My Son areas, most of which was the face of the Kala jester. That also lays the premise for the author to carry out this article, to study the decorative image of Kala, one of the ancient fine arts of Champa decorative art in Vietnam, thereby proposing some solutions to create the viewer's attraction with traditional ethnic patterns of Vietnamese ancient art in the new era.

2. Research Methods

The article is made by methods of data collection from fieldwork, survey, and meta-analysis of historical, cultural and linguistic aspects to assess conservation and development issues of Cham architectural and sculptural art.

Carrying out fieldwork such as surveying, taking photos, systematising documents, in combination with the method of comparing published articles by scientists, at the same time, summarising and collecting materials and articles in books, newspapers, seminars and magazines for comparison.

The writer uses and references the research works of some authors of sciences relevant to the article such as folk religion, archeology, history, language... to elucidate the artistic characteristics of the artifacts to be studied.

Through research works, articles, documents and visual materials about Champ sculpture architecture of domestic and foreign authors to consider and analyse the elements of art to overcome the currently researched shortcomings, being studied with the concepts of culture - belief, life, yin and yang category attributes...

In addition, the article also uses interdisciplinary research methods at different extents, art history and culturological methods are applied more to meet and support the thematic article.

3. Research results

3.1. Brief history and background

The changes of history, economy and society that the Champa state endured during migrations many times in each different North — South region, associated with the political centre is always the basis of culture. Champa based their cultural and political mechanism on three basic elements: the capital, the sanctuary, and the port town. For example, the Tra Kieu — My Son — Chiem port axis. In particular, Tra Kieu is a political and cultural centre, My Son Sanctuary a religious center, the port city plays an important role in economic and military defense. With this solid stance, Champa residents in addition to farming, mining agarwood and gold, they also developed maritime trade, commerce, and taxation, at the same time

establishing fleets of ships and a defense system, all facing the sea. According to author Pham Duc Duong with the research work "Vietnamese culture in the face of Southeast Asia", Champa residents were familiar with "the marine environment, enjoy to view the boundless sea, enjoy the white color of the sand. When somebody dies, there is a custom of making a funeral on the sand, and when getting married, there is a custom of eating fish for a day, worshiping ancestors according to the sea current "Atâu Tathich" next to the mountain "Atâu Chok"..."⁴. It can be seen that the Champa religious culture originates from the ancient Southeast Asian culture founded on the characteristics of a wet-rice agricultural civilization. But with the origin of the Austronesia, Champa culture has its own characteristics influenced by maritime factors. Cua Dai — Hoi An estuary became the most flourishing seaport; merchant ships from India, Indonesia, and China flocked in large numbers. Since then, the maritime trade relationships took place continuously and persisted, upholding the apex of the Champa dynasty. Most of the Champa architectures that have survived to this day are the Kalan temples and shrines to worship the gods, kings, and mothers of the country.

Throughout the history of Champa, every dynasty when coming to power always built or restored religious works to prove the existence of that dynasty, and to flaunt national strength, but most importantly, to thank to the gods by offering sacrifices to the temples for supporting the power and victory of the dynasty. Like other countries in

Southeast Asia, along with the architectural works are the decorative arts and sculptures influenced by Indian civilization combined with indigenous culture, traditional images that always contain interesting tales about gods, natural forces, the universe... And Kala is also considered as a decorative symbol representing legendary characters in the development history of India presented in the kingdom of Champa. However, the image of Kala is not as popular and is not used as commonly as images of other Buddha gods, dancing-girls, protectors... Kala is shown in some of the decorations on the buildings, temples or in sculptures as Kala-Makara...

3.2. Shaping about Kala in the decorative art of Champa

In terms of general appearance, Kala was created as a monster with a ferocious aura consisting of human and animal features. Kala has large bulging eyes, a lion's nose, puffy cheeks, two small and pointy ears, and a head with two horns of a young ram. Particularly impressive is that Kala only has jagged sharp teeth and long canines without the lower jaw and chin⁵. This is the image of an unreal animal in the natural world balanced with features in the appearance of animals such as qilin, dragons, lions..., clearly influenced by Javanese art. Just like on other works, the ancient Champa artists also, through the art of sculpture, expressed their awareness of balance and perfect beauty with symmetrical shapes and lines on the shaping of the Kala.

⁴ Pham Duc Duong (2000), Vietnamese culture in the context of Southeast Asia, Social Science Publishing House, Hanoi.

⁵ Tran Tan Vinh (2018) [8]

Fig. 1, 2. Kala in the G tower, 12th century and in F1 tower, the 8th century

In an introductory book about the antiques found in the Quang Nam — Da Nang area, “Saving the mark of Champa, the ancient capital of Simhapura Tra Kieu from the I to XI centuries” by the late Father Anton Nguyen Truong Thang introduced a lot of Kala-shaped artifacts such as antefixes, and arches. Kala facets appear in Champa art as a major decorative theme of Hindu as well as Buddhist temple-tower architecture. The image of Kala is widely decorated on the tower floors, on the door lids (tympan) or at the foot of towers, on altars.

Kala is considered an incarnation of the god Shiva, symbolising the destruction of time, impermanence, and things that are always changing. In Hinduism, Kala is the god of time. It can be said that the image of Kala is a unique creation of Indian art, symbolising the philosophy of the impermanence of all things, which makes it widely popular in arts of East Asia and Southeast Asia. In these arts, Kala is represented by very specific shaping techniques depending on the aesthetic qualities of each region. In Henri Parmentier's research work ‘Investigation and Inventory of Champa Sites in

Central Vietnam” (1909), the author commented on the god Kala in G tower, 12th century and F1 tower, 8th century at My Son Sanctuary, to have a clear influence of Javanese art⁶. The stone is carved with a picture of the god Kala with a fierce face, baring fangs, rolling back eyes, two carp fish whiskers raised. The god of time Kala is a legendary mascot whose job is to protect against evil spirits, so it is often placed at the entrance, main gate, gate pillars or tower base decoration. Accordingly, zone G has 52 terracotta Kala faces decorated at G1 temple base and 8 Kala decorated faces at G2 temple, Kala faces in G zone are also known as Simhamukha — Lion's face, created with human and animal characteristics as described above. These terracotta masks are decorated in dramatic frames that emphasize the importance of the sacred place. These masks are made by craftsmen of many traditional art lines, representing different styles. Besides the Kalas decorated in G area, they are also decorated at the foot of the A1 temple, on F1 temple door pillars, and various other positions on other architectural works in the valley of My Son Sanctuary.

⁶ Henri Parmentier (1909), Investigation and Inventory of Champa Sites in Central Vietnam, Paris.

⁷ Phan Thi Thu Binh (2010), [8]

Fig. 3. Kala-Makara ó Salatiga, Trung Java, Indonesia ⁸

Fig. 4. Kala-Makara at Danang Museum of Cham Sculpture

* Kala combined with Makara

The face of Kala is often associated with the image of the sea monster Makara, a half-snake-half-dragon sea monster that is the mount of the ocean ruler Varuna and of the river goddess Ganges Ganga, the Shiva's wife⁷. This decorative motif is called Kala-Makara. The image of Kala-Makara represents a skeptical conception of the universe. In Champa art, the image of Kala-Makara appeared very vividly on a famous altar, the Temple of Goddess Apsara Tra Kieu in the 11th century.

The image of Kala-Makara decorated on the altar is represented by a symmetrical layout with one Kala face in the middle and two Makara heads on either side representing the balance of the universe. There are also many decorative Kala images popular on architectural parts of the temples and towers of many Champa relics. For example, in My

Son A1 tower, there are also many images of Kala-Makara appearing in the decoration of the foot of the tower, which is arranged into an arch of the temple door, in which there are images of gods standing with their hands clasped to pay respects. Southeast Asian art historians have also pointed out the close artistic relations of the Kala-Makara image between Champa art and Javanese art in Indonesia in the art period from the 10th century onwards.

Highlights on the theme of Kala decoration also appeared on the My Son G1 temple in the middle of the 12th century. There are more than 50 Kala faces made of terracotta, arranged in a long line around the base of the tower of the temple dedicated to Shiva; this vivid decoration represents the cyclical thought of birth and death in the cosmology of the ancient Champa people. The image of Kala, which is a unique creation of Indian art, symbolizes the philosophy of the impermanence of all

⁸ Nagina Town (2015) [9]

⁹ Huynh Thanh Binh (2012), [7]

things, so it is widely popular in the arts in East Asia and Southeast Asia. In these arts, Kala is represented by very specific shaping techniques depending on the aesthetic qualities of each region.

In particular, the combination of Kala-Makara forms a composite called the “Glorious Face” symbolising the rotation cycle of the Sun, Moon, and Earth⁹. Indian religious philosophy holds that the macroscopic world is the Sun sitting on top of the sacred mountain Meru. The image of Kala-Makara is a characteristic combination of the angry look of an aquatic animal and an imaginary animal — the Makara, of the Sun, and the powerful animal, the Lion. It is called Simha-Mukha — “The face of the lion”, with the lion being related to the Sun. The sun is considered the breath of life and death. Birth and destruction are two inseparable aspects of polytheistic philosophical understanding. Every god has two sides, good and bad, birth and death. In Buddhist thought, death is the basis of the doctrine; where there is birth, it is certain to

lead to old age, sickness and death, the god of time (Kala) has certainly appeared and because Kala is too greedy, all existing things cease to appear, and is also the incarnation of Shiva in the manifestation of the god of destruction as the “black face”. In Buddhism, Kala is the king of death Yama; the face of Kala is the face of death.

* Kala decorated on top of Champa tiles

When Tra Kieu was identified as the Simhapura citadel of Champa, the excavations found many more artifacts, including the stylised terracotta antefixes with various shapes and sizes.

Most of the Champa architectures that have survived to this day are the Kalan temples and shrines to worship the gods, kings, and mothers of the country. The civil architecture works are all gone. Theories all say that they are built from less sustainable materials such as wood, bamboo, leaves, etc., affected by time and other causes, leading to absolute disappearance. With the antefixes

Fig. 5, 6. Artifacts with tile heads found in Tra Kieu area — Quang Nam

artifacts, it has been shown that the architecture in the Simhapura citadel used them to decorate the roof fringes on mansions and houses. Tiles and

decorative elements on tile are important material components in a complete architectural work. The presence of roof tiles shows the existence of

wooden rafters that lift the quite heavy roof tiles, which are often used in administrative centres, royal palaces, religious temples... This decoration on the tile adds to making the architecture more beautiful and solemn. Unlike the glazed tiles of China and Dai Viet, the Cham tile head is decorated and baked raw.

Tiles in Tra Kieu are found in two types: tubular roof tiles and imbrex tiles. Imbrex tiles has a pointed end, elongated shape. Tubular tile is also

known as yin — yang tile, trough-shaped tile. The yang tile (tube tile) is shaped like a bamboo tube or a bamboo tube, while the negative tile (ban tile) has a trough shape. When roofing, the pipe tile is faces down to match the roof tile part. The part of the tile facing the outside of the top of the yin and yang pipe tile is decorated with vivid patterns. On the top of the tubular tile, there are two types: one where the top of the tile is round in shape, and one where the top of the tile is in the shape of a semi-

Fig. 7, 8. Pipe antefixes

circle, with the shape of a trough. The name of yin and yang tile describes the position of the tile used in the last row of the architectural roof which link two yin tiles together and solve drainage for the entire roof set. This style of the yin and yang tile is still seen in the architectural works of Hue citadel, temples, pagodas, and old town today.

Different from the decorations on the tiles of other neighboring dynasties at the same time, the Kala decorative tile is a characteristic of Champa culture. Japanese researcher Nishimura believes that the Kala face motif found in Tra Kieu represents a religion that originated in India at the beginning of the process of Indianization affecting the capital of Linyi.

In general, the Kala face decoration motifs are shown in the frontal view with many different variations. Champa pipe tile heads also have many different sizes. The smallest diameter is 12 cm and the largest is 30 cm, and the thickness of these tiles is also not uniform, possibly due to the process of shaping by hand or using a rudimentary mold.

The image of Kala's face on the top of the tile in Tra Kieu (Quang Nam) is vividly shown with full details of clear eyes, nose and mouth, strong and sharp expressions. The circle around the face is a jagged, wavy, or dotted shape. The face shows the eyes, nose, mouth with many features of a lion, bared teeth with the shape of each grain quite evenly, on the forehead there is a third eye like

Fig. 9-11. Some Kala shapes on top of Champa pipe tiles

a fire with three branches. Another style shows high cheekbones, wide mouth, large nose bridge, big and slanted eyes, hair and beard stylized with floating veins, spreading evenly around...

3.3. Discussion and suggestion

Through the study of Vietnam's ancient fine arts, the problem of applying and developing patterns of ancient ethnic capital has many ways of doing it, many aspects to exploit such as:

*** Create a database on the system of decorative sculptural patterns and ancient Vietnamese fine arts**

Students of art schools go on field trips to survey, take notes, research projects to study ancient capital patterns, draw and apply graphic products, gift products..., creating positive effects not only in the academic environment but also in the social environment. Art and design schools in Vietnam have also cooperated with many units to organize seminars related to ancient art and ancient capital patterns, creating more playgrounds and interesting learning exchanges for lecturers and students when accessing this subject. We have

many universities and colleges that specialize in art and fine arts. The number of students conducting research and applying many topics inspired by traditional ethnic patterns. The applicability of ancient ethnic capital, the current national style is very much applied by art designers and architects in practice. Ancient patterns are part of the typical expression of national identity, helping to distinguish one nation from another. Therefore, training schools need to supplement their knowledge of the history of national culture and art, include communication topics in their projects when teaching, and conduct many topics by experts in the field of art. This presentation will bring a lot of knowledge directly to students and students.

Additionally, it is necessary for organisations and associations to launch meaningful competitions on the topic of national identity for students, and for everyone interested in participating. The contests both seek new designs for tourism gift products embracing local, regional and ethnic characteristics, as well as transferring and promoting traditional artistic values. In the period of integration and development of the market economy, countries use tourism to develop culture, and cul-

ture to develop economic trade, spreading the face of the country to many continents, such as: Thailand, or South Korea in the region having done it successfully.

*** Applying technologies in preserving and promoting the cultural and artistic values of ancient Vietnamese fine arts, especially Cham art**

Champa art outstands in architecture and shaping, not only clearly illustrating the level and aesthetic tastes but also conveys the ideology, culture and beliefs of a nation. The Champa people absorbed the quintessence of Hinduism, yet still retained the indigenous characteristics to draw their own unique and diverse cultural and religious beauty. Time is one of the factors that contribute to the loss of the values of an art. The art of Champa architecture and sculpture has been moulded by time and formed a thickness with layers of interlocking cultures, creating a mysterious and attractive beauty with extremely rich expressions and diversity. During the process of formation and development, through periods of ups and downs, reception and interference, mixing between indigenous and foreign cultures, the Champa people have left behind architectural works, full of charm and poeticism. Those values can be reproduced and kept vividly thanks to the development of technology and digital devices.

*** Technology to translate text images into languages of choice**

Currently, the Museum of Cham Sculpture in Da Nang, as well as other museums... have put into use automatic audio guides or apps downloaded from mobile devices via the App Store, including

many different languages to serve international visitors. This is a device connected to a headset and works depending on the built-in locator at places that need to be explained during the visit at the museum, helping visitors better grasp the values of heritage of Champa architectural and sculptural products.

*** Application of 3D printing technology in architectural restoration, Champa decorative sculpture**

The digital era allows people to receive new technologies that greatly assist in the conservation and preservation of traditional cultural values. Da Nang Museum of Cham Antiquities, with renovations and upgrades so that the public can have intuitive access to the values of ancient heritages, has pioneered the application of scientific and technical means, including 3D Hologram projection equipment, so that visitors can observe the artefacts from multiple angles and listen to explanations of the artefacts in different languages. In addition, smart applications such as automatic guidance via QR scanning codes are also fully utilised to bring a new life to the artefact, telling stories.

In developed countries around the world, designers have experienced automatic 3D printing technology, which can create shapes precise to every nanometers. 3D printing technology is a completely different concept from 3D simulation drawing in graphic design software. This new printing technology enables the creation of a three-dimensional object that can be grasped and touched, and with precisely pre-specified design processes. The restoration of the Champa heritages by 3D printing technology, simulating all the

formations of temples or statues, bas-reliefs in miniature scale to make a model for storage, as well as being able to quickly analyse the architectural space of the Cham's system temples and towers (kalan and bimong). Currently, most of the temple and tower artefacts are left in the open air, subject to the weathering effects of time, natural disasters and climate, facilitating degradation. Many works are in danger of collapsing, wearing, and have not been promptly restored and embellished. 3D technology can accurately reproduce the structure of each brick, each detail of decorative patterns to save documents for research, restoration and improvement work more accurately, aiding in the operations of conservation and promotion of cultural heritage values of ethnic groups.

*** Applying virtual reality to create multi-dimensional multi-faceted spaces**

Scientists and technologists have made future predictions about virtual reality's dominance of 3D space simulation in virtual modelling settings. Virtual Reality (VR) and Augmented Reality (AR) technologies create a three-dimensional space that is programmed with a machine device that realistically describes the surrounding world. People will directly interact with that space with all their senses. This will help a lot in rebuilding the structure of Champa temples, architectural works, decorative sculptures that related to space, product images, and actual materials. Users of virtual technology can see and capture the images of the model in virtual space, can freely control (hold, grasp, move, arrange ...) as well as interact with the objects, just as if it is reality. The virtual reality model will contribute to promoting the completion

of vivid, specific and detailed illustrations, which are being developed by many places due to overcoming limitations on geographical separation and reducing a large amount of costs in travel expenses. With virtual reality technology, just sitting at home and wearing VR glasses, or interacting with mobile devices, viewers will feel like they are standing in the real setting, listening to voiceovers and interacting in real time with the surrounding scenery. The application of 3D and virtual reality technologies to the preservation of art images, antiquities in general and sculpture, Champa architecture in particular has contributed to the transformation of research methods from traditional to modern, catching up with new trends, bringing desired effects into communication, promotion, and quality improvement in academic research.

*** Cloud storage technology, "big data" data**

Cloud storage with large data sources of "big data". There have been seminars within the framework of all levels to introduce the digitisation of documents and articles, in order to reduce areas of storage spaces. Everyone can access information and research about Champa, as well as art design students, or admirers of Champa decorative patterns, who can download and apply vector motifs from there to use in their designs art or illustrate the subject without fear of errors, or confusion with other ethnic groups. Technological trends will not stop at extracting images and printing design drawings on paper or viewing by slide shows, but rather require spatial demonstration with virtual reality 3D drawings, simulating virtual space as aforementioned. With a cloud computing application, users can easily create archives of documen-

tary images as well as vectors of Champa decorative patterns in different periods and styles. The application of traditional values and national patterns to the social reality of the new era is extremely rich and diverse, evoking many issues to ponder.

4. Conclusion

Ancient art is seen as a historical witness to the vicissitudes of social and cultural periods, many of which have become heritage. Cultural heritage is essential in education and building a proud foundation of national traditions for the next generation, and at the same time, paves way for locals to connect and be seen internationally. This sets the founding conditions to improve social life in the locality through tourism activities, sightseeing, research...

The result of modern technology is the recreation of the prideful cultural symbol of a nation's sculpture so that people can envisage the long history of an ancient kingdom, vividly recreating the stories of the past. It is not simply a sole device, nor just a mindless connected software, but also a capsule entailing priceless artistic assets, recording the traces of a unique civilization that once resonated in time. When looking at the temples, the decorative sculptures of the ancient Champa people, whether directly or indirectly, its beauty can be felt as both contemplative and mysterious, from the soaring and systemised circuit of decorative motifs, from the baked bricks of the earth that the artisans of the Champa kingdom have built, to the monumental and dignified architectural works,

moulding the gods into vivid and expressive work of sculpture art.

People have diverted their cognitive thinking in a more multi-faceted direction, with which they can join the ground of the new era "the main driving force for the development of human civilization is the revolution of science and technology"¹⁰. In order to preserve and conserve the traditional artistic and cultural values of the nation, it is necessary to take account the new technology. Champa art once flourished, yet only left from those glorious years on the stone and brick foundation. Not everyone can come to admire Champa artworks in the land of the old kingdom, and it is impossible to be sure that the works will last forever with time. Therefore, the application of technological achievements will bring about the best preservation and promotion of the mysterious art treasures of Cham, conveying the brilliant achievement values of culture and arts. Champa architecture and sculpture — one of the pinnacle of Southeast Asian arts — enriches and diversifies Vietnamese art and culture in the unified ethnic community as a whole. New forms of technology will be more flexible and promote a sense of protection and preservation of the nation's traditional cultural values, and spread more easily as they meet the needs of people of the time, of new era. Learners and viewers will enjoy in the process of learning the art of antiquities, the traditional art values of the nation with vivid and realistic images. Thereby improving the capacity to master technology and research, as well as to apply high-tech scientific achievements to the conservation and restoration of heritages, architectural

¹⁰ Nguyen Co Thach (2015), *The World In The Last 50 Years (1945 - 1995) And The World In The Next 25 Years (1996 - 2020)*, National Political Publishing House.

works and artworks of the people's relics, of ethnic groups that are being lost or disappeared in modern life today.

References

1. Pham Duc Duong (2000), Vietnamese culture in the context of Southeast Asia, Social Science Publishing House, Hanoi.
2. Nguyen Co Thach (2015), The World In The Last 50 Years (1945 – 1995) And The World In The Next 25 Years (1996 – 2020), National Political Publishing House.
3. Nguyen Truong Thang (2017), Save the stamp of Champa ancient capital Simhapura — Tra Kieu in the 1st to 11th centuries, Writers' Association Publishing House, Hanoi.
4. Le Dinh Phung (2005), Learn the history of Champa Tower Architecture, Culture and Information Publishing House, Hanoi.
5. Henri Parmentier (1909), Investigation and Inventory of Champa Sites in Central Vietnam, Paris.
6. Ha An (2021), Cultural development strategy to 2030 must show the desire to build a strong country, link: <https://bvhttdl.gov.vn/chien-luoc-phat-trien-van-hoa-den-nam-2030-phai-the-hien-khat-vong-xay-dung-dat-nuoc-hung-cuong-20210315150349494.htm>, access date: 20/08/2022.
7. Huynh Thanh Binh (2012), Makara Water Monster, link: <https://giacngo.vn/thuy-quai-makara-post19969.html>, access date: 20/08/2022
8. Phan Thi Thu Binh (2010), Find out the meaning of Kala, Indian Makara and the application of this image in Cham sculpture, link: <http://www.webdanang.com/da-nang/du-lich/tham-quan/Van-hoa-nghe-thuat/Bao-tang-cham/nghien-cuu-trao-doi/baidangkhongcotieude>, access date: 20/08/2022
9. Tran Tan Vinh (2018), Kala — Imprint of Champa culture, link: <https://vhqn.webquangnam.com/dien-dan-van-hoa-mien-trung/kala-dau-an-cua-nen-van-hoa-champa.html>, access date: 24/08/2022
10. Nagina Town (2015), Kala Makara (Sanskrit: मकर), An Integral part of Indonesian Culture, link: <http://indonesiaasisee.blogspot.com/2015/07/kala-makara-sanskrit-integral-part-of.html>, access date: 24/08/2022

Сведения об авторе

Фан Куог Ань

Магистр, факультет изобразительного искусства и дизайна,

Университет Ван Ланга, Хошимин, Вьетнам
phanquocanhmusic@gmail.com

Information about the author

Ngo Thi Thuy Anh

M.A., Faculty of Fine Arts and Design

Van Lang University, Ho Chi Minh City, Vietnam
phanquocanhmusic@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10.07.2023

Одобрена после рецензирования: 16.07.2023

Принята к публикации: 01.08.2023

Information about the article

The article was submitted: 01.08.2023

Approved after reviewing: 01.08.2023

Accepted for publication: 01.08.2023

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный.

В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учрежде-

ния (в соответствии с наименованием, указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов).

Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.

п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структу-

рированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения.

Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. !В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О.

Название статьи. *Название журнала, где была издана статья.* Город: издательство; год. С. (страницы, на которых размещена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura,

1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, при-

водят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (“**Contribution of the authors:**”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021;

принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/*другое*

Исторические/*другие науки*

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*

²*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

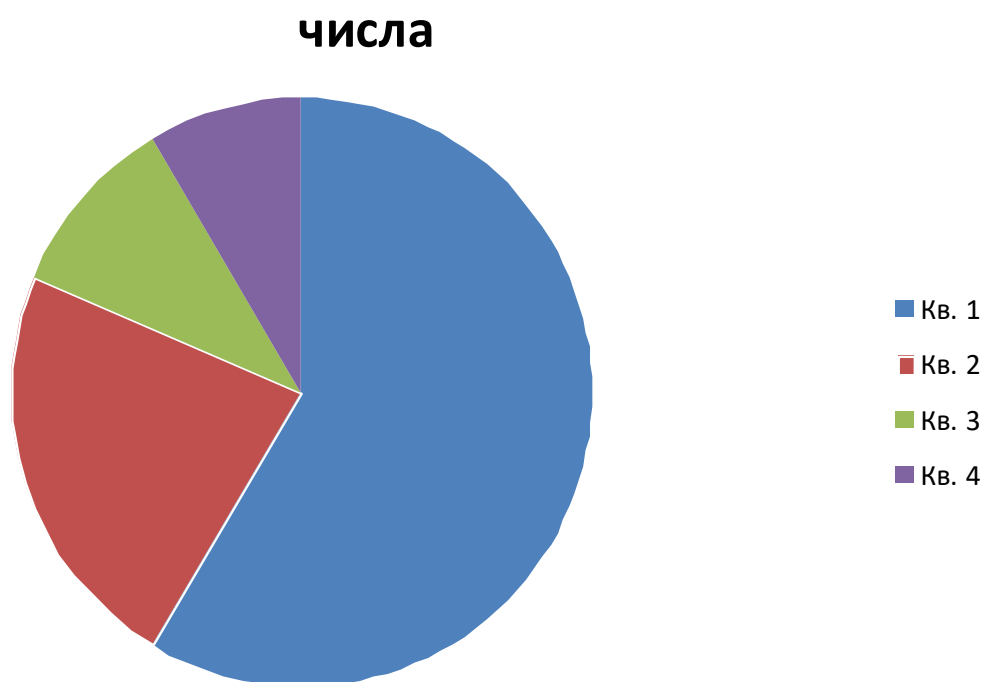

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.
!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

